



16+

Регионология

Том 31, № 4. 2023 (октябрь – декабрь)

Сквозной номер выпуска – 125

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 31, no. 4. 2023 (October – December)

Continuous issue 125

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru
<http://regionsar.ru>



Регионовология

Рецензируемый научный журнал открытого доступа

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань».

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.5. Политическая социология (социологические науки)

5.4.5. Политическая социология (политические науки)

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная





Russian Journal of Regional Studies

The peer-reviewed scholarly journal with open access

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The journal publishes the articles in the following branches of scientific knowledge: Economics, Sociology, Political Science.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals, in *German National Library of Economics (ZBW)*, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system.

The Journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

The Journal is included in the Higher Attestation Commission List of the Peer-Reviewed Scientific Publications where the Main Scientific Results of Ph.D. and Doctoral Theses (by applicants for Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees) in scientific specialties and their respective branches should be published:

Social Structure, Social Institutions and Processes (Social Sciences)
Political Institutions, Processes, Technologies (Political Sciences)
International Relations (Political Sciences)
Economic Sociology (Social Sciences)
Demography (Social Sciences)
Demography (Economic Sciences)
Political Sociology (Social Sciences)
Political Sociology (Political Sciences)
Sociology of Culture (Social Sciences)
Sociology of Management (Social Sciences)
Public Administration and Sectoral Policies (Political Sciences)

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная





РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор, кандидат педагогических наук, ректор Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ регионологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь, кандидат педагогических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, gordinaedu@gmail.com, inted@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Ахмад Наср Салех Мохамад – профессор бухгалтерского учета, факультет бухгалтерского учета Университета Гарьяна, генеральный директор Института персонала Ливийской академии, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Гарьян, Ливия)

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Белоножка Марина Львовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Великая Наталия Михайловна – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор, и. о. заведующего кафедрой социологии и политологии Волгоградского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Жигунова Галина Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Мурманск, Российская Федерация)



Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной и научно-образовательной деятельности, руководитель Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Кизима Сергей Анатольевич – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Академии управления при Президенте Республики Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Минск, Республика Беларусь)

Кулибанова Валерия Вадимовна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Лапин Анатолий Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Миролюбова Татьяна Васильевна – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Пермь, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Никитаева Анастасия Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной экономики Южного федерального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рожкова Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой экономической теории и международных отношений Пензенского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – доктор социологических наук, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Спринчан Сергей Леонидович – доктор политологии, доцент, ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Молдовы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Фролова Елена Викторовна – доктор социологических наук, профессор Департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Ярош Ольга Борисовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, главный научный сотрудник Лаборатории нейромаркетинга и поведенческой экономики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Симферополь, Российская Федерация)



EDITORIAL BOARD

Dmitriy E. Glushko – Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Ped.), Rector of National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Director of Research Institute of Regionology, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Svetlana V. Gordina – Executive Editor, Cand. Sci. (Ped.), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2265-418X>, gordinaedu@gmail.com, inted@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Nassr S. M. Ahmad – Professor of Accounting, Faculty of Accounting, University of Gharyan, General Manager of Human Resources Development Institute, Libyan Academy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2057-2220>, nassr_ahmad@yahoo.co.uk (Gharian, Libya)

Natalya L. Antonova – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russian Federation)

Igor V. Bakhlov – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bakhlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Marina L. Belonozhko – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Tyumen, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Dr. Sci. (Philos.), Full Professor, Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Acting Head of Department, Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Elena V. Frolova – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Sergey A. Kizima – Dr. Sci. (Polit.), Full Professor, Professor, Department of International Relations, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0725-5391>, kizima@mail.ru (Minsk, Republic of Belarus)

Valeriia V. Kulibanova – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Complex Research of the Spatial Development of Regions, Institute for Regional Economic Studies, the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (St. Petersburg, Russian Federation)



Anatoly E. Lapin – Dr. Sci. (Econ.), Full Professor, Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Tatyana V. Mirolubova – Dr. Sci. (Econ.), Full Professor, Dean of the Faculty of Economics, Perm State National Research University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Perm, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Leading Researcher, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Anastasia Yu. Nikitaeva – Dr. Sci. (Econ.), Full Professor, Head of the Department of Information Economics, Southern Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Liliya V. Rozhkova – Dr. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Economic Theory and International Relations, Penza State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Dr. Sci. (Sociol.), Deputy Director of Institute of Applied Ethnopolitical Research, Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Serghei L. Sprincean – Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Sergei A. Sudin – Dr. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Nataliya M. Velikaya – Dr. Sci. (Polit.), Full Professor, Deputy Director for Science and Research, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Olga B. Yarosh – Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of Marketing, Trade and Customs Department Affairs, Leading Researcher, Laboratory of Neuromarketing and Behavioral Economics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Simferopol, Russian Federation)

Galina V. Zhigunova – Dr. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Murmansk, Russian Federation)

Yulia A. Zubok – Dr. Sci. (Sociol.), Full Professor, Deputy Director for Science and Education, Head of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Moscow, Russian Federation)



СОДЕРЖАНИЕ

Политические институты, процессы и технологии

- С. А. Горохов, М. М. Агафшин, Р. В. Дмитриев.** Регулирование миграции в регионе Западных Балкан: пример Боснии и Герцеговины 618

- О. А. Чернова.** Социально-демографические аспекты миграции и их влияние на устойчивость развития южнороссийских регионов 634

Экономика и управление народным хозяйством

- И. А. Емелькина, О. Н. Фомина.** Импортзамещение и параллельный импорт в различных регионах мира: экономико-правовой анализ 650

- М. В. Шмакова, Ю. А. Кузнецова.** Характеристики экологического пространства России: региональные различия 665

Экономическая социология и демография

- И. Р. Насыров, Ю. Д. Якубов.** Представительства субъектов Федерации как институт межрегионального сотрудничества (опыт Республики Татарстан) 684

- М. Б. Лига, И. А. Щеткина, Е. Ю. Захарова.** Забайкальское казачество как субъект патриотического воспитания молодежи 701

- М. Ю. Бареев.** Мусульманские ценности в восприятии современной татарской молодежи: региональный аспект 720

Социальная структура, социальные институты и процессы

- И. А. Юрасов, В. В. Бондаренко, С. В. Полутин, О. А. Зябликова, О. Н. Юрасова.** Парадоксальные формы проявления институционального социального доверия в российских регионах: коррупция и теневая занятость как формы социального доверия 733

- К. В. Фофанова, В. А. Дорогайкина.** В поиске баланса: забота о семье и профессиональная занятость женщин в период отпуска по уходу за ребенком 754

- Е. А. Панина, А. В. Леонтьева, Е. С. Франченко.** Креативные стратегии развития современных городов: особенности, сущность понятия и подходы к их пониманию 770

- Информация для авторов и читателей** 788



CONTENTS

Political Institutions, Processes and Technologies

- S. A. Gorokhov, M. M. Agafoshin, R. V. Dmitriev.** Migration Management in the Western Balkan Region: The Case of Bosnia and Herzegovina 618
- O. A. Chernova.** Socio-Demographic Aspects of Migration and their Impact on the Sustainability of the Development of Southern Russian Regions 634

Economics and Management of National Economy

- I. A. Emelkina, O. N. Fomina.** Import Substitution and Parallel Imports in Various Regions of the World: Economic and Legal Analysis 650
- M. V. Shmakova, Yu. A. Kuznetsova.** Characteristics of the Ecological Space of Russia: Regional Differences 665

Economic Sociology and Demography

- I. R. Nasyrov, Yu. D. Yakubov.** Representative Offices of the Federal Subjects as an Institute for Interregional Cooperation (Experience of the Republic of Tatarstan) 684
- M. B. Liga, I. A. Shchetkina, E. Yu. Zakharova.** Trans-Baikal Cossacks as a Subject of Patriotic Education of Youth 701
- M. Yu. Bareev.** Muslim Values in the Perception of Modern Tatar Youth: A Regional Aspect 720

Social Structure, Social Institutions and Processes

- I. A. Yurasov, V. V. Bondarenko, S. V. Polutin, O. A. Zyablikova, O. N. Yurasova.** Paradoxical Manifestations of Institutional Social Trust in Russian Regions: Corruption and Shadow Employment as Types of Social Trust 733
- K. V. Fofanova, V. S. Dorogaykina.** In Search of Balance: Family Care and Professional Employment of Women During Parental Leave 754
- E. A. Panina, A. V. Leontyeva, E. S. Franchenko.** Creative Strategies for the Development of Modern Cities: Features, Essence of the Concept and Approaches to their Understanding 770
- Information for Authors and Readers of the Journal** 788



ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА.
ЭТНОПОЛИТИКА / POLITICAL REGIONAL STUDIES.
ETHNOPOLITICS



УДК 325.1(1-924.57)

doi: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.618-633

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Регулирование миграции в регионе Западных Балкан:
пример Боснии и Герцеговины



С. А. Горохов



М. М. Агафошин ✉



Р. В. Дмитриев

Институт Африки Российской академии наук
(г. Москва, Российская Федерация)
✉ agafoshinmm@gmail.com

Аннотация

Введение. На протяжении столетий регион Западных Балкан был активно вовлечен в процессы международной миграции, в основном генерируя потоки мигрантов в другие государства. События европейского миграционного кризиса привели к тому, что регион стал одним из важнейших центров транзитной миграции из стран Азии и Африки. Именно со стороны Европейского союза, являющегося глобальным центром притяжения мигрантов, проводится активная политика по управлению миграцией. Цель статьи – выявить влияние политики Европейского союза в отношении Западных Балкан на развитие миграционного кризиса в регионе в целом и в Боснии и Герцеговине в частности.

Материалы и методы. Исследование базируется на статистических материалах о миграции международных и региональных организаций. Анализ особенностей политического регулирования миграции в регионе проводится на основе системного подхода и контент-анализа многочисленных деклараций и договоров, а также опубликованных научных исследований.

Результаты исследования. В ходе исследования выявлено, что проводимые Евросоюзом экстернализация и секьюритизация миграционной политики способствуют обострению кризисной ситуации на Западных Балканах, которые фактически превращаются в буферную зону по сдерживанию и фильтрации мигрантов. Усиление миграционного и пограничного контроля в регионе стало причиной диверсификации направлений миграционных потоков, в результате которых Босния и Герцеговина превратилась в один из основных центров транзитной миграции.

Обсуждение и заключение. Босния и Герцеговина, следуя курсу на присоединение к Европейскому союзу, планомерно принимает все его решения в области управления миграцией. Однако эти решения приводят к увеличению миграционного давления на страну, к которому она в силу своих внутривнутриполитических и экономических проблем оказывается не готова. Противоречия между центральными и региональными властями страны в принципиальных вопросах миграционной политики усиливают тенденции к дезинтеграции государства. Данные о масштабах миграции в регионе, ее анализ и выводы о принципах миграционной политики Евросоюза будут полезны исследователям в сфере миграционных процессов, а также могут быть использованы государственными органами при разработке российской стратегии управления иммиграционными процессами.

© Горохов С. А., Агафошин М. М., Дмитриев Р. В., 2023



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Ключевые слова: Западные Балканы, Босния и Герцеговина, Европейский союз, миграция, европейский миграционный кризис, миграционная политика, экстернализация, секьюритизация

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00123.

Для цитирования: Горохов С. А., Агафосин М. М., Дмитриев Р. В. Регулирование миграции в регионе Западных Балкан: пример Боснии и Герцеговины // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 4. С. 618–633. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.618-633>

Original article

Migration Management in the Western Balkan Region: The Case of Bosnia and Herzegovina

S. A. Gorokhov, M. M. Agafoshin ✉, R. V. Dmitriev
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)
✉ agafoshinmm@gmail.com

Abstract

Introduction. For centuries, the Western Balkan region has been actively involved in international migration processes, mainly generating flows of migrants to other states. The European migration crisis has led to the region has become one of the main hub of transit migration from Asia and Africa to the European Union states. The European Union – a global center of gravity for migrants implement an active migration management policy in the region. The purpose of the article is to identify the impact of European Union policy towards the Western Balkans on the development of the migration crisis in the region as a whole and in Bosnia and Herzegovina in particular.

Materials and Methods. The study is based on statistical materials on migration of international and regional organizations. The analysis of the features of political regulation of migration in the region is carried out on systematic approach and content analysis of numerous declarations and treaties, as well as published scientific research.

Results. The study revealed that the externalization and securitization of migration policy carried out by the European Union leads to an aggravation of the crisis in the Western Balkans, which are actually turning into a buffer zone for deterring and filtering migrants. The strengthening of migration and border control in the region has led to the diversification of migration flows; as a result Bosnia and Herzegovina has become one of the main centers of transit migration.

Discussion and Conclusion. Bosnia and Herzegovina, following the course of joining the European Union, systematically takes all imposed decisions in the field of migration management. However, these deals lead to an increase in migration pressure on the country that it is not prepared due to its internal political and economic problems. Contradictions between the central and regional authorities of the country in fundamental issues of migration policy reinforce the tendencies towards its disintegration. Data on the scale of migration in the region, its analysis and conclusions on the principles of European Union migration policy will be useful to researchers in the field of migration processes, and can be used by government agencies for developing a Russian strategy for managing immigration processes.

Keywords: Western Balkans, Bosnia and Herzegovina, European Union, migration, European migration crisis, migration policy, externalization, securitization

Conflict of interests. The authors declare that there is not conflict of interest.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00123.

For citation: Gorokhov S.A., Agafoshin M.M., Dmitriev R.V. Migration Management in the Western Balkan Region: The Case of Bosnia and Herzegovina. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):618–633. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.618-633>

Введение. Регион Западных Балкан на протяжении столетий являлся и продолжает оставаться сегодня территорией цивилизационного и геополитического соперничества. В силу фронтирного положения регион испытывал на себе многочисленные войны, вторжения и потрясения, которые становились причиной вовлечения населения в процессы региональной и международной миграции¹ [1].

В последние тридцать лет, с началом процессов политической трансформации в регионе, миграция стала одним из ключевых факторов его демографических, политических и социально-экономических изменений. Распад единой Югославии, сопровождавшийся длительными военными действиями на территории этой страны² [2], неблагоприятная экономическая ситуация и многочисленные этноконфессиональные конфликты в 1990-х гг. стали причиной как оттока населения из региона, так и массовых переселений внутри его границ. Так, к концу балканских войн 2,4 млн чел. оказались беженцами, в том числе около 1,35 млн беженцев из бывшей Югославии было принято странами Европейского союза (далее – ЕС) в его современных границах, а еще 2 млн – стали внутренне перемещенными лицами³. В наибольшей степени эти процессы затронули Боснию и Герцеговину (далее – БиГ), половина населения которой стала беженцами или внутренне перемещенными лицами.

Очередное обострение миграционной ситуации, связанное с событиями европейского миграционного кризиса, оказывает значительное воздействие на регион. Западные Балканы⁴ оказались в эпицентре транзитной миграции сотен тысяч выходцев из стран Ближнего Востока и Африки в ЕС. Политические решения вкупе с ограничениями передвижения в период пандемии COVID-19 привели к изменению миграционных маршрутов – таким образом БиГ превратилась в основной миграционный хаб в регионе.

Вновь возросший поток вынужденных переселенцев из азиатских и африканских стран, начавшийся в 2018 г., а также приток вынужденных мигрантов в результате конфликта на Украине осложняют ситуацию в регионе. Однако кризис с украинскими беженцами лишь частично затронул страны Западных Балкан. Согласно отчету Международной организации по миграции, к концу 2022 г. границы стран региона пересекли около 338 тыс. жителей Украины, из которых чуть более 19 тыс. остались на территории этих государств⁵. Относительно невысокая численность вынужденных мигрантов с Украины связана с введением в действие со стороны ЕС Директивы о временной защите (2001 г.), которая не применялась ранее по отношению к беженцам из стран Азии и Африки. В результате большинство переселенцев с Украины смогли беспрепятственно переместиться через западнобалканские страны в ЕС, поскольку

¹ Heršak E., Mesić M. L'espace migratoire de Yougoslavie: historique des migrations yougoslaves // *Revue européenne des migrations internationales*. 1990. Vol. 6, no. 2. Pp. 27–64. <https://doi.org/10.3406/remi.1990.1241>

² Романенко С. А. Распад Югославии: «заговор» или историческая неизбежность? // *Полития*. 1998. № 2. С. 159–178. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-1998-8-2-159-178>

³ Watkins C. S. *The Balkans*. New York : Nova Science Publishers, 2003. 140 p.

⁴ В этом исследовании под странами Западных Балкан понимаются пять государств Юго-Восточной Европы, не вошедших в ЕС – Албания, Сербия, Черногория, Северная Македония, Босния и Герцеговина, а также самопровозглашенная частично признанная Республика Косово.

⁵ *Migration Trends in the Western Balkans in 2022* [Электронный ресурс]. 2023. Р. 17. URL: <https://bih.iom.int/resources/migration-trends-western-balkans-2022> (дата обращения: 22.05.2023).



статус временной защиты позволяет его обладателю находиться в ЕС в течение всего периода действия Директивы и подавать заявление о предоставлении убежища [3]. Сложившаяся миграционная ситуация накладывается на совокупность накопленных за десятилетия внутренних проблем, что затрудняет ее разрешение. Цель статьи – на основе проведенного исследования определить роль политического курса Европейского союза по отношению к Западным Балканам на формирование миграционного кризиса в странах данного региона, в том числе на развитие миграционных процессов в Боснии и Герцеговине.

Обзор литературы. Масштабное увеличение потоков вынужденных мигрантов в мире стало серьезным системным вызовом для многих современных государств, выдвинув миграционную тематику в авангард междисциплинарных научных исследований. Наиболее остро вопрос о решении порождаемых международной миграцией проблем поставили события европейского миграционного кризиса, в развитии которого страны Западных Балкан сыграли важную роль.

Большой вклад в научное понимание причин и критериев миграционного кризиса внес С. В. Рязанцев, который утверждает, что в кризисный период проявляется неэффективность традиционных инструментов миграционной политики стран-реципиентов [4]. Как отмечают М. Зоппи и М. Пулери, неэффективность миграционной политики также характерна и для государств, расположенных на балканском маршруте, которые в первую очередь являются странами транзита [5]. Важно отметить, что миграционный кризис имеет своим следствием резкое снижение территориальной диверсификации маршрутов передвижения мигрантов между регионами формирования миграционных потоков и их аккумуляции, в результате которого в период кризиса основной поток беженцев в страны ЕС был направлен через страны Западных Балкан [6]. Болгарский демограф А. Крастева, представляя типологию миграционных кризисов на примере балканских стран, приходит к заключению, что современный миграционный кризис в регионе сконструирован внешними акторами [7].

Современные исследователи уделяют много внимания влиянию внешних игроков на геополитическую ситуацию в регионе. И. Н. Щербак, анализируя проблемы, связанные с расширением Евросоюза на страны Западных Балкан, приходит к выводу, что политика ЕС в регионе направлена на сдерживание влияния третьих стран [8]. С этим выводом в соглашается П. Тейлор, который считает политику ЕС в регионе недостаточно активной, призывая к скорейшему все же и полному включению стран Западных Балкан в Евросоюз – это, по его мнению, может стать триггером их развития⁶.

Полемизируя с П. Тейлором, турецкий политолог Т. Э. Тулун, наоборот, говорит о политике двойных стандартов, проводимой ЕС в регионе, которая способствует усилению кризисной ситуации в балканских государствах⁷. С одной стороны, как отмечают отечественные специалисты О. Г. Карпович и Т. В. Зверева, новые предложения Еврокомиссии нацелены на активизацию сотрудничества

⁶ Taylor P. Seize the Geopolitical Moment: The Western Balkans and European Security [Электронный ресурс] // Friends of Europe. 7 Dec. 2022. URL: <https://www.friendsofeurope.org/insights/seize-the-geopolitical-moment-the-western-balkans-and-european-security/> (дата обращения: 28.08.2023).

⁷ Tulun T. E. Tirana Summit Midst Multiple Processes: A Confused European Union in the Balkans. <https://doi.org/10.31219/osf.io/n5zv6> (Preprint)

с третьими странами с целью привлечения в ЕС квалифицированной рабочей силы [9]. С другой стороны, миграционная политика Евросоюза по отношению к западнобалканским государствам в вопросах перемещения вынужденных мигрантов характеризуется ростом секьюритизации⁸, как пишет в своей работе Дж. Вебб [10]; а также экстернализацией⁹, на что указывают О. Ю. Потемкина [11] и Р. Ферреро-Туррион¹⁰.

Теория секьюритизации миграции в ее наиболее полном виде представлена в работах Б. Бузана, О. Вевера и Я. Де Вилде, принадлежащих к Копенгагенской школе исследований в области безопасности¹¹. По мнению К. Ходжича, практика секьюритизации и экстернализация политики в условиях миграционного кризиса приводит к гуманитарной катастрофе, которая наиболее ярко проявляется в БиГ [12]. Превращение стран региона и, в частности, БиГ в буферную зону сдерживания потоков беженцев в ЕС приводит к их накоплению, что вызывает социальную и политическую напряженность, отмечают К. Минка и Д. Умек [13], а также Д. Сантич с соавторами [14].

По итогам проведенного обзора можно установить, что с начала 2000-х гг. основной фокус миграционных исследований в мире постепенно смещается с глобального на уровень отдельных регионов и стран. Исключительное значение в последнее время приобретают исследования, посвященные миграционному кризису, который оказывает дестабилизирующее воздействие на миграционные системы. В условиях миграционного кризиса в целом становится ясной необходимость более глубокого осмысления действующей политики ЕС, оказывающей определяющее воздействие на регулирование миграционных процессов в соседних с Евросоюзом регионах. Настоящая статья представляет собой первое комплексное исследование влияния ЕС на развитие миграционного кризиса в государствах Западных Балкан – ключевом регионе транзитной миграции в Евросоюз.

Материалы и методы. Для оценки масштаба миграционного кризиса в регионе Западных Балкан в работе использованы различные статистические данные. В условиях кризиса возрастает доля нелегальных миграций, что приводит к определенному ограничению возможности статистического учета. Наиболее общими данными, позволяющими оценить мощность миграционного потока через регион, являются ежемесячно публикуемые Европейской службой пограничной и береговой охраны (Frontex) материалы о количестве фактов незаконного пересечения границ в рамках Балканского маршрута¹².

⁸ Секьюритизация – смещение акцента миграционной политики на обеспечение безопасности государства, принимающего мигрантов. Предполагает в том числе усиление мер пограничного контроля, введение практики депортации и осуществление всеобъемлющего наблюдения за иммигрантами.

⁹ Вынос процедур пограничного контроля и предоставления убежища в страны за пределами Европейского союза.

¹⁰ Ferrero-Turrión R. The Western Balkans: The EU Border Outsourcing Process and its Impact on the Balkan Region // *Security Challenges and the Place of the Balkans and Serbia* / eds by A. Jović-Lazić, A. Troude. 2020. Pp. 87–104. https://doi.org/10.18485/iipe_balkans_rssc.2020.ch6

¹¹ Buzan B., Wæver O., de Wilde J. *Security: A New Framework for Analysis*. Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.

¹² Detections of Illegal Border-Crossings Statistics [Электронный ресурс]. URL: <https://frontex.europa.eu/what-we-do/monitoring-and-risk-analysis/migratory-map/> (дата обращения: 10.04.2023).



Другим важным источником информации, используемым в работе, стали данные Международной организации по миграции, позволяющие отследить ежемесячное число прибывающих мигрантов в каждую страну региона начиная с 2016 г.¹³ Для определения числа беженцев и искателей убежища используются материалы Управления верховного комиссара по делам беженцев ООН¹⁴, а также данные Международной организации по миграции о численности мигрантов, находящихся в центрах временного размещения¹⁵.

Были проанализированы многочисленные источники информации, связанные с вопросами политического регулирования миграции в регионе и развития диалога между государствами ЕС и странами Западных Балкан. Эти документы принимались на конференциях в рамках Будапештского¹⁶, Пражского¹⁷ и Берлинского процессов¹⁸, а также саммитов ЕС – Западные Балканы в Софии (2018 г.)¹⁹, Загребе (2020 г.)²⁰, Брдо (2021 г.)²¹ и Тиране (2022 г.)²². Важное место региону отводится в новом Пакте о миграции и убежище²³, который позиционируется составителями как основа новой миграционной политики ЕС. Развитие идей нового Пакта уже находит свое отражение в принятом ЕС плане действий на Западных Балканах²⁴, направленном на укрепление сотрудничества в области миграции и управления границами, а также в подписании договоров о расширении компетенций Frontex в странах региона²⁵.

Основным методом исследования выбран анализ официальных документов, в первую очередь политических договоров и соглашений по регулированию

¹³ Migration Flow to Europe. Arrivals [Электронный ресурс]. URL: <https://dtm.iom.int/europe/arrivals> (дата обращения: 18.05.2023).

¹⁴ Refugee Data Finder [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics> (дата обращения: 03.06.2023).

¹⁵ Migration Flow to Europe. Migrants Presence [Электронный ресурс]. URL: <https://migration.iom.int/europe/migrants-presence> (дата обращения: 03.06.2023).

¹⁶ Budapest Process [Электронный ресурс]. URL: <https://www.budapestprocess.org/> (дата обращения: 28.05.2023).

¹⁷ Prague Process [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pragueprocess.eu/en/about> (дата обращения: 28.05.2023).

¹⁸ The Berlin Process for the Western Balkans: Gains and Challenges for Kosovo [Электронный ресурс]. URL: https://balkansgroup.org/wp-content/uploads/2018/01/THE-BERLIN-PROCESS-FOR-THE-WESTERN-BALKANS_GAINS-AND-CHALLENGES-FOR-KOSOVO_WEB_FINAL-1.pdf (дата обращения: 18.05.2023).

¹⁹ EU-Western Balkans Summit in Sofia, 17 May 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2018/05/17/> (дата обращения: 18.05.2023).

²⁰ EU-Western Balkans Zagreb Summit, 6 May 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2020/05/06/> (дата обращения: 18.05.2023).

²¹ EU-Western Balkans Summit, Brdo pri Kranju, Slovenia, 6 October 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2021/10/06/> (дата обращения: 18.05.2023).

²² EU-Western Balkans Summit in Tirana, 6 December 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2022/12/06/> (дата обращения: 18.05.2023).

²³ Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on a New Pact on Migration and Asylum [Электронный ресурс]. Brussels, 23.09.2020. COM (2020) 609 final. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:85ff8b4f-ff13-11ea-b44f-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_3&format=PDF (дата обращения: 03.06.2023).

²⁴ Migration Routes: Commission Proposes Action Plan for Cooperation with Western Balkans to Address Common Challenges [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_7447 (дата обращения: 18.05.2023).

²⁵ Operational Measures to Manage Migration [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/FS_23_1851 (дата обращения: 18.05.2023).

миграции в регионе. В результате на базе разнообразных источников была проведена инвентаризация политики ЕС по отношению к странам Западных Балкан в период с 1990 по 2023 г., охарактеризованы основные ее направления, касающиеся прежде всего управления миграционными процессами.

Количественный анализ статистических данных о мощности миграционного потока, проходящего через западнобалканский регион, а также численности мигрантов в его странах позволил выявить ключевую роль региона в развитии европейского миграционного кризиса.

Результаты исследования. За короткий промежуток времени, с июля 2015 г. по март 2016 г., только через страны Западных Балкан прошли более 800 тыс. беженцев – в основном из Сирии, Ирака и Афганистана. Их массовый наплыв вызывал в широких кругах европейского общества беспокойство по поводу негативного воздействия миграции на рынок труда, роста преступности и эскалации насилия. Многие граждане стран ЕС видели в мигрантах, принадлежащих прежде всего к мусульманской культуре, угрозу своей национальной идентичности²⁶ [15; 16]. Для снижения миграционного давления власти ЕС заключили совместный план действий с Турцией²⁷, согласно которому предусматривался возврат всех новых нелегальных мигрантов, пересекших ее границу со странами ЕС, обратно в Турцию. Также под патронажем ЕС странами, расположенными вдоль Балканского маршрута, была принята декларация «Совместное управление миграцией», которая фактически способствовала блокированию передвижения через границы балканских государств²⁸.

Официальное «закрытие» Балканского маршрута привело к значительному снижению количества нелегальных пересечений внешних границ ЕС через западнобалканские страны: так, если в 2015 г. их было зафиксировано 764 тыс., то в 2016 г. – уже 130 тыс., а в 2017 г. – всего около 12 тыс. Однако если для ЕС миграционный кризис пошел на спад, то для Западных Балкан ситуация продолжала оставаться очень сложной. На конец 2016 г. более 75 тыс. мигрантов застряли в странах региона, не имея возможности двигаться дальше [17]. Западные Балканы превратились в буферную зону между государствами ЕС, закрывшими для беженцев свои границы: Грецией и Болгарией, с одной стороны, Венгрией и Хорватией – с другой [18].

Таким образом, причины продолжения кризисной миграционной ситуации в государствах Западных Балкан после 2016 г. носят в определенной степени сконструированный характер, который вызван курсом развития миграционной политики ЕС. Новый подход Евросоюза к решению миграционных проблем представлен в Пакте о миграции и убежище, обнародованном в сентябре 2020 г. [19]. Пакт все еще проходит процедуру согласования государствами-членами и должен

²⁶ Europeans Fear Wave of Refugees Will Mean More Terrorism, Fewer Jobs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2016/07/11/europeans-fear-wave-of-refugees-will-mean-more-terrorism-fewer-jobs/> (дата обращения: 20.05.2023).

²⁷ EU-Turkey Statement & Action Plan. European Parliament [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/theme-towards-a-new-policy-on-migration/file-eu-turkey-statement-action-plan> (дата обращения: 20.04.2023)

²⁸ Oruc N., Raza S., Santic D. The Western Balkan Migration Route (2015–2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pragueprocess.eu/en/migration-observatory/publications/33-reports/289-the-western-balkan-migration-route-2015-2019> (дата обращения: 11.05.2023).



быть одобрен до выборов в Европарламент в июне 2024 г. В этом документе большое внимание уделяется необходимости экстернализации миграционной политики ЕС в результате тесного сотрудничества с ключевыми третьими странами происхождения и транзита, в том числе с западнобалканскими. Пакт также направлен на оптимизацию предоставления убежища в ЕС за счет введения ускоренной процедуры рассмотрения соответствующих заявлений в странах транзита, предусматривающей выдворение из ЕС тех лиц, чьи заявления были отклонены. Тренд на секьюритизацию отчетливо проявился в решении об увеличении штата агентства Frontex к 2027 г. до 10 тыс. сотрудников²⁹. Одной из задач Frontex, согласно новым соглашениям со странами региона, станет контроль на всех границах западнобалканских государств, а не только на их рубежах с ЕС, как это было ранее³⁰.

После «закрытия» балканского маршрута к 2018 г. в регионе Западных Балкан активизировались перемещения мигрантов по альтернативным маршрутам, в результате чего БиГ, наряду с Сербией и Северной Македонией, стала ключевым центром миграции в регионе. Так, в 2018 г. на Западные Балканы прибыли около 43 тыс., в 2019 г. – 80 тыс., в 2020 г. – уже более 103 тыс. мигрантов. В 2022 г. в странах Западных Балкан было зарегистрировано более 192 тыс. чел., что стало самым высоким показателем для региона с 2016 г.³¹

Босния и Герцеговина даже на фоне своих соседей по региону выделяется масштабом миграционных процессов и остротой их протекания. Первый миграционный кризис, причиной которого стала Боснийская война 1992–1995 гг., привел страну к демографической катастрофе. Вследствие военных действий, сопровождавшихся массовыми убийствами мирного населения и этническими чистками, более 1 млн чел. были вынуждены покинуть страну, а около 1,2 млн боснийцев стали внутренне перемещенными лицами [20; 21]. Следствием военных действий в 1992–1995 гг. стало изменение этноконфессиональной структуры боснийского населения и формирование на территории страны нескольких этнически гомогенных ареалов, существование которых было закреплено в конституции созданием двух сформированных по национальному признаку автономных энтитетов – составных частях боснийской федерации – Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской.

В начале европейского миграционного кризиса (2015–2016 гг.) БиГ, находившаяся несколько в стороне от магистральных направлений перемещений мигрантов, была слабо вовлечена в их транзит. Второй миграционный кризис начался для страны с 2018 г. уже после «закрытия» Балканского маршрута. В этом году было зарегистрировано в общей сложности более 24 тыс. нелегальных пересечений границы (18,5 % от их общего числа в регионе), что в 30 раз превышало показатели 2017 г. В 2019 г. на боснийскую территорию

²⁹ Regulation (EU) 2019/1896 of the European Parliament and of the Council of 13 November 2019 on the European Border and Coast Guard and repealing Regulations (EU) No 1052/2013 and (EU) 2016/1624 [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32019R1896> (дата обращения: 22.05.2023).

³⁰ Strengthening the EU's External Borders [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/strengthening-external-borders/> (дата обращения: 22.05.2023).

³¹ Migration Trends in the Western Balkans in 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://bih.iom.int/resources/migration-trends-western-balkans-2022> (дата обращения: 22.05.2023).



прибыли уже более 29 тыс. чел. Однако в 2020–2021 гг. число лиц, нелегально въехавших в БиГ, сократилось до 15–16 тыс., что обусловлено глобальными ограничениями на передвижение и ужесточением мер пограничного контроля в связи пандемией COVID-19 [22]. Последовавший в 2022–2023 гг. рост числа нелегальных пересечений границ БиГ до 27 тыс. свидетельствует об обострении миграционной ситуации.

Из более чем 120 тыс. лиц, которые прошли через боснийскую территорию после «закрытия» Балканского маршрута, лишь около 2 тыс. обратились с просьбой о предоставлении убежища в стране. Их количество продолжает сокращаться: если в 2018 г. число зарегистрированных искателей убежища составило 1 003 чел., то в 2022 г. – 134 чел. Нежелание подачи ходатайств о статусе беженцев в БиГ обусловлено совокупностью факторов, среди которых сложная экономическая и политическая ситуация в стране, а также нерешенность внутренних противоречий: так, со времен войны 1992–1995 гг. остается проблема наличия около 100 тыс. внутренне перемещенных лиц.

Парадоксальное сокращение числа обращений о предоставлении убежища при увеличении миграционного потока связано с начавшимися переговорами между ЕС и БиГ о сотрудничестве в области управления миграцией и границами в рамках нового Пакта о миграции и убежище ЕС³². В рамках этих соглашений, помимо расширения полномочий Frontex, предусматривается интеграция уже используемой автоматизированной системы идентификации отпечатков пальцев и ладоней с Европейской дактилоскопической системой Eurodac. При обращении за гуманитарными услугами или получении доступа к центрам временного размещения мигранты заносятся в общую систему, нахождение в которой потенциально может воспрепятствовать их попаданию в страны ЕС³³.

Сокращение численности мигрантов в центрах временного размещения вследствие нежелания быть подвергнутыми дактилоскопической регистрации на фоне роста числа нелегальных мигрантов в стране приводит к негативным последствиям. Мигранты вынуждены разбивать стихийные лагеря в заброшенных зданиях, парках или на обочинах дорог; они не получают пакета гуманитарной помощи от властей, а также, не имея официального статуса, часто подвергаются полицейскому насилию, произвольным задержаниям и агрессии со стороны местных криминальных групп³⁴.

Ситуация перманентного миграционного кризиса, в котором пребывает БиГ фактически на протяжении всего периода своего существования, определяет особую значимость регулирования миграционной политики для этого государства. После заключения в 1995 г. Дейтонских соглашений руководством БиГ был взят курс на присоединение республики к Евросоюзу, следствием чего стало сближение миграционной политики страны с соответствующими стандартами ЕС.

³² Подобные действующие соглашения о сотрудничестве в области управления границами у Европейского союза уже есть с Албанией (2019 г.), Черногорией (2020 г.) и Сербией (2020 г.), а с 1 апреля 2023 г. и с Северной Македонией.

³³ Blackmail in the Balkans: How the EU is Externalising its Asylum Policies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statewatch.org/analyses/2021/blackmail-in-the-balkans-how-the-eu-is-externalising-its-asylum-policies/> (дата обращения: 03.06.2023).

³⁴ Migration Trends in the Western Balkans in 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://bih.iom.int/resources/migration-trends-western-balkans-2022> (дата обращения: 22.05.2023).



Для БиГ крайне важным было добиться упрощения процедур миграции для своих граждан и их быстрого выхода на рынки труда стран ЕС, а также расширения возможностей диаспоры для развития национальной экономики. В свою очередь, Евросоюз был заинтересован в ограничении потоков нелегальных мигрантов через территорию страны и возвращении боснийских беженцев на родину [23]. В этой связи ЕС как глобальный центр притяжения мигрантов запустил несколько механизмов по управлению миграционными процессами.

В 1998 г. БиГ вошла в состав рабочей группы по региону Юго-Восточной Европы в рамках Будапештского процесса. Целью деятельности этой группы стало приведение миграционного законодательства государств Юго-Восточной Европы в соответствие со стандартами ЕС. В 2009 г. страна стала участником Пражского процесса, деятельность которого направлена на предотвращение незаконной миграции, продвижение интеграции мигрантов в принимающих их общества, достижение прогресса в области реадмиссии и добровольного возвращения мигрантов, укрепление потенциала в области предоставления убежища и международной защиты беженцев. Усилия боснийского правительства были положительно оценены ЕС, и в 2008 г. вступило в силу соглашение об упрощении визового режима и реадмиссии между БиГ и ЕС, а с 2010 г. Совет ЕС одобрил безвизовый въезд в пределы сообщества для ее граждан³⁵. Принятие уже в период европейского миграционного кризиса нового Закона об иностранцах и Закона об убежище, соответствующих европейским стандартам³⁶, а также сотрудничество с ЕС в рамках новой Стратегии по миграции и предоставлению убежища на 2021–2025 гг.³⁷ привели к получению 15 декабря 2022 г. БиГ статуса кандидата в члены ЕС.

Тем не менее присоединение БиГ к миграционной повестке ЕС все же происходит не без сложностей и встречает серьезное сопротивление, прежде всего на региональном уровне, обостряя и без того сложные межобщинные отношения в стране. Важно отметить, что, согласно ст. 3 Конституции БиГ, два энтитета (Федерация Боснии и Герцеговины и Республика Сербская) наделены большой степенью законодательной автономии и собственными органами управления, под юрисдикцию которых подпадает «регулирование в области миграции, беженцев и предоставления убежища»³⁸.

Главным антагонистом проводимой правительством Боснии и Герцеговины миграционной политики выступает Республика Сербская, которая, несмотря на давление федерального руководства, высокого представителя и руководства Евросоюза, пытается отстаивать свои интересы в сфере управления миграционными процессами. Так, центральное боснийское правительство выступает за более равномерное распределение просителей убежища по территории страны.

³⁵ Visa Liberalisation for Albania and Bosnia and Herzegovina [Электронный ресурс]. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/jha/117555.pdf (дата обращения: 28.05.2023).

³⁶ Ministry of Security of Bosnia and Herzegovina [Электронный ресурс]. URL: <http://msb.gov.ba/zakoni/zakoni/default.aspx?id=8278> (дата обращения: 30.05.2023).

³⁷ Immigration and Asylum Training Programme (2021–2025) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.msb.gov.ba/PDF/221120224.pdf> (дата обращения: 30.05.2023).

³⁸ Constitution of Bosnia and Herzegovina [Электронный ресурс]. URL: https://www.ustavnisud.ba/uploads/documents/constitution-of-bih_1625734692.pdf (дата обращения: 30.05.2023).

Однако в настоящее время большинство мигрантов находятся в двух кантонах Федерации Боснии и Герцеговины – Уна-Сана и Сараево, где расположены крупнейшие центры временного размещения [14; 24; 25], в то время как Республика Сербская выступает против размещения беженцев на своей территории³⁹. Руководство Республики Сербской также крайне негативно относится к идее размещения войск на боснийско-сербской границе, проводимого в рамках мероприятий по ужесточению контроля на государственных границах⁴⁰, и выступает против заключения соглашения с Frontex о размещении его сотрудников на границе с Сербией, опасаясь, что оно поставит под контроль федерального центра связи Республики Сербской с соседним государством⁴¹. Тем самым миграционная повестка становится еще одним фактором роста внутренней напряженности [26], которая может привести к выходу Республики Сербской из состава государства.

Обсуждение и заключение. Европейский миграционный кризис существенным образом изменил миграционные процессы в странах Западных Балкан. В результате регион, который на протяжении большей части своей истории формировал миграционные потоки, теперь сам приобрел функции приема и транзита мигрантов. ЕС все более активно использует страны региона для временного размещения и фильтрации потоков нелегальных мигрантов, стремящихся проникнуть на его территорию. Страны региона, которые сами теряют свое население в результате его эмиграции в Евросоюз, прекрасно осознают, что беженцев не привлекает перспектива оказаться в числе их граждан, однако они вынуждены менять свое законодательство, создавать и поддерживать дорогостоящую инфраструктуру по приему переселенцев в рабочем состоянии, чтобы соответствовать критериям вступления в ЕС. Перспектива превращения Западных Балкан в своеобразный «щит», которым Европа закрывается от мигрантов, не находит широкой поддержки в странах региона, приводя к социальной и политической напряженности и антимигрантским настроениям в обществе.

Длительное сотрудничество БиГ с ЕС в области управления миграцией принесло определенные позитивные результаты, связанные с облегчением процедур миграции ее граждан в ЕС и их быстрой интеграцией на рынках труда, а также с увеличением вклада диаспоры в экономику страны за счет денежных переводов. Однако несмотря на это стране так и не удалось решить проблему наличия около 100 тыс. временно перемещенных лиц. В период европейского миграционного кризиса к старым проблемам добавились и новые, вызванные превращением боснийской территории в зону транзитной миграции и использованием со стороны ЕС ее в качестве буферной зоны по сдерживанию и фильтрации потоков переселенцев. Сложившаяся ситуация

³⁹ Глава президиума Боснии отказался размещать мигрантов в Республике Сербской [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/world/45593655> (дата обращения: 30.05.2023).

⁴⁰ Комшич: отказ Додика от размещения войск на границе Боснии безответствен [Электронный ресурс]. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/bdf781fb> (дата обращения: 30.05.2023).

⁴¹ Dodik Stops Bosnia from Cooperating with Frontex [Электронный ресурс]. URL: <https://balkaninsight.com/2020/02/20/dodik-stops-bosnia-from-cooperating-with-frontex/> (дата обращения: 30.05.2023).



усугубляется отсутствием внутренней координации и противоречиями между центральными и региональными властями Боснии и Герцеговины в принципиальных вопросах миграционной политики. Усиление этих противоречий на фоне увеличивающегося миграционного потока в страну грозит обострением гуманитарных проблем и дезинтеграцией государства. От того, как Босния и Герцеговина справится с миграционным кризисом, в значительной степени зависит дальнейшее совершенствование миграционной политики не только в странах Западных Балкан, но и во всей Европе.

Данная публикация и разработанные нами научные подходы послужат толчком к более детальной характеристике причин формирования и особенностей протекания миграционного кризиса. На наш взгляд, особая актуальность дальнейших исследований в этой области связана с анализом взаимосвязи миграционной политики стран, аккумулирующих миграционные потоки и транзитных государств, через территорию которых эти потоки проходят. В этой связи предложенный исследовательский алгоритм, а также выводы и количественные характеристики могут быть успешно использованы для выработки практико-ориентированных рекомендаций для общественных и государственных организаций России, занимающихся вопросами формирования основ политики в области национальных отношений и миграционных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bonifazi C., Mamolo M. Past and Current Trends of Balkan Migrations // *Espace populations sociétés*. 2004. No. 3. Pp. 519–531. <https://doi.org/10.4000/eps.356>
2. Энтина Е. Г., Пророкович Д. Распад Югославии в научно-исследовательском и политическом дискурсах России и Сербии // *Международная аналитика*. 2022. Т. 13, № 3. С. 94–115. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-94-115>
3. Потемкина О. Ю. Украинские беженцы в Евросоюзе: новый миграционный кризис? // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2022. № 2 (26). С. 7–15. <http://doi.org/10.15211/vestnikieran22022715>
4. Рязанцев С. В. Миграционный кризис: понятие и критерии // *ДЕМИС. Демографические исследования*. 2021. Т. 1, № 1. С. 7–16. <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.1>
5. Zoppi M., Puleri M. The Balkan Route (and Its Afterlife): The New Normal in the European Politics of Migration // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2022. Vol. 24, issue 3. Pp. 576–593. <https://doi.org/10.1080/19448953.2021.2015658>
6. Агафшин М. М., Горохов С. А., Дмитриев Р. В. Пространственная трансформация миграционной системы в период кризиса // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*. 2023. Т. 68, № 1. С. 29–43. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.102>
7. Krasteva A. Balkan Migration Crises and Beyond // *Southeastern Europe*. 2021. Vol. 45, issue 2. Pp. 173–203. <https://doi.org/10.30965/18763332-45020001>
8. Щербак И. Западные Балканы в стратегии Евросоюза // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2021. № 3. С. 41–47. <http://doi.org/10.15211/vestnikieran320214147>
9. Карпович О. Г., Зверева Т. В. Общая миграционная политика ЕС: новый старт? // *Международная жизнь*. 2021. № 7. С. 94–103. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2538> (дата обращения: 22.05.2023).
10. Webb J. The ‘Refugee Crisis’ and its Transformative Impact on EU-Western Balkans Relations // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2022. Vol. 48, issue 6. Pp. 1363–1380. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1851466>

11. Потемкина О. Ю. Многоуровневое управление миграцией в Европейском Союзе // Современная Европа. 2020. № 2. С. 100–110. <http://doi.org/10.15211/soveurope22020100110>
12. Hodžić K. Understanding the Migrant Crisis in Bosnia and Herzegovina // Kriminalističke Teme. 2020. Vol. 20, no. 5. Pp. 77–98. <https://doi.org/10.51235/kt.2020.20.5.77>
13. Minca C., Umek D. The New Refugee “Balkan Route”: Field Notes from the Bosnian Border // Rivista Geografica Italiana. 2020. Vol. 127, issue 1. Pp. 5–34. <https://doi.org/10.3280/RGI2020-001001>
14. Santic D., Oruc N., DEgiorgi S. Transitional Shelters on a Policy Landslide – Experiencing Displacement on the Frontline in Bosnia and Herzegovina // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2022. Vol. 24, issue 3. Pp. 520–541. <https://doi.org/10.1080/19448953.2021.2015663>
15. Алексеев Д. В. Нелегальная миграция из стран Африки: угрозы и вызовы для Европы // Азия и Африка сегодня. 2017. № 7 (720). С. 38–42. EDN: ZAONAH
16. Громыко А. А. Миграция из стран Ближнего Востока и Африки в Европу: вызовы и угрозы // Ученые записки Института Африки РАН. 2017. № 3 (40). С. 116–124. URL: <https://africajournal.ru/2019/01/23/миграция-из-стран-ближнего-востока-и-а/> (дата обращения: 22.05.2023).
17. Abikova J., Piotrowicz W. Shaping the Balkan Corridor: Development and Changes in the Migration Route 2015–16 // International Migration. 2021. Vol. 59, issue 5. Pp. 248–265. <https://doi.org/10.1111/imig.12828>
18. Kogovšek Šalamon N. Asylum Systems in the Western Balkan Countries: Current Issues // International Migration. 2016. Vol. 54, issue 6. Pp. 151–163. <https://doi.org/10.1111/imig.12273>
19. Арбатова Н. Миграционная угроза безопасности ЕС: предрассудки и реальности // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 2. С. 61–70. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-61-70>
20. Lukic Tanovic M., Pasalic S., Golijanin J. Demographic Development of Bosnia and Herzegovina from the Ottoman Period till 1991 and the Modern Demographic Problems // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2014. Vol. 120. Pp. 238–247. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.02.101>
21. Kadusic A., Suljić A. Migration and Demographic Changes: The Case of Bosnia and Herzegovina // European Journal of Geography. 2018. Vol. 9, no. 4. Pp. 75–86. URL: <https://www.eurogeo-journal.eu/index.php/egj/article/view/52> (дата обращения: 22.05.2023).
22. Малахов В. С., Мотин А. С. Глобальная мобильность в эпоху пандемии // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 11. С. 126–133. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-11-126-133>
23. Integration of Refugees: Lessons from Bosnians in Five EU Countries / M. Barslund [et al.] // Intereconomics. 2017. Vol. 52, issue 5. Pp. 257–263. <https://doi.org/10.1007/s10272-017-0687-2>
24. Majstorović D. Rethinking Migrant Figures and Solidarity from the Peripheral Borderland of Bosnia and Herzegovina // Journal of Borderlands Studies. 2023. Vol. 38, issue 2. Pp. 303–321. <https://doi.org/10.1080/08865655.2022.2156371>
25. Helms E. Social Boundaries at the EU Border: Engaged Ethnography and Migrant Solidarity in Bihać, Bosnia–Herzegovina // Journal of Borderlands Studies. 2023. Vol. 38, issue 2. Pp. 283–301. <https://doi.org/10.1080/08865655.2022.2108109>
26. Понамарева А. М. Евроинтеграция как триггер сербского этносепаратизма в Боснии и Герцеговине // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 1. С. 120–156. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-1-120-156>

Поступила в редакцию 14.06.2023; поступила после рецензирования 04.09.2023; принята к публикации 13.09.2023.



Об авторах:

Горохов Станислав Анатольевич, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки Российской академии наук (123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9984-6054>, Researcher ID: S-7991-2017, Scopus ID: 55905234500, stgorohov@yandex.ru

Агафшин Максим Михайлович, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки Российской академии наук (123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0245-0481>, Researcher ID: ABG-6617-2020, Scopus ID: 57218825453, agafoshinmm@gmail.com

Дмитриев Руслан Васильевич, доктор географических наук, заместитель директора Института Африки Российской академии наук (123001, Российская Федерация, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4018-9832>, Researcher ID: M-9498-2013, Scopus ID: 57189906790, dmitrievrv@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

С. А. Горохов – определение замысла статьи и методологии исследования; подготовка начального варианта текста.

М. М. Агафшин – сбор и обработка информации; структурирование и анализ полученных результатов; подготовка текста статьи.

Р. В. Дмитриев – структурирование и анализ полученных результатов; подготовка текста статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bonifazi C., Mamolo M. Past and Current Trends of Balkan Migrations. *Espace populations sociétés*. 2004;(3):519–531. <https://doi.org/10.4000/eps.356>
2. Entina E.G., Prorocovic D. The Breakup of Yugoslavia in the Research and Political Discourses of Russia and Serbia. *Journal of International Analytics*. 2022;13(3):94–115. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-3-94-115>
3. Potemkina O.Yu. Ukrainian Refugees in the EU: A New Migration Crisis? *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2022;(2):7–15. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15211/vestnikieran22022715>
4. Ryazantsev S.V. Migration Crisis: Concept and Criteria. *DEMIS. Demographic Research*. 2021;1(1):7–16. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.1.1>
5. Zoppi M., Puleri M. The Balkan Route (and Its Afterlife): The New Normal in the European Politics of Migration. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2022;24(3):576–593. <https://doi.org/10.1080/19448953.2021.2015658>
6. Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Spatial Transformation of the Migration System During the Crisis. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Earth Sciences*. 2023;68(1):29–43. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.102>
7. Krasteva A. Balkan Migration Crises and Beyond. *Southeastern Europe*. 2021;45(2):173–203. <https://doi.org/10.30965/18763332-45020001>
8. Shcherbak I. The Western Balkans in EU's Strategy. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2021;(3):41–47. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15211/vestnik-ieran320214147>



9. Karpovich O.G., Zvereva T.V. [The EU's Common Migration Policy: A New Start?]. *The International Affairs*. 2021;(7):94–103. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2538> (accessed 22.05.2023). (In Russ.)
10. Webb J. The 'Refugee Crisis' and its Transformative Impact on EU-Western Balkans Relations. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2022;48(6):1363–1380. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1851466>
11. Potemkina O.Yu. Multilevel Governance of the EU Migration Policy. *Contemporary Europe*. 2020;(2):100–110. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15211/soveurope22020100110>
12. Hodžić K. Understanding the Migrant Crisis in Bosnia and Herzegovina. *Kriminalističke Teme*. 2020;20(5):77–98. <https://doi.org/10.51235/kt.2020.20.5.77>
13. Minca C., Umek D. The New Refugee "Balkan Route": Field Notes from the Bosnian Border. *Rivista Geografica Italiana*. 2020;127(1):5–34. <https://doi.org/10.3280/RGI2020-001001>
14. Santic D., Oruc N., DEgiorgi S. Transitional Shelters on a Policy Landslide – Experiencing Displacement on the Frontline in Bosnia and Herzegovina. *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2022;24(3):520–541. <https://doi.org/10.1080/19448953.2021.2015663>
15. Alekseev D.V. Illegal Migration from Africa: Threats and Challenges for Europe. *Asia and Africa Today*. 2017;(7):38–42. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: ZAONAH
16. Gromyko A.A. Migration from the Middle East and Africa to Europe: Challenges and Threats. *Journal of the Institute for African Studies*. 2017;(3):116–124. Available at: <https://africanjournal.ru/2019/01/23/миграция-из-стран-ближнего-востока-и-а/> (accessed 22.05.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
17. Abikova J., Piotrowicz W. Shaping the Balkan Corridor: Development and Changes in the Migration Route 2015–16. *International Migration*. 2021;59(5):248–265. <https://doi.org/10.1111/imig.12828>
18. Kogovšek Šalamon N. Asylum Systems in the Western Balkan Countries: Current Issues. *International Migration*. 2016;54(6):151–163. <https://doi.org/10.1111/imig.12273>
19. Arbatova N. Migration Threat to EU Security: Prejudices and Realities. *World Economy and International Relations*. 2022;66(2):61–70. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-2-61-70>
20. Lukic Tanovic M., Pasalic S., Golijanin J. Demographic Development of Bosnia and Herzegovina from the Ottoman Period till 1991 and the Modern Demographic Problems. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2014;120:238–247. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.02.101>
21. Kadusic A., Suljić A. Migration and Demographic Changes: The Case of Bosnia and Herzegovina. *European Journal of Geography*. 2018;9(4):75–86. Available at: <https://www.eurogeojournal.eu/index.php/egj/article/view/52> (accessed 22.05.2023).
22. Malakhov V.S., Motin A.S. Global Mobility During the Pandemic. *World Economy and International Relations*. 2022;66(11):126–133. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-11-126-133>
23. Barslund M., Busse M., Lenaerts K., Ludolph L., Renman V. Integration of Refugees: Lessons from Bosnians in Five EU Countries. *Intereconomics*. 2017;52(5):257–263. <https://doi.org/10.1007/s10272-017-0687-2>
24. Majstorović D. Rethinking Migrant Figures and Solidarity from the Peripheral Borderland of Bosnia and Herzegovina. *Journal of Borderlands Studies*. 2023;38(2):303–321. <https://doi.org/10.1080/08865655.2022.2156371>
25. Helms E. Social Boundaries at the EU Border: Engaged Ethnography and Migrant Solidarity in Bihać, Bosnia–Herzegovina. *Journal of Borderlands Studies*. 2023;38(2):283–301. <https://doi.org/10.1080/08865655.2022.2108109>
26. Ponamareva A.M. Eurointegration as a Trigger for the Serbian Ethnic Separatism in Bosnia and Herzegovina. *Lomonosov World Politics Journal*. 2021;13(1):120–156. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-1-120-156>

Received 14.06.2023; revised 04.09.2023; accepted 13.09.2023.

*About the authors:*

Stanislav A. Gorokhov, Dr. Sci. (Geogr.), Leading Scientific Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (30/1 Spiridonovka St., Moscow 123001, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9984-6054>, Researcher ID: [S-7991-2017](#), Scopus ID: [55905234500](#), stgorohov@yandex.ru

Maksim M. Agafoshin, Cand. Sci (Geogr.), Senior Scientific Researcher, Centre for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (30/1 Spiridonovka St., Moscow 123001, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0245-0481>, Researcher ID: [ABG-6617-2020](#), Scopus ID: [57218825453](#), agafoshinmm@gmail.com

Ruslan V. Dmitriev, Dr. Sci. (Geogr.), Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (30/1 Spiridonovka St., Moscow 123001, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4018-9832>, Researcher ID: [M-9498-2013](#), Scopus ID: [57189906790](#), dmitrievrv@yandex.ru

Contribution of the authors:

S. A. Gorokhov – formulation of the basic concept of the article and choice of the research methodology; preparation of the initial version of the text.

M. M. Agafoshin – data collection and analysis; structuring and analysis of the obtained results; writing the text of the article.

R. V. Dmitriev – structuring and analysis of the obtained results; writing the text of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.



Социально-демографические аспекты миграции и их влияние на устойчивость развития южнороссийских регионов



О. А. Чернова

*Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)
oachernova@sfedu.ru*

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена значительной ролью миграции населения в обеспечении регионального развития, при этом экономические последствия миграции во многом определяются характеристиками миграционных потоков. Цель статьи – в результате проведенного исследования определить влияние социально-демографических особенностей миграционных потоков в южнороссийских регионах на показатели их устойчивого развития.

Материалы и методы. При анализе социально-демографических характеристик миграционных потоков были использованы методы описательной статистики. Для проверки гипотезы о влиянии социально-демографических характеристик миграционных потоков на устойчивость регионального развития применялся корреляционный анализ панельных данных с использованием инструментов Excel. Источником информации стали данные Федеральной службы государственной статистики по регионам Южного федерального округа, прослеженные в динамике с 2002 по 2021 г.

Результаты исследования. Установлено, что миграционные процессы в южнороссийских регионах демонстрируют как положительное, так и отрицательное воздействие на отдельные составляющие устойчивого развития. Социально-демографические характеристики миграционных потоков во многом определяют силу и направление этого воздействия и могут быть выражены в экономическом, социальном и экологическом измерениях. Практически для всех регионов демонстрируется сильная положительная связь показателей миграции с экономическими и экологическими показателями устойчивого развития. Воздействие на социальную сферу носит амбивалентный характер. Одновременно наблюдается достаточно сильное влияние гендерных характеристик миграционных потоков на социально-экологические аспекты жизнедеятельности.

Обсуждение и заключение. Миграция будет способствовать повышению устойчивости развития региональных экономик только при одновременном решении задач создания рабочих мест, улучшения социальных условий и сохранения окружающей среды. Полученные выводы подчеркивают необходимость принятия во внимание региональными властями социально-демографической структуры миграционных потоков при разработке стратегий социально-экономического развития и могут быть полезны в условиях усиления геополитической нестабильности.

Ключевые слова: миграция в регионах Юга России, устойчивое развитие региона, гендерно-возрастные характеристики миграционного потока, экономические аспекты миграции

© Чернова О. А., 2023



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Чернова О. А. Социально-демографические аспекты миграции и их влияние на устойчивость развития южнороссийских регионов // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 4. С. 634–649. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.634-649>

Original article

Socio-Demographic Aspects of Migration and Their Impact on the Sustainability of the Development of Southern Russian Regions

O. A. Chernova

*Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)
oachernova@sfnedu.ru*

Abstract

Introduction. The relevance of the study is due to the significant role of population migration in ensuring regional development. At the same time, the economic consequences of migration are largely determined by the characteristics of migration flows. The purpose of this article is to determine the impact of socio-demographic features of migration flows in the southern Russian regions on the indicators of their sustainable development.

Materials and Methods. Methods of descriptive statistics were used in the analysis of socio-demographic characteristics of migration flows. To test the hypothesis about the impact of socio-demographic characteristics of migration flows on the sustainability of regional development, a correlation analysis of panel data using Excel tools was used. The source of the information was the data of the Federal State Statistics Service for the regions of the Southern Federal District, traced in dynamics from 2002 to 2021.

Results. It is established that migration processes in the southern Russian regions demonstrate both positive and negative effects on individual components of their sustainable development. The strength and direction of this impact is largely determined by the socio-demographic characteristics of migration flows. A strong positive relationship between migration indicators and economic and environmental indicators of sustainable development is demonstrated for almost all regions. The impact on the social sphere is ambivalent. At the same time, there is a rather strong influence of the gender characteristics of migration flows on the socio-ecological aspects of life.

Discussion and Conclusion. Migration will contribute to increasing the sustainability of the development of regional economies only while simultaneously solving the tasks of creating jobs, improving social conditions and preserving the environment. The findings emphasize the need for regional authorities to take into account the socio-demographic structure of migration flows when developing strategies for socio-economic development and can be useful in conditions of increasing geopolitical instability.

Keywords: migration in the Southern Russian regions, sustainable development of the region, gender and age characteristics of the migration flow, economic aspects of migration

Conflict of interests. The author declares that there is not conflict of interest.

For citation: Chernova O.A. Socio-Demographic Aspects of Migration and Their Impact on the Sustainability of the Development of Southern Russian Regions. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):634–649. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.634-649>

Введение. Миграция населения является значимым фактором экономического развития регионов, поскольку определяет их социально-экономический ландшафт в результате трансформации пространственных отношений. Непосредственно влияя на численность населения, миграция приводит к изменениям на рынке труда [1], оказывает воздействие на экологическую обстановку [2], требует преобразований транспортной и социальной инфраструктуры, жилищной сферы [3] и др. Одни исследователи считают, что миграция позволяет

оптимизировать пространственное распределение производственных факторов, поскольку в результате их реконфигурации обеспечивается сбалансированность регионального развития [4; 5]. Другие, напротив, указывают на негативные последствия миграции, вызванные социокультурными различиями, а также связанные с усилением нагрузки на местную инфраструктуру и окружающую среду [6; 7], повышением уровня преступности [8]. Несмотря на различную оценку последствий миграции, практически все исследователи отмечают, что вызванные ею преобразования в социально-экономической жизни как регионов-доноров, так и регионов-реципиентов находятся в явном фокусе целей устойчивого развития [9].

В южнороссийских регионах, учитывая их географическое положение, процессы миграции являются частью международной, межрегиональной и внутрирегиональной мобильности населения, обусловленной происходящими экономическими, климатическими, политическими и другими изменениями. При этом присущая миграционным потокам неоднородность их структуры определяет различия экономических, социальных и экологических последствий для регионов, что обуславливает актуальность задач осмысления преобразующего влияния миграции на условия их устойчивого развития.

Несмотря на наличие довольно большого количества научных работ, посвященных исследованию влияния миграционных процессов на показатели социально-экономического развития территорий, в большей степени в них уделяется внимание миграционным потокам макроуровня с акцентом на принимающие мигрантов страны. При этом последствия миграции рассматриваются как совокупные эффекты для экономики страны, тогда как воздействия на устойчивость развития отдельных регионов, испытывающих разную миграционную нагрузку, не изучаются.

Все это определило постановку цели данной статьи – анализ влияния социально-демографических особенностей миграционных потоков в южнороссийских регионах на показатели их устойчивого развития. При этом акцент сделан на экономическом аспекте миграционных процессов.

Обзор литературы. В современных научных исследованиях миграция рассматривается как естественный процесс и неотъемлемая часть более широких процессов социальных преобразований¹ [10]. Еще в середине 1970-х гг. В. И. Переведенцев отмечал, что весь механизм миграции «можно представить как постоянное достижение некоторых соответствий между требованиями индивидов и условиями среды»². Другими словами, миграция представляет собой своеобразную адаптацию населения к изменяющимся факторам внешней среды [11].

С учетом совокупности общественно-политических и социально-экономических перемен исследователи выделяют различные факторы и проблемы миграции на разных исторических этапах развития. Так, изучению миграционных потоков в советский период посвящены труды Т. И. Заславской и Л. Л. Рыбаковского³.

¹ Castles S., De Haas H., Miller M. J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. New York : Guilford Press, 2014. 298 p.

² Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М. : Наука, 1975. С. 106.

³ Заславская Т. И., Рыбаковский Л. Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социс. 1978. № 1. С. 56–65.



Ж. А. Зайончковская исследует процессы вынужденной миграции в условиях рыночных и политических реформ в России и постсоветских странах⁴. В целом ученые достаточно консервативны в определении факторов миграции: желание повысить уровень и качество жизни; возможности профессиональной реализации и более привлекательная заработная плата; стремление обезопасить себя и свою семью в меняющихся климатических, политических, экологических и других условиях. Как отмечают А. Е. Судакова, А. А. Тарасьев и Д. Г. Сандлер, различия проявляются в сочетаемости и иерархичности данных факторов [12].

Чаще всего исследователи выделяют трудовую миграцию, обусловленную состоянием региональных рынков труда. А. Е. Антонов на основе анализа динамики ключевых параметров рынков труда в российских регионах в 2010–2017 гг. делает вывод, что причины трудовой миграции связаны с усилением напряженности в сфере занятости в определенных отраслях [13]. Н. Е. Тихонова и Е. Д. Слободенюк в качестве наиболее значимых причин трудовой миграции называют различия в зарплатном профиле работников в разных регионах [14]. Особое внимание уделяется миграции граждан в целях повышения благосостояния: из сельской местности в городскую, из периферийных регионов – в центры деловой активности [15]. При этом, как отмечают Л. Б. Карачурина, Н. В. Мкртчян и А. Н. Петросян, чем ближе расстояние от населенного пункта до регионального центра, тем интенсивнее миграционный поток [16]. Однако отмечается и феномен «обратной миграции», когда город «выталкивает» часть населения в сельскую местность, куда граждане мигрируют по идейным и экономическим основаниям [17].

Вопреки устоявшемуся представлению о том, что решение о миграции находится в области логики о максимизации дохода, Дж. А. Клэккер и Ф. Дауманн на основе панельного анализа данных на примере Германии показывают, что существуют два типа миграции: регулярная, связанная с деловыми циклами в экономике, и миграция для предоставления убежища в условиях войны, природных аномалий и пр. [18]. Причины миграции, не связанные с занятостью, рассматривают и другие ученые. Например, Р. Лю с соавторами соотносят миграцию с загрязнением окружающей среды и природными удобствами [19].

Основным вопросом, связанным с исследованием миграционных процессов, является вопрос о том, каковы их последствия для успеха достижения целей устойчивого развития. Несмотря на то, что основные перемещения осуществляются внутри страны, большая часть исследователей рассматривает данный вопрос в контексте проблематики международной миграции. Основные угрозы устойчивости ученые рассматривают через призму эксплуатации ограниченных природных ресурсов в стране, принимающей мигрантов [20]. Другой проблемой увеличения миграционного прироста с точки зрения его влияния на экономическую безопасность региона или страны исследователи называют ухудшение ситуации на региональных рынках труда [21]. Для стран-доноров влияние миграции на устойчивость развития соотносят с проблемами «утечки мозгов» [22], старением населения и возрастающим дефицитом рабочей силы [23].

⁴ Зайончковская Ж. А. Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 1–15.

Исследования последствий межрегиональной миграции находятся в более фрагментированном пространстве научных работ. Наибольшее количество изысканий в рамках данной проблематики выполнено китайскими учеными, рассматривающими факторы пространственной динамики внутренних перемещений населения [24; 25]. В российском исследовательском поле проблематика внутренней миграции рассматривается с точки зрения ее влияния на трудовой потенциал региона [26], в контексте выявления факторных признаков притяжения мигрантов в определенные регионы [27]. С точки зрения осмысления влияния миграции на устойчивость регионального развития затрагиваются лишь отдельные аспекты данной проблематики. Например, О. В. Бурик и И. А. Минченко изучают угрозы миграции населения для привлечения инвестиций в развитие Дальнего Востока [28], Т. М. Регент и А. В. Масленникова моделируют влияния миграционных процессов на социально-экономическую составляющую устойчивого развития региона [29].

В последние годы исследователи особое внимание уделяют изучению гендерных аспектов миграции, что связано с возрастающей «феминизацией» миграционных потоков. Существуют различные точки зрения по вопросу роли гендерных характеристик миграционных потоков на социально-экономическое развитие территории. Так, Т. Ли с коллегами считают, что женщины-мигранты с большей вероятностью оказываются занятыми в домашнем хозяйстве и в элементарных профессиях, тогда как мужчины-мигранты вносят больший вклад в социально-экономическое развитие территории [30]. Другие исследователи, напротив, отмечают рост числа высокообразованных женщин-мигрантов при снижении числа образованных мигрантов-мужчин [31]. Б. Кабисес с соавторами выявляют гендерные различия мигрантов с точки зрения модели поведения, связанной с получением медицинской помощи, потреблением ресурсов, решением вопросов с жильем и пр. [32]. Поэтому в дискурсах о влиянии миграции на региональное развитие часто подчеркивается различная роль мужчин и женщин во влиянии на окружающую среду и людей [33]. Заметим, что аналогичным образом различается роль трудоспособной и нетрудоспособной части мигрантов в социально-экономическом развитии региона. Однако зарубежные исследования, как правило, имеют ограничения возможности их применения в российской практике по причине значительных социально-культурных, политических, экономических и других различий. Поэтому недостаточное внимание отечественных авторов к изучению влияния социально-демографических характеристик миграционных потоков на формирование экономических, социальных и экологических аспектов устойчивого развития российских регионов обуславливает актуальность данного исследования.

Материалы и методы. Для описания социально-демографических характеристик миграционных потоков были использованы следующие показатели: коэффициент миграционного прироста/убыли; прирост/убыль мигрантов трудоспособного возраста; прирост/убыль мигрантов всего; миграционный прирост/убыль трудоспособных мужчин; доля мигрантов, выбывших за пределы региона; доля мигрантов, прибывших из других регионов; коэффициент интенсивности миграционного оборота. При анализе миграционных потоков применялись методы описательной статистики с визуализацией результатов в виде графиков и таблиц.



Под устойчивостью в рамках данного исследования понимается способность региональной системы обеспечивать стабильное развитие ее экономической, социальной и экологической подсистем в условиях существующих миграционных процессов, предполагая, что миграция одновременно воздействует на три аспекта устойчивости: производство товаров и услуг; условия жизни населения; нагрузку на окружающую среду [34]. Выбор показателей, характеризующих устойчивость регионального развития, осуществлялся на основе теоретического анализа выделяемых в современных научных исследованиях последствий миграции с учетом возможности получения статистических данных. В частности, для оценки влияния на ту или иную подсистему использовались такие показатели: на экономическую подсистему – уровень занятости населения; уровень ВРП на душу населения; на социальную подсистему – общая площадь жилых помещений, приходящихся на одного жителя; количество больничных коек на 10 тыс. чел. населения; на экологическую подсистему – использование свежей воды.

Для проверки гипотезы о влиянии социально-демографических характеристик миграционных потоков на устойчивость регионального развития применялся корреляционный анализ панельных данных с использованием инструментов Excel. При интерпретации коэффициентов корреляции (k) использовалась шкала Чеддока, традиционно применяемая экономистами для оценки тесноты связи⁵. При значении коэффициента более 0,7 связь рассматривалась как сильная; менее 0,3 – как слабая и несущественная.

Объектом исследования являлись регионы Южного федерального округа (далее – ЮФО), исключая г. Севастополь, имеющий особый юридический статус города федерального значения.

Источником информации стали данные Федеральной службы государственной статистики⁶. Данные, прослеженные в динамике за 20 лет – с 2002 по 2021 г. (Республика Крым – с 2015 г.), – формировались по 7 регионам ЮФО. Данные о структуре миграционного потока по гендерному признаку формировались с 2017 г. с учетом их представленности Росстатом.

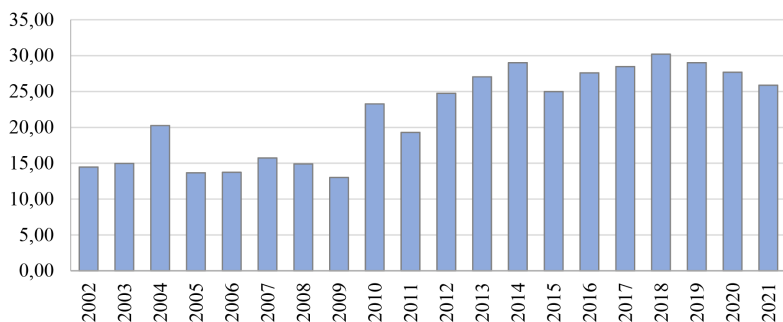
Результаты исследования. *Общая характеристика миграционных процессов на Юге России.* Южнороссийские регионы всегда отличались высокими показателями миграционной активности. Как видно из рисунка 1, за последние 10 лет интенсивность миграционного оборота в ЮФО значительно возросла. В то же время подавляющая часть перемещений граждан осуществляется в пределах региона или страны (более 80 % прибывших и более 90 % выбывших⁷).

Среди регионов ЮФО можно выделить регионы-доноры, для которых характерен исход мигрантов (Республика Калмыкия, Астраханская и Волгоградская (до 2020 г.) области), и регионы-реципиенты – в которых концентрируются миграционные потоки (Республика Адыгея, Республика Крым, Краснодарский край, Ростовская область).

⁵ Floyd J. E. Statistics for Economists: A Beginning. Toronto : University of Toronto, 2010. 292 p.

⁶ Распределение мигрантов по возрастным группам [Электронный ресурс] // Витрина статистических данных : сайт. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278988/>; Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения [Электронный ресурс] // Витрина статистических данных : сайт. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278988/> (дата обращения: 21.05.2023).

⁷ Разделы 2.20–2.21 // Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.



Р и с. 1. Коэффициент интенсивности миграционного оборота в Южном федеральном округе⁸

F i g. 1. The intensity coefficient of migration turnover in the Southern Federal District

Социально-демографические характеристики миграционных потоков южнороссийских регионов отличаются высокой степенью вариабельности. Описательная статистика данных характеристик представлена в таблице 1.

Как видно из приведенных данных, показатели прироста/убыли мигрантов трудоспособного возраста, а также миграции трудоспособных мужчин отличаются высоким размахом. Это говорит о значительных различиях в характеристиках структуры миграционных потоков в южнороссийских регионах. Относительно невысоким размахом отличаются показатели внутренней и внешней миграции в регионах ЮФО с примерно равными показателями доли выбывших и прибывших.

Т а б л и ц а 1. Описательные социально-демографические характеристики миграционных потоков в регионах Южного федерального округа⁹

Table 1. Descriptive socio-demographic characteristics of migration flows in the regions of the Southern Federal District

| Показатель / Indicator | Среднее / Average | Минимум / Minimum | Максимум / Maximum | Стандартное отклонение / Standard deviation |
|---|-------------------|-------------------|--------------------|---|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 |
| Коэффициент миграционного прироста/убыли / Coefficient of migration increase/decrease | 6,875 | −198,00 | 214,00 | 60,08 |
| Прирост/убыль мигрантов трудоспособного возраста / Increase/decrease of migrants of working age | 3 785,874 | −6 760,00 | 43 342,00 | 9 568,62 |
| Прирост/убыль мигрантов всего / Increase/decrease of migrants in total | 6 222,087 | −8 759,00 | 72 508,00 | 15 495,89 |

⁸ Составлено автором по источнику: Число выбывших [Электронный ресурс] // ЕМИСС : сайт. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 21.05.2023).

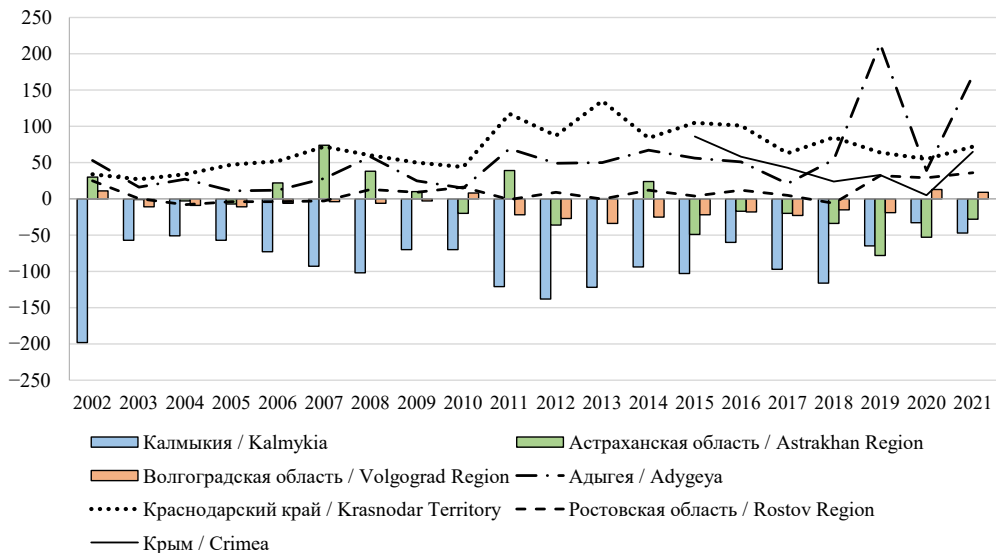
⁹ Таблицы 1 и 2 рассчитаны автором на основе данных источников: Распределение мигрантов по возрастным группам [Электронный ресурс] // Витрина статистических данных : сайт. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278988/>; Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения [Электронный ресурс] // Витрина статистических данных : сайт. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278988/>; Число выбывших [Электронный ресурс] // ЕМИСС : сайт. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 21.05.2023); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.



Окончание табл. 1 / End of table 1

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 |
|---|---------|-----------|----------|----------|
| Миграционный прирост/убыль трудоспособных мужчин / Migration increase/decrease of able-bodied men | 516,200 | -3 061,00 | 9 329,00 | 2 631,23 |
| Доля мигрантов, выбывших за пределы региона / The share of migrants who left the region | 54,431 | 34,50 | 81,70 | 9,62 |
| Доля мигрантов, прибывших из других регионов / The share of migrants who arrived from other regions | 55,608 | 26,00 | 85,50 | 12,97 |

С точки зрения пространственной привязки миграционных потоков к географическому положению регионов ЮФО можно отметить, что на них в значительной степени оказывают влияние климатические и ландшафтные условия жизни и хозяйствования. В условиях растущей урбанизации ландшафтные и климатические удобства приобретают все большее значение в принятии решений о направлении миграционных перемещений населения. Как следствие, все более заметным становится смещение центров миграции в сторону курортных юго-западных регионов (Республика Крым и Краснодарский край, Республика Адыгея). Несмотря на имеющийся «провал» в период пандемии (рис. 2), связанный с закрытием границ данных регионов и ограничением возможности перемещения, в целом отмечается устойчивость данной тенденции.



¹⁰ Составлено автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.

Анализ структуры миграционных потоков в южнороссийских регионах по гендерно-возрастным признакам показал, что наибольший приток трудоспособных мигрантов характерен для Краснодарского края, Ростовской области и Республики Крым; убыль – для Республики Калмыкия и Астраханской области, при этом в структуре миграционного потока преобладают трудоспособные мужчины. В то же время для Республики Адыгея характерен прирост мигрантов-женщин.

Примечательно, что с 2020 г. в Волгоградской области отмечается общий миграционный прирост и прирост мужского трудоспособного населения после закрепившейся с 2002 г. тенденции его убыли на протяжении всего рассматриваемого периода.

В Республике Калмыкия преобладает внутрорегиональная миграция.

Наибольшая доля мигрантов, прибывших из других регионов и выбывших в другие регионы России, характерна для Республики Адыгея.

Анализ влияния миграционных процессов на показатели устойчивости развития регионов ЮФО. Результаты корреляционного анализа для регионов ЮФО по панельным данным за 2002–2021 гг., связывающим показатели миграции с показателями устойчивости регионального развития, представлены в таблице 2.

Таблица 2. Характеристика связи показателей миграции и устойчивости развития для регионов Южного федерального округа

Table 2. Characteristics of the relationship between migration indicators and sustainability indicators for the Southern Federal District regions

| Показатель / Indicator | Регион / Region | Прирост/ убыль мигрантов всего / Increase/ decrease of migrants in total | Прирост/убыль мигрантов трудоспособного возраста / Increase/decrease of migrants of working age | Миграционный прирост/убыль трудоспособных мужчин / Migration increase/ decrease of able-bodied men |
|--|---|---|---|---|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 |
| Занятость населения / Employment of the population | Адыгея / Adygeya | –0,545 | –0,397 | 0,053 |
| | Калмыкия / Kalmykia | 0,123 | 0,083 | –0,190 |
| | Крым / Crimea | 0,824 | 0,798 | 0,969 |
| | Краснодарский край / Krasnodar Territory | –0,046 | 0 | 0,539 |
| | Астраханская область / Astrakhan Region | 0,658 | 0,627 | 0,679 |
| | Волгоградская область / Volgograd Region | –0,138 | –0,225 | –0,296 |
| | Ростовская область / Rostov Region | 0,420 | –0,472 | 0,152 |
| ВРП на душу населения / GRP per capita | Адыгея / Adygeya | 0,670 | 0,522 | 0,458 |
| | Калмыкия / Kalmykia | 0,123 | 0,208 | 0,767 |
| | Крым / Crimea | –0,258 | –0,135 | 0,804 |
| | Краснодарский край / Krasnodar Territory | 0,580 | 0,563 | 0,625 |
| | Астраханская область / Astrakhan Region | –0,693 | –0,619 | –0,370 |
| | Волгоградская область / Volgograd Region | 0,043 | 0,144 | 0,674 |
| | Ростовская область / Rostov Region | 0,712 | 0,748 | 0,649 |



Окончание табл. 2 / End of table 2

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 |
|--|--|--------|--------|--------|
| Площадь жилых помещений / Area of residential premises | Адыгея / Adygeya | 0,577 | 0,421 | 0,032 |
| | Калмыкия / Kalmykia | 0,152 | 0,218 | 0,900 |
| | Крым / Crimea | -0,216 | -0,088 | 0,872 |
| | Краснодарский край / Krasnodar Territory | 0,523 | 0,530 | 0,421 |
| | Астраханская область / Astrakhan Region | -0,660 | -0,569 | -0,405 |
| | Волгоградская область / Volgograd Region | 0,117 | 0,222 | 0,796 |
| | Ростовская область / Rostov Region | 0,711 | 0,748 | 0,703 |
| Количество больничных коек / Number of hospital beds | Адыгея / Adygeya | -0,584 | -0,445 | -0,533 |
| | Калмыкия / Kalmykia | 0,029 | 0 | 0,031 |
| | Крым / Crimea | 0,236 | 0,331 | 0,906 |
| | Краснодарский край / Krasnodar Territory | -0,737 | -0,715 | 0,037 |
| | Астраханская область / Astrakhan Region | -0,507 | -0,526 | -0,820 |
| | Волгоградская область / Volgograd Region | 0,133 | 0,023 | -0,414 |
| | Ростовская область / Rostov Region | -0,648 | -0,692 | -0,792 |
| Потребление свежей воды / Fresh water consumption | Адыгея / Adygeya | 0,595 | 0,444 | 0,551 |
| | Калмыкия / Kalmykia | 0,249 | 0,190 | -0,077 |
| | Крым / Crimea | 0,133 | 0,206 | 0,240 |
| | Краснодарский край / Krasnodar Territory | -0,343 | -0,209 | 0,228 |
| | Астраханская область / Astrakhan Region | 0,647 | 0,591 | 0,190 |
| | Волгоградская область / Volgograd Region | 0,249 | 0,148 | 0,890 |
| | Ростовская область / Rostov Region | -0,297 | -0,303 | 0,890 |

Как видно из приведенных данных, для регионов ЮФО имеются значительные различия в направлении и силе влияния отдельных характеристик миграционных потоков на показатели устойчивого развития. Это связано с тем, что южнороссийские регионы существенно отличаются друг от друга по своим социально-демографическим и этноконфессиональным характеристикам, а также по показателям социально-экономического развития, что в совокупности определяет различия причин и последствий происходящих в них миграционных перемещений. Сила и направление этих последствий могут быть выражены в экономическом, социальном и экологическом измерениях.

В экономическом измерении для большинства регионов характерно наличие заметной и сильной связи между показателями миграционного прироста/убыли и показателями занятости и ВРП. При этом влияние показателя миграции трудоспособных мужчин более сильное, чем влияние показателя миграции в целом.

Это подтверждает выводы исследователей о гендерном воздействии миграции на структуру экономики и социально-экологические аспекты жизнедеятельности. Наиболее сильно это проявляется в Республике Крым и в Ростовской области. В то же время для Республики Адыгея связь миграции с занятостью имеет заметный обратный характер, отражая тот факт, что приток мигрантов усиливает безработицу в регионе. Одновременно следует отметить отсутствие в данном регионе присущей остальным южнороссийским регионам связи показателя миграции трудоспособных мужчин с показателями занятости при наличии заметной связи этого показателя с показателем ВРП. Это может свидетельствовать о занятости мужчин-мигрантов преимущественно в неформальном секторе экономики.

В социальном измерении миграция оказывает как положительное, так и отрицательное воздействие на устойчивость регионального развития, сила которого также в значительной мере определяется характеристиками миграционных потоков. Так, мигранты-мужчины, как правило, решают проблемы трудоустройства путем приобретения или строительства собственного жилья, что благоприятно влияет на показатель «площадь жилых помещений, приходящихся на 1 человека». В то же время здоровье мужчин-мигрантов подвергается большему риску профессионального травматизма, поскольку они в большей степени, чем женщины-мигранты, заняты на опасных, грязных и трудных работах. Поэтому при фиксируемом наличии для большинства регионов высокой обратной зависимости показателей миграции трудоспособных мужчин и количества больничных коек можно говорить о присущих этим регионам значительных рисков социальному благополучию населения. Исключение составляет Республика Крым, в которой в последние годы наблюдается строительство больниц.

В экологическом измерении миграционный прирост приводит к повышению нагрузки на окружающую среду. Считается, что женщины отличаются более ресурсосберегающим поведением, чем мужчины. Действительно, для регионов, активно принимающих мигрантов, связь объемов потребления свежей воды с показателями мужской миграции несколько выше, чем с показателями миграции в целом. Однако это может быть связано и с особенностями структуры отраслевого хозяйства, определяющими модель использования водных ресурсов в регионе.

Обсуждение и заключение. Как показывают результаты исследования, миграционные процессы в южнороссийских регионах традиционно определяются состоянием региональных рынков труда. Реагируя на различия в экономических возможностях, трудоспособная часть населения мигрирует из регионов с низким социально-экономическим потенциалом (Калмыкия, Астраханская область) в регионы с высокими возможностями трудоустройства (Краснодарский край, Крым, Адыгея, Ростовская область). Одновременно привлекательность данных регионов для мигрантов определяется рекреационной и эстетической полезностью, связанной с климатическими и ландшафтными удобствами.

Для принимающих регионов миграция, положительно влияя на экономическую составляющую устойчивого развития, потенциально может создавать социально-экологические проблемы. Так, практически для всех регионов демонстрируется сильная положительная связь показателей миграции с показателями занятости и ВРП, а также с объемами потребления свежей воды.



Для регионов-доноров, к которым относятся регионы с низкими показателями социально-экономического развития, преобладают негативные эффекты миграции, поскольку снижение численности трудоспособного населения (в особенности трудоспособных мужчин) влечет за собой риски для экономического благополучия. Данная ситуация усугубляется тем, что все южнороссийские регионы, характеризующиеся высокой миграционной убылью, имеют аграрную специализацию с присущими ей гендерными методами выполнения сельскохозяйственных работ. Кроме того, женщины, по сравнению с мужчинами, являются более уязвимыми к разнообразным социально-экономическим потрясениям, в особенности в нетрудоспособном возрасте, что также создает риски устойчивому развитию регионов в условиях миграционного оттока трудоспособных мужчин.

Учитывая компенсационное воздействие миграционных процессов на отдельные составляющие устойчивого развития регионов, мы считаем необходимым осуществлять поиск компромиссов в отношении решений, обеспечивающих социально-экономическое и экологическое благополучие как переезжающих людей, так и принимающего их сообщества с учетом специфики социально-демографических характеристик миграционных потоков. Устойчивость регионального развития в контексте миграции требует одновременного решения задач создания рабочих мест, улучшения социальных условий и сохранения окружающей среды. Такая региональная политика позволит получить значительные синергетические выгоды для достижения целей устойчивого развития.

Наше исследование имеет ограничения, связанные с тем, что мы не анализировали показатели естественной убыли населения, которые, безусловно, оказывают влияние на рассматриваемые показатели социально-экономического развития территории. Для некоторого сглаживания влияния данного фактора в рамках проведения анализа мы использовали показатели в расчете на душу населения. Другим ограничением является то, что наши выводы сделаны на основе данных для регионов ЮФО. Для других регионов могут быть выявлены иные тенденции влияния социально-демографических характеристик миграционных потоков на региональное развитие.

Несмотря на данные ограничения, наше исследование вносит вклад в развитие проблематики исследования миграционных процессов, поскольку способствует формированию дискуссии о роли гендерно-возрастных характеристик миграционных потоков в формировании условий для устойчивого развития регионов.

Принимая во внимание приграничное положение южнороссийских регионов, можно предположить, что существующие геополитические вызовы усилят в них миграционную активность. Поэтому наше дальнейшее исследование связано с анализом изменения структуры миграционных потоков в регионах Юга России и осмыслением обусловленных ими социально-экономических эффектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sharp M. The Labour Market Impacts of Female Internal Migration: Evidence from the End of Apartheid // *Regional Science and Urban Economics*. 2021. Vol. 91. Article no. 103624. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2020.103624>



2. Impact Assessment of Population Migration on Energy Consumption and Carbon Emissions in China: A Spatial Econometric Investigation / Y. Bu [et al.] // *Environmental Impact Assessment Review*. 2022. Vol. 93. Article no. 106744. <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2022.106744>
3. Margiani T. Causes of Migration and its Impact on the Economy // *Vectors of Social Sciences*. 2023. No. 5. P. 72–80. <https://doi.org/10.51895/VSS5/Margiani>
4. Pan J., Lai J. Spatial Pattern of Population Mobility among Cities in China: Case Study of the National Day plus Mid-Autumn Festival based on Tencent Migration Data // *Cities*. 2019. Vol. 94. Pp. 55–69. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.05.022>
5. How does International Migration Impact on Rural Areas in Developing Countries? A Systematic Review / C. Obi [et al.] // *Journal of Rural Studies*. 2020. Vol. 80. Pp. 273–290. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.09.016>
6. Zhan P., Ma X., Li S. Migration, Population Aging, and Income Inequality in China // *Journal of Asian Economics*. 2021. Vol. 76. Article no. 101351. <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2021.101351>
7. CO2 Emissions Embodied in International Migration from 1995 to 2015 / S. Liang [et al.] // *Environmental Science and Technology*. 2020. Vol. 54, issue 19. Pp. 12530–12538. <https://doi.org/10.1021/acs.est.0c04600>
8. Debnath A., Roy N. Linkage between Internal Migration and Crime: Evidence from India, International Journal of Law // *Crime and Justice*. 2013. Vol. 41, issue 3. Pp. 203–212. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcrj.2013.06.001>
9. Migration Transforms the Conditions for the Achievement of the Sustainable Development Goals / W. Adger [et al.] // *The Lancet Planetary Health*. 2019. Vol. 3, issue 11. Pp. e440–e442. [https://doi.org/10.1016/S2542-5196\(19\)30213-X](https://doi.org/10.1016/S2542-5196(19)30213-X)
10. Barnett J., Adger W. N. Mobile Worlds: Choice at the Intersection of Demographic and Environmental Change // *Annual Review of Environment Resources*. 2018. Vol. 43. Pp. 245–265. <https://doi.org/10.1146/annurev-enviro-102016-060952>
11. Lietaer S., Durand-Delacre D. Situating ‘Migration as Adaptation’ Discourse and Appraising its Relevance to Senegal’s Development Sector // *Environmental Science and Policy*. 2021. Vol. 126. Pp. 11–21. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2021.09.008>
12. Судакова А. Е., Тарасьев А. А., Сандлер Д. Г. Динамическая модель прогнозирования научной миграции в регионе // *Экономика региона*. 2021. Т. 17, № 4. С. 1196–1209. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-11>
13. Антонов Е. В. Динамика занятости и состояния рынков труда регионов России в 2010–2017 гг. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*. 2019. Т. 64, № 4. С. 559–574. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2019.404>
14. Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // *Мир России*. 2022. Т. 31, № 1. С. 113–137. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137>
15. Selod H., Shilpi F. Rural-Urban Migration in Developing Countries: Lessons from the Literature // *Regional Science and Urban Economics*. 2021. Vol. 91. Article no. 103713. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2021.103713>
16. Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В., Петросян А. Н. Пространственные особенности миграционного прироста пригородов региональных столиц России // *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*. 2021. № 6. С. 123–134. URL: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/942> (дата обращения: 21.05.2023).
17. Звягинцев В. И., Неуважаева М. А. Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // *Мир России. Социология. Этнология*. 2015. Т. 24, № 1. С. 101–135. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4945> (дата обращения: 21.05.2023).
18. Klöcker J. A., Daumann F. What Drives Migration to Germany? A Panel Data Analysis // *Research in Economics*. 2022. Vol. 77, issue 2. Pp. 251–264. <https://doi.org/10.1016/j.rie.2022.10.002>
19. Are Migration and Settlement Environment-Driven? Environment-Related Residential Preferences of Migrants in China / R. Liu [et al.] // *Journal of Cleaner Production*. 2022. Vol. 377. Article no. 134263. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.134263>
20. The Trajectory of the Anthropocene: The Great Acceleration / W. Steffen [et al.] // *Anthropocene Review*. 2015. Vol. 2, issue 1. Pp. 81–98. <https://doi.org/10.1177/2053019614564785>
21. Профессиональные факторы и механизмы привлечения в Калининградскую область мигрантов из регионов России / К. Ю. Волошенко [и др.] // *Регионоведение*. 2023. Т. 31, № 1. С. 143–165. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.143-165>



22. Bhawana B., Dipanker S. Migration of Skilled Professionals Across the Border: Brain Drain or Brain Gain? // *European Management Journal*. 2022. Online first. <https://doi.org/10.1016/j.emj.2022.12.011>
23. Васильева Е. В., Васильева А. В. Демографические исследования в контексте потенциала развития и экономической безопасности территории // *Экономика региона*. 2022. Т. 18, вып. 1. С. 1–20. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-1>
24. Qi W., Abel G., Liu S. Geographic Transformation of China's Internal Population Migration from 1995 to 2015: Insights from the Migration Centerline // *Applied Geography*. 2021. Vol. 135. Article no. 102564. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2021.102564>
25. Pan J., Lai J. Spatial Pattern of Population Mobility among Cities in China: Case Study of the National Day Plus Mid-Autumn Festival based on Tencent Migration Data // *Cities*. 2019. Vol. 94. Pp. 55–69. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.05.022>
26. Васильева А. В., Тарасьев А. А. Прогноз развития миграционных процессов и рынка труда в регионах России // *Экономика региона*. 2014. № 4. С. 283–298. EDN: TFGKTF
27. Румянцев А. С. Моделирование процесса внутренней миграции в регионах РФ // *Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления*. 2019. № 2. С. 118–126. <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2019-2-118-126>
28. Бурик О. В., Минченко И. А. Миграция населения как угроза устойчивому развитию Дальнего Востока // *Наука и бизнес: пути развития*. 2019. № 12 (102). С. 188–191. URL: [http://globaljournals.ru/assets/files/journals/science-and-business/102/sb-12\(102\)-2019-main.pdf](http://globaljournals.ru/assets/files/journals/science-and-business/102/sb-12(102)-2019-main.pdf) (дата обращения: 21.05.2023).
29. Регент Т. М., Масленникова А. В. Влияние миграции на устойчивое развитие регионов с применением динамической модели межрегионального развития // *Наука. Культура. Общество*. 2020. Т. 26, № 1. С. 75–80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-migratsii-na-ustoychivoe-razvitiye-regionov-s-primeneniem-dinamicheskoy-modeli-mezhregionalnogo-razvitiya/viewer> (дата обращения: 21.05.2023).
30. Lee T., Peri G., Viarengo M. The Gender Aspect of Migrants' Assimilation in Europe // *Labour Economics*. 2022. Vol. 78. Article no. 102180. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2022.102180>
31. Ruysen I., Salomone S. Female Migration: A Way out of Discrimination? // *Journal of Development Economics*. 2018. Vol. 130. Pp. 224–241. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2017.10.010>
32. Intersections between Gender Approaches, Migration and Health in Latin America and the Caribbean: A Discussion Based on a Scoping Review / B. Cabieses [et al.] // *The Lancet Regional Health – Americas*. 2023. Article no. 100538. Online first. <https://doi.org/10.1016/j.lana.2023.100538>
33. Prati G., Cazarro I., Hazra S. Gender Dimensions of the Migration, Sustainability and Care Nexus: The Case Study of the Mahanadi Delta, India // *Current Research in Environmental Sustainability*. 2022. Vol. 4. Article no. 100104. <https://doi.org/10.1016/j.crsust.2021.100104>
34. The Migration-Sustainability Paradox: Transformations in Mobile Worlds / M. F. Gavonel [et al.] // *Current Opinion in Environmental Sustainability*. 2021. Vol. 49. Pp. 98–109. <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2021.03.013>

Поступила в редакцию 22.05.2023; поступила после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 18.10.2023.

Об авторе:

Чернова Ольга Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры информатики экономики экономического факультета Южного федерального университета (344007, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, д. 88), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5072-7070>, Researcher ID: H-9823-2015, Scopus ID: 56581560700, oachernova@sfsu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Sharp M. The Labour Market Impacts of Female Internal Migration: Evidence from the End of Apartheid. *Regional Science and Urban Economics*. 2021;91:103624. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2020.103624>



2. Bu Y., Wang E., Qiu Y., Möst D. Impact Assessment of Population Migration on Energy Consumption and Carbon Emissions in China: A Spatial Econometric Investigation. *Environmental Impact Assessment Review*. 2022;93:106744. <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2022.106744>
3. Margiani T. Causes of Migration and its Impact on the Economy. *Vectors of Social Sciences*. 2023;(5):72–80. <https://doi.org/10.51895/VSS5/Margiani>
4. Pan J., Lai J. Spatial Pattern of Population Mobility among Cities in China: Case Study of the National Day Plus Mid-Autumn Festival based on Tencent Migration Data. *Cities*. 2019;94:55–69. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.05.022>
5. Obi C., Bartolini F., Brunori G., D'Haese M. How does International Migration Impact on Rural Areas in Developing Countries? A Systematic Review. *Journal of Rural Studies*. 2020;80:273–290. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.09.016>
6. Zhan P., Ma X., Li S. Migration, Population Aging, and Income Inequality in China. *Journal of Asian Economics*. 2021;76:101351. <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2021.101351>
7. Liang S., Yang X., Wang Y., Wang Y., Xie W., Muttarak R., et al. CO2 Emissions Embodied in International Migration from 1995 to 2015. *Environmental Science and Technology*. 2020;54(19):12530–12538. <https://doi.org/10.1021/acs.est.0c04600>
8. Debnath A., Roy N. Linkage between Internal Migration and Crime: Evidence from India, International Journal of Law. *Crime and Justice*. 2013;41(3):203–212. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcrj.2013.06.001>
9. Adger W., Boyd E., Fábos A., Fransen S., Jolivet D., Neville G., et al. Migration Transforms the Conditions for the Achievement of the Sustainable Development Goals. *The Lancet Planetary Health*. 2019;3(11):e440–e442. [https://doi.org/10.1016/S2542-5196\(19\)30213-X](https://doi.org/10.1016/S2542-5196(19)30213-X)
10. Barnett J., Adger W.N. Mobile Worlds: Choice at the Intersection of Demographic and Environmental Change. *Annual Review of Environment Resources*. 2018;43:245–265. <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-102016-060952>
11. Lietaer S., Durand-Delacre D. Situating ‘Migration as Adaptation’ Discourse and Appraising its Relevance to Senegal’s Development Sector. *Environmental Science and Policy*. 2021;126:11–21. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2021.09.008>
12. Sudakova A.E., Tarasyev A.A., Sandler D.G. A Dynamic Forecasting Model for Scientific Migration in the Region. *Economy of Region*. 2021;17(4):1196–1209. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-11>
13. Antonov E.V. The Dynamics of Employment and Regional Labour Markets Situation in Russia in 2010–2017. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*. 2019;64(4):559–574. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/spbu07.2019.404>
14. Tikhonova N.E., Slobodenyuk E.D. Poverty among Russian Professionals: Scale, Causes, Trends. *Universe of Russia*. 2022;31(1):113–137. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137>
15. Selod H., Shilpi F. Rural-Urban Migration in Developing Countries: Lessons from the Literature. *Regional Science and Urban Economics*. 2021;91:103713. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2021.103713>
16. Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V., Petrosian A.N. Spatial Patterns of Net Migration in the Suburbs of Russian Regional Centers. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. 2021;(6):123–134. Available at: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/942> (accessed 21.05.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
17. Zvyagintsev V., Neuvazhaeva M. Migration from Urban to Rural Areas: the Phenomenon of “Counter-Urbanisation” in Modern Russia. *Universe of Russia*. 2015;24(1):101–135. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/4945> (accessed 21.05.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
18. Klöcker J.A., Daumann F. What Drives Migration to Germany? A Panel Data Analysis. *Research in Economics*. 2022;77(2):251–264. <https://doi.org/10.1016/j.rie.2022.10.002>
19. Liu R., Green R., Yu Y., Lv H. Are Migration and Settlement Environment-Driven? Environment-Related Residential Preferences of Migrants in China. *Journal of Cleaner Production*. 2022;377:134263. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.134263>
20. Steffen W., Broadgate W., Deutsch L., Gaffney O., Ludwig C. The Trajectory of the Anthropocene: The Great Acceleration. *Anthropocene Review*. 2015;2(1):81–98. <https://doi.org/10.1177/2053019614564785>
21. Voloshenko K.Yu., Lialina A.V., Farafonova Yu.Yu., Novikova A.A. Work-Related Pull Factors and Mechanisms for Attracting Internal Migrants to the Kaliningrad Region. *Russian Journal*



- of *Regional Studies*. 2023;31(1):143–165. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.143-165>
22. Bhawana B., Dipanker S. Migration of Skilled Professionals Across the Border: Brain Drain or Brain Gain? *European Management Journal*. 2022. <https://doi.org/10.1016/j.emj.2022.12.011>
23. Vasilyeva E.V., Vasileva A.V. Demographic Research in the Context of Economic Development and Security of Regions. *Economy of Regions*. 2022;18(1):1–20. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-1>
24. Qi W., Abel G., Liu S. Geographic Transformation of China's Internal Population Migration from 1995 to 2015: Insights from the Migration Centerline. *Applied Geography*. 2021;135:102564. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2021.102564>
25. Pan J., Lai J. Spatial Pattern of Population Mobility among Cities in China: Case Study of the National Day Plus Mid-Autumn Festival based on Tencent Migration Data. *Cities*. 2019;94:55–69. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.05.022>
26. Vasilyeva A.V., Tarasyev A.A. Future Development of Migration Processes and Labour Market in the Regions of Russia. *Economy of Regions*. 2014;(4):283–298. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: TFGKTF
27. Rumyantsev A.S. Modeling of the Internal Migration Process in the Regions of the Russian Federation. *Vestnik NSUEM*. 2019;(2):118–126. <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2019-2-118-126>
28. Burik O.V., Minchenko I.A. Population Migration as a threat to the Sustainable Development of the Far East. *Science and Business: Development Ways*. 2019;(12):188–191. Available at: [http://globaljournals.ru/assets/files/journals/science-and-business/102/sb-12\(102\)-2019-main.pdf](http://globaljournals.ru/assets/files/journals/science-and-business/102/sb-12(102)-2019-main.pdf) (accessed 21.05.2023).
29. Regent T.M., Maslennikova A.V. Impact of Migration on Sustainable Regional Development Using the Dynamic Model of Interregional Development. *Science. Culture. Society*. 2020;26(1):75–80. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-migratsii-na-ustoychivoe-razvitie-regionov-s-primeneniem-dinamicheskoy-modeli-mezhregionalnogo-razvitiya/viewer> (accessed 21.05.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
30. Lee T., Peri G., Viarengo M. The Gender Aspect of Migrants' Assimilation in Europe. *Labour Economics*. 2022;78:102180. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2022.102180>
31. Ruysen I., Salomone S. Female Migration: A Way out of Discrimination? *Journal of Development Economics*. 2018;130:224–241. <https://doi.org/10.1016/j.jdevco.2017.10.010>
32. Cabieses B., Velázquez B., Blukacz A., Farante S., Bojórquez I., Mezones-Holguín E. Intersections between Gender Approaches, Migration and Health in Latin America and the Caribbean: A Discussion based on a Scoping Review. *The Lancet Regional Health – Americas*. 2023;100538. <https://doi.org/10.1016/j.lana.2023.100538>
33. Prati G., Cazcarro I., Hazra S. Gender Dimensions of the Migration, Sustainability and Care Nexus: The Case Study of the Mahanadi Delta, India. *Current Research in Environmental Sustainability*. 2022;4:100104. <https://doi.org/10.1016/j.crsust.2021.100104>
34. Gavonell M.F., Adger W.N., de Campos R.S., Boyd E., Carr E.R., Fábos A., et al. The Migration-Sustainability Paradox: Transformations in Mobile Worlds. *Current Opinion in Environmental Sustainability*. 2021;49:98–109. <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2021.03.013>

Received 22.05.2023; revised 12.10.2023; accepted 18.10.2023.

About the author:

Olga A. Chernova, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Department of Information Economics, Faculty of Economics, Southern Federal University (88 Maxim Gorky St., Rostov-on-Don 344007, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5072-7070>, Researcher ID: H-9823-2015, Scopus ID: 56581560700, oachernova@sfsu.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.



ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ / ECONOMICS AND MANAGEMENT OF NATIONAL ECONOMY



УДК 339.562:332.1

doi: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.650-664

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

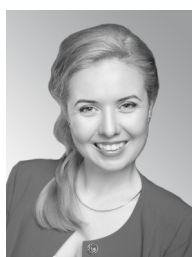
ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Импортозамещение и параллельный импорт в различных регионах мира: экономико-правовой анализ



И. А. Емелькина ✉



О. Н. Фомина

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва, Российская Федерация)*

✉ emelkina-ia@ranepa.ru

Аннотация

Введение. Импортозамещение является одной из ключевых задач российской политики и экономики последних десятилетий, что предопределяет актуальность ее изучения в других регионах мира для создания предпосылок наиболее эффективной интеграции ее в России. Еще в 2022 г. параллельный импорт в России начал легализоваться путем имплементации международного принципа исчерпания исключительных прав. Цель статьи – проанализировать различные региональные подходы к импортозамещению и параллельному импорту для последующей имплементации наиболее эффективных практик в нашей стране.

Материалы и методы. Объектом исследования являются институты, реализующие правовое регулирование импортозамещения и параллельного импорта в латиноамериканском, восточноазиатском, североамериканском и африканском регионах, в частности институт исчерпания исключительных прав на товарные знаки, принудительное лицензирование, в доктринальном и историческом аспектах. Проанализированы ключевые правовые акты России и зарубежных стран, касающиеся оформления политики импортозамещения и легализации параллельного импорта в наиболее представительных странах различных регионов мира. Изучены доктрины и судебная практика отдельных зарубежных стран, касающиеся импортозамещения, исчерпания исключительных прав, параллельного импорта и принудительного лицензирования.

Результаты исследования. Проведен анализ политики импортозамещения в различных регионах мира, который подтвердил целесообразность выработки в нашей стране собственного наиболее адекватного сложившимся реалиям пути внедрения импортозамещающих практик, в частности объединения тарифных и нетарифных методов протекционистского воздействия на экономику. Выявлено, что отечественная концепция исключительного права в настоящее время проходит этап трансформации с «проавторской» на некую «смешанную», придавая ей уникальность и самобытность. Законодательно национальный принцип закреплен в Гражданском кодексе Российской Федерации, однако судебная и административная, в частности таможенная, практика уже ориентируется на «прорыночную» модель, реализуя международный принцип исчерпания, заложенный в подзаконных актах.

© Емелькина И. А., Фомина О. Н., 2023



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Обсуждение и заключение. Полагаем целесообразным образование на уровне стран СНГ и других дружественных государств международных организаций, функции которых будут направлены на патерналистское регулирование экономики стран-участниц и создание оптимальных условий для реализации политики импортозамещения. Полученные авторами данные имеют практическую значимость для представителей юридического, экономического, бизнес-сообщества, практикующих юристов, преподавателей и предпринимателей, а также представителей законодотворческой инициативы.

Ключевые слова: импортозамещение, параллельный импорт, международный и национальный принципы исчерпания исключительных прав, товарный знак, доктрина первой продажи, контрафакт, иностранный импорт, замещающий импорт, промышленность, протекционистские меры, принудительное лицензирование, исчерпание интеллектуальных прав

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Для цитирования: Емелькина И. А., Фомина О. Н. Импортозамещение и параллельный импорт в различных регионах мира: экономико-правовой анализ // Регионология. 2023. Т. 31, № 4. С. 650–664. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.650-664>

Original article

Import Substitution and Parallel Imports in Various Regions of the World: Economic and Legal Analysis

I. A. Emelkina ✉, O. N. Fomina

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Moscow, Russian Federation)*

✉ emelkina-ia@ranepa.ru

Abstract

Introduction. Import substitution is one of the key tasks of Russian politics and the economy of recent decades, which determines the relevance of studying this concept in other regions of the world to create the prerequisites for its most effective integration in our country. Back in 2022, parallel imports in our country began to be legalized by implementing the international principle of exclusive rights exhaustion. The purpose of the work is to analyze various regional approaches to import substitution and parallel import.

Materials and Methods. The object of the study is the institutions implementing the legal regulation of import substitution and parallel imports in the Latin American, East Asian, North American and African regions, in particular the institution of exclusive rights exhaustion to trademarks, compulsory licensing, etc. in doctrinal and historical aspects. In the course of the study, an analysis of key legal acts related to the registration of import substitution policy and the legalization of parallel imports in the most representative countries of various regions of the world was carried out. The doctrines and judicial practice of some foreign countries concerning import substitution, exclusive rights exhaustion, parallel imports and compulsory licensing were studied.

Results. As a result of the analysis of the import substitution policy in various regions of the world, it was concluded that it is advisable to develop in our country our own most adequate way for introducing import-substituting practices, in particular, combining tariff and non-tariff methods of protectionist influence on the economy. The domestic concept of exclusive law is currently undergoing a stage of transformation from “pro-author” to a kind of “mixed”, giving it uniqueness and identity. The national principle is legislatively enshrined in Art. 1487 of the Civil Code of the Russian Federation, however, judicial and administrative, in particular customs practice, is already guided by the “pro-market” model, implementing the international principle of exhaustion, laid down in by-laws.

Discussion and Conclusion. We consider it expedient to form at the level of the CIS countries and other friendly states the creation of international organizations with similar functions aimed at paternally regulating the economies of the participating countries and creating optimal conditions for the implementation of the import substitution policy. The data obtained by the authors may be of practical significance for representatives of the legal, economic, business community, practicing lawyers, teachers and entrepreneurs, as well as representatives of the lawmaking initiative.

Keywords: import substitution, parallel imports, international and national principles of exhaustion of exclusive rights, trademark, doctrine of first sale, counterfeiting, foreign imports, substitute imports, industry, protectionist measures, compulsory licensing, exhaustion of intellectual rights

Funding. The article was written on the basis of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration state assignment research programme.

For citation: Emelkina I.A., Fomina O.N. Import Substitution and Parallel Imports in Various Regions of the World: Economic and Legal Analysis. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):650–664. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.650-664>

Введение. Процесс импортозамещения и параллельный импорт в той или иной степени свойственны различным регионам мира вне зависимости от уровня своего экономического развития. Такой политический вектор нацелен на замену импортных товаров, которые необходимы не только для удовлетворения каждодневного потребительского спроса, но и на развитие промышленных отраслей и экономики в целом, которая в результате становится способной к самостоятельному воспроизводству потребительских товаров без необходимости их импортирования. Кроме того, национальное правительство в условиях импортозамещения нацеливается на стимулирование и защиту национальных экономических интересов путем создания благоприятных условий для развития промышленности и сокращения зависимости от импорта для снижения политических и валютных рисков. В частности, задачами импортозамещения провозглашаются в том числе создание конкурентоспособного производства, разработка новых технологий и инноваций, а также поддержка догоняющих отраслей. В самом общем виде основная цель импортозамещения обычно формулируется как создание среды для максимального роста национальной промышленности.

Анализируя практику введения импортозамещения в различных регионах мира, можно прийти к выводу, что государство сталкивается с необходимостью развития импортозамещения либо в результате всеобщих кризисных явлений (Великая депрессия, Вторая мировая война и т. п.), которые заставляют национальные государства полагаться в большей степени на собственные силы ввиду слабости соседних и ведущих государств, либо по причине экономической изоляции, связанной с геополитическими процессами.

Общая практика реализации импортозамещения связана в большинстве регионов с увеличением расходов на развитие наиболее прибыльных отраслей, а также сфер, которые государство считает приоритетными. Процессы импортозамещения могут «сосуществовать» с процедурами национализации и патерналистским регулированием экономики, а также развиваться и в условиях рыночной экономики (например, Южная Корея, Сингапур, Франция и т. д.).

Помимо общегосударственной политики, важную роль в стимулировании импортозамещения играют также региональные законы и программы поддержки, направленные на развитие некоммерческого сектора экономики и стимулирование социально значимых проектов, включая предоставление грантов и субсидий, оказание консультационной помощи, содействие развитию кадрового потенциала и т. п. В целом государственные меры, направленные на реализацию импортозамещения, можно подразделить на тарифные и нетарифные способы обеспечения



развития и самодостаточности за счет создания внутреннего рынка. К нетарифным мерам воздействия можно отнести национализацию, субсидирование производства, повышение налогов и протекционистскую торговую политику¹.

Цель статьи – проанализировать проблемы импортозамещения и параллельного импорта, пути их решения в зарубежных странах, а также изучить стратегии для российского правопорядка с учетом существующих практик.

Обзор литературы. В научной литературе существует достаточно много исследований, посвященных проблематике импортозамещения. Например, публикации таких авторов, как Т. Перро, П. Мартин [1], Ф. И. Шамхалов [2], Л. В. Васильева², О. А. Миронова [3], А. С. Ворожечин, С. В. Третьяков [4] и др.

Выделим основные различия в подходах. Р. Пребиш считал, что снижение зависимости от импорта, возможность контролировать цены на сельскохозяйственные товары в целях увеличения бюджета и закупки необходимых промышленных товаров, повышение уровня доходов и экономический рост являются преимуществами реализации протекционистской политики импортозамещения [5, р. 227–228]. Д. Джекобс разрабатывала понятие импортозамещения в связи с развитием урбанистики и городской среды, которая способна заменить деревенские товары³. Дж. Итуэлл раскрывает опыт реализации импортозамещения в развитых странах – Франции и Японии, которые столкнулись с проблемами высокой конкуренции в реализации экспорта и при защите своих внутренних рынков⁴.

Х. В. Арндт исследовал импортозамещение с точки зрения кейнсианской, коммуитаристской и социалистической экономической мысли⁵. Т. Перро и П. Мартин разработали так называемую теорию зависимости для обоснования необходимости импортозамещения в целях экономического роста [1].

Некоторые ученые считали, что неразвитые политические и экономические структуры, унаследованные постколониальной Африкой, создали внутренний стимул для импортозамещения⁶, а Л. Сенгор прямо провозглашал отрицание капиталистического и рыночного хозяйства и «свой путь» для африканских государств [6].

Е. Ф. Авдокушин раскрывает стадию проведения экономической политики импортозамещения в 50–70-х гг. XX в., которую прошли большинство новых индустриальных стран (Гонконг, Республика Корея, Сингапур, Тайвань, Аргентина, Бразилия, Мексика), а также ряд так называемых новейших индустриальных стран (Индия, Малайзия, Таиланд, Чили, Индонезия, Турция, Иран, Филиппины)⁷.

¹ Street J. H., James D. D. Structuralism, and Dependency in Latin America // *Journal of Economic Issues*. 1982. Vol. 16, issue 3. Pp. 673–689.

² Васильева Л. В. Опыт импортозамещения в странах БРИКС // *Страны БРИКС: стратегии развития и механизмы взаимодействия и сотрудничества в изменяющемся мире* : тр. I Междунар. науч.-практ. конф. / ИНИОН РАН. Отдел науч. сотрудничества ; отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2016. С. 14–19.

³ Jacobs J. *The Death and Life of Great American Cities*. New York : A Division of Random House, 1992. 458 p.

⁴ Итуэлл Дж. Импортозамещающий и экспортоориентированный экономический рост // *Экономическая теория* / под ред. Дж. Итуэлла. М. : Инфра-М, 2004. С. 430–433.

⁵ Arndt H. W. *The Origins of Structuralism* // *World Development*. 1985. Vol. 13, issue 2. Pp. 151–159.

⁶ Mytelka L. K. *The Unfulfilled Promise of African Industrialization* // *African Studies Review*. 1989. Vol. 32, no. 3. P. 91.

⁷ Авдокушин Е. Ф. *Международные экономические отношения* : учеб. для вузов. М. : Юрист, 1999. С. 311–315.

При исследовании восточноазиатского варианта преобразований в промышленности Л. В. Васильева выделяет в его реализации три этапа: «Целью первого этапа (собственно – импортозамещение) было создание новых производств и отраслей с помощью системы протекционистских мер. Недолговременность такого подхода была обусловлена искусственной изоляцией и деградацией внутреннего рынка из-за потерь мировых стандартов качества. Следующий этап характеризовался поощрением экспорта при одновременном снижении таможенных барьеров. Эксперты видят успех стран Восточной Азии в своевременном переходе на экспортно-ориентированную модель экономики» [7, с. 239]. О. А. Миронова отметит, что на втором этапе реализации индустриального импортозамещения государственная поддержка оказывалась уже не всем отечественным производителям новых отраслей, а избирательно – тем из них, которые вышли на внешние рынки или готовы выйти в ближайшей перспективе [3]. Она также отмечает, что на третьем этапе, когда отрасли (предприятия) достигли устойчивых позиций на внешнем рынке, государство отходит от активной промышленной политики и поддержки даже экспортно ориентированных отраслей и предприятий – бизнес способен развиваться самостоятельно [3].

По итогам обзора научных публикаций отметим, что учеными практически не представлены исследования, описывающие влияние санкций и параллельного импорта на реализацию политики импортозамещения. Также не рассматривается правовая реализация концепции импортозамещения в рамках правовой и экономической интеграции стран бывшего СССР. Отсюда следует наша гипотеза: правовая модернизация юридической концепции исключительных прав возможна при достижении существенного экономического роста, в том числе в условиях санкций, а также путем правовой и экономической интеграции стран СНГ, создания на их базе новых интеграционных образований. Для подтверждения гипотезы нами проведено данное исследование.

Материалы и методы. В ходе исследования анализу подвергались российские правовые документы, оформляющие легализацию параллельного импорта, контекст их принятия и практика применения, а также нормативные источники и судебная практика государств с наиболее передовым опытом внедрения стратегий импортозамещения.

Был проведен сравнительный анализ основных концепций, выработанных зарубежной правовой и экономической наукой относительно концепции импортозамещения. Проанализированы исторические и доктринальные предпосылки импортозамещения в основных регионах мира, в частности в США, Канаде, Австралии⁸, Новой Зеландии⁹, Мексике¹⁰, Китае, Индии¹¹, Сингапуре, Вьетнаме, Филиппинах, Таиланде, Малайзии, Индонезии, Брунее, Мьянме (Бирме)¹².

⁸ Trade Marks Act 1995 (consolidated as of March 10, 2016) [Электронный ресурс]. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/16169> (дата обращения: 24.08.2023).

⁹ Section 97. Trade Marks Act 2002 (reprint as at 13 January 2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/547184> (дата обращения: 24.08.2023).

¹⁰ Ст. 92 (II) Закона о праве промышленной собственности (Ley de la propiedad industrial). 27.06.1991.

¹¹ The Trade and Merchandise Marks Act (Act No. 43 of 1958) [Электронный ресурс]. URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/2394> (дата обращения: 24.08.2023).

¹² Проект Закона о товарных знаках (Myanmar Draft Trademark Law).



В процессе исследования применялись методы познания, обеспечивающие достижение цели работы и решение поставленных в ней задач. Для изучения документов был использован сравнительно-правовой и догматический методы. Также на разных этапах исследования были задействованы общенаучные (системный анализ и синтез, сравнительно-правовой, логический, статистический) и частно-научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-догматическое толкование и др.).

Результаты исследования. В результате проведенного исследования были выделены ключевые особенности правового регулирования импортозамещения и параллельного импорта в латиноамериканском, североамериканском регионах, а также в Юго-Восточной Азии. Определены наиболее классические модели импортозамещения – латиноамериканская и восточноазиатская, и осуществлен их сравнительный анализ.

Особенности правового регулирования импортозамещения и параллельного импорта в латиноамериканском регионе. Политика импортозамещения проводилась большинством стран Латинской Америки с 1930-х до конца 1980-х гг. в связи с кризисными явлениями в экономике региона, в том числе влиянием Великой депрессии 1930-х гг. и девальвацией местной валюты, из-за чего также был существенно затруднен импорт. Это послужило стимулом для отечественного замещающего производства необходимой продукции.

В странах Латинской Америки протекционистская политика была изначально реализована за счет мер таможенно-тарифного регулирования. Наибольшего успеха политика импортозамещения добилась в состоятельных государствах региона с большим населением, таких как Мексика, Бразилия и Аргентина. В меньшей степени ее результаты проявились в Венесуэле, Уругвае и Чили.

При этом наиболее мелкие и бедные страны Латинской Америки (Эквадор, Гондурас и Доминиканская Республика) могли внедрить политику импортозамещения лишь в ограниченной степени. Республика Перу имплементировала ее в 1961 г. и сохраняла в той или иной степени до конца XX в.

В рамках реализации политики импортозамещения и в целях повышения ее эффективности государства Латинской Америки предприняли следующие меры. Прежде всего в ряде стран была введена аграрная реформа для перераспределения доходов внутри самих стран. В 1960 г. была создана региональная организация – Латиноамериканская ассоциация свободной торговли (ALALC)¹³, которая в 1981 г. трансформировалась в Латиноамериканскую ассоциацию интеграции, существующую по настоящее время. Целями данной организации было стимулирование гражданского и торгового оборота между странами в латиноамериканском регионе. Взаимодействие между странами Латинской Америки осуществлялось на площадке специальной комиссии при ООН – ЭКЛАК¹⁴.

Государство латиноамериканского региона сначала делало упор на тарифное регулирование и ограничение импорта путем установления высоких ввозных

¹³ ALADI [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aladi.org/sitioaladi/alalc> (дата обращения: 24.08.2023). Российская Федерация с 1995 г. имеет статус страны-наблюдателя.

¹⁴ Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна при ООН (United Nations Economic Commission for Latin America and the Caribbean, UN ECLAC) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/ecosoc/eclac/> (дата обращения: 24.08.2023).

пошлин. Одним из результатов стало снижение цен на продукцию внутреннего производства. Однако для латиноамериканской модели характерны и нетарифные методы регулирования гражданского оборота. Например, «государственная поддержка заключалась также в выдаче дешевых кредитов, установлении квот на импорт, поддержании фиксированного обменного курса» [7, с. 238]. Одновременно происходил процесс национализации государственной монополизации экономики в стратегически важных отраслях (нефтегазовая промышленность, электроэнергетика, железнодорожный транспорт, связь). Ф. И. Шамхалов отмечает, что «ограничение импорта и насыщение внутреннего рынка отечественными товарами позволяло удерживать средства в регионе и использовать их как источник модернизации промышленности» [2].

Особенности правового регулирования импортозамещения и параллельного импорта в восточноазиатском регионе. Второй классической моделью правового регулирования импортозамещения считается восточноазиатская модель, характерная для таких стран, как Корея, Китай, Гонконг, Сингапур, Тайвань и др. В отличие от государств Латинской Америки индустриальные цели достигались не длительным жестким протекционизмом, а путем наращивания экспортного потенциала стран. Принципиально важной особенностью являлся более короткий период чистого импортозамещения, а политика протекционизма сочеталась с товарной и географической диверсификацией экспорта. Аналогично странам Латинской Америки здесь прежде всего стали поднимать легкую и пищевую промышленности. Однако на следующем этапе производство в сфере тяжелой промышленности уже было не замкнуто на внутренний рынок, а ориентировано на экспорт, на мировые рынки [2].

В числе институтов, обеспечивающих успешность импортозамещения, можно выделить «экспортно-промышленные зоны, таможенное хранение, специальные экономические зоны и систему возврата таможенных пошлин. Государственное регулирование осуществлялось на макроэкономическом уровне путем стимулирования экспорта трудоемкой продукции, в основном с помощью удержания обменных курсов» [3]. Особенности восточноазиатской модели являются стабильное гражданское законодательство, налоговые и таможенные преференции.

Важной инфраструктурной составляющей реализации политики импортозамещения с точки зрения частноправовых институтов было введение возможности принудительного лицензирования в отдельных странах восточноазиатского региона, например в Индии, Китае и Тайланде [4]. Особенно ограничение патентной монополии было реализовано в фармакологической сфере. В некоторых случаях ограничения патентных прав Индия использует доктрины общего права, в частности американскую концепцию FRAND-обязательств. Примерами являются дела 2013 и 2014 гг. в отношении компании Ericsson Комиссии по конкуренции Индии о нарушении ст. 4 Закона о конкуренции Индии¹⁵.

Китайская практика также разделяет патентные права в зависимости от объекта патентования, допуская ограничение патентной монополии на

¹⁵ Discussion Paper on Standard Essential Patents and their Availability on FRAND Terms / Government of India Department of Industrial Policy and Promotion Ministry of Commerce & Industry, 2016. 28 p.



стандартизированные инновационные объекты [8]. В деле Huawei vs IDC (2016 г.) Верховный суд Гонконга применил принцип FRAND¹⁶.

Сравнение моделей импортозамещения в латиноамериканском и восточноазиатском регионах. Если азиатская модель предполагала развитие национальной экономики с преимущественной ориентацией на внешний рынок, то национальная экономика южноамериканских стран (латиноамериканская модель) была ориентирована в большей степени на импортозамещение в целях защиты внутреннего рынка.

По словам О. А. Мироновой, «слабой стороной латиноамериканской модели было отсутствие условий для развития реальной конкурентоспособности, а также упор на мерах административной поддержки бизнеса» [3]. Неэффективное плановое распределение ресурсов, а также лоббирование интересов отдельных предприятий способствовали технологическому отставанию стран региона.

Особенности правового регулирования импортозамещения и параллельного импорта в африканском регионе. Политика импортозамещения реализовывалась в различных формах по всей Африке с начала 1960-х до середины 1970-х гг. в целях создания условий для экономического роста коренных народов в новых независимых государствах. Национальным стимулом для развития патерналистского регулирования можно считать создание в 1927 г. так называемых общих рынков Восточной и Центральной Африки в британских и французских колониях, в рамках которых была провозглашена важность общих торговых тарифов, направленных на защиту отечественного производства от внешних воздействий и конкуренции [9].

В Гане и Нигерии «экономический рост происходил за счет коренных общин, которые не имели права голоса в отношении выращиваемых культур (какао, пальмовое масло и т. п.) и сохраняли предельную прибыль от своей сельскохозяйственной продукции»¹⁷. Подтверждением успешности выбранного подхода послужил рост «полугосударственных» корпораций с 1960 по 1980 г. [10]. Государственные торговые компании получили контроль над импортно-экспортным бизнесом, а также над рознично-оптовой торговлей¹⁸.

Политика импортозамещения в Кении начала развиваться в условиях государственного капитализма [11] на основании Сессионного документа Кении № 10 от 1965 г. (*African Socialism and its Application to Planning in Kenya*), в котором особая роль отводилась обрабатывающим отраслям¹⁹. Историки экономики утверждают, что «открытость для западных предприятий и технического опыта привела к более высокому валовому национальному продукту в Кении, чем в сравнительных социалистических странах, таких как Гана и Танзания» [9, p. 133].

Неспособность импортозамещения обеспечить достаточный рост индустриализации и общего развития в странах Африки привела к отказу от нее к началу 1980-х гг. Всемирный банк в качестве решения проблем импортозамещения

¹⁶ Xiaoning Y. Enforcement of Standard Essential Patents (SEPs) in China [Электронный ресурс]. URL: <http://liu-shen.com/Content-2637.html> (дата обращения: 24.08.2023).

¹⁷ Dumont R. *False Start in Africa*. Taylor & Francis LTD, 1988. P. 31–33.

¹⁸ Kennedy P. *African Capitalism the Struggle for Ascendancy*. Cambridge University Press, 1988. P. 65.

¹⁹ Austen R. *African Economic History*. Oxford University Publishing, 1987. P. 246.

предложил реструктуризацию экономики в направлении неолиберальной модели развития, продолжавшейся на протяжении 1980–1990-х гг.

Особенности правового регулирования импортозамещения и параллельного импорта в североамериканском регионе. Политика импортозамещения не является специфичной для стран Северной Америки в силу вовлеченности их в мировую экономику и их роли в ней. При этом государственные институты во многом реализуют патерналистскую политику через частнопроводные институты, например через ограничение интеллектуальных прав и легальный параллельный импорт. В США история охраны интеллектуальных прав имеет довольно ограниченный период. Например, до 1980-х гг. было крайне сложно получить патент в этой стране. Впоследствии суды легко могли признать патент недействительным [12, р. 138–140].

Закон Бэя – Доула (Bayh-Dole Act) предоставил федерации так называемое право на вмешательство (right to march-in) в оборот и в отношении частных субъектов, на основании которого государство могло выдавать лицензии на запатентованные технологии в отдельных случаях. Однако сфера его реализации крайне ограничена на практике [13, р. 292].

Известно дело компании Abbot Laboratories, которая в 2000 г. повысила цену на один из своих препаратов в целях ограничения конкуренции на другой свой фармпрепарат. При этом, несмотря на давление фармкомпаний и общественности, Национальный институт здравоохранения отказался реализовать право на вмешательство, чтобы избежать контроля цен [4]. Аналогичный подход был реализован госорганами США²⁰ в деле об обороте лекарства против болезни фабрики – Mt. Sinai School of Medicine [4], а также при споре в 2016 г. о противораковом средстве Xtandi, когда Национальный институт опять отказал в выдаче принудительной лицензии²¹.

Природа принудительного лицензирования относится к дискуссионным вопросам в США. С одной стороны, она считается частным случаем изъятия собственности для государственных нужд (eminent domain) [14]. Согласно другому подходу, ст. 1498 (а) – это частная лицензия, которая выдается в пользу государства [15]. В 2012 г. окружной суд удовлетворил требования компании Zoltek Corporation к США о взыскании компенсации в соответствии со ст. 1498 (а) на основании того, что организация Lockheed Martin использовала разработанный истцом метод при проектировании и производстве истребителей F-22 для федерального правительства²². Другим примером, ограничивающим принудительное лицензирование, является дело Astornet Technologies, Inc. vs BAE Systems, Inc.²³, в котором суд посчитал безлицензионное использование изобретения государственным агентством нарушением исключительных прав в соответствии со ст. 1498 (а).

«Возможность принудительного лицензирования основывается на доктрине необходимого элемента (essential facilities doctrine), под которой понимается

²⁰ Food and Drug Administration [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fda.gov/> (дата обращения: 24.08.2023).

²¹ Letter from Francis C. Collins, Director, NIH, to Andrew S. Goldman, Knowledge Ecology International, June 20, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://keionline.org/sites/default/files/Final-Response-Goldman-6.20.2016.pdf> (дата обращения: 24.08.2023).

²² Zoltek Corporation vs United States (Fed. Cir. 2012).

²³ Astornet Technologies, Inc. vs BAE Systems, Inc. et al. (Fed. Cir. Sept. 17, 2015).



патентоохраняемая разработка, которая используется при производстве конкурентоспособного комплексного продукта»²⁴. Принудительные лицензии чаще всего выдаются в отношении важных для стандартизации патентов (standard essential patent) [4] – набора технических спецификаций, которым должны соответствовать производимые продукты или процессы²⁵.

В целом для Североамериканского региона характерно применение международного принципа исчерпания исключительных прав, который является порождением «прорыночного» подхода, оформившегося изначально в США, а далее – в договоре ТРИПС²⁶, и реализуемого в рамках Всемирной торговой организации (ВТО)²⁷. По сути, это и есть легальность параллельного импорта на определенных условиях. Интересы развития рынка имеют приоритет над правами авторов и правообладателей, которые, следовательно, могут быть при необходимости легко ограничены. В рамках международного принципа исчерпания права обладателей товарного знака на контроль способов реализации товаров ограничиваются первой продажей таких товаров. Доктрина первой продажи (first sale doctrine) оформилась в определении Верховного суда США от 1908 г. по делу *Bobbs-Merrill Co. vs Straus*²⁸ и считается основой международного принципа исчерпания исключительных прав.

Обсуждение и заключение. Актуальность темы предопределяется трансформацией, которую проходит наша страна в настоящее время, поступательно углубляя реализацию политики импортозамещения и легализуя параллельный импорт. Еще начиная с 2009 г. подход к параллельному импорту постепенно менялся. Несмотря на сохранение национального принципа исчерпания, Приказом Минпромторга России от 19 апреля 2022 г. № 1532²⁹ был провозглашен международный принцип исчерпания исключительных прав на товарный знак и патентных прав в отношении отдельных групп товаров, перечисленных в данном акте. Таким образом, на сегодня в России действуют два режима исчерпания исключительных прав – национальный принцип по общему правилу ст. 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации³⁰ и международный принцип в отношении отдельных групп товаров, введенный подзаконными актами. Приказ явился отчасти вынужденной мерой и вызвал критику, которая основывалась на

²⁴ *Alaska Airlines, Inc. vs United Airlines, Inc.*, 948 F. 2d 536, 542 (9th Cir. 1991); *Otter Tail Power Co. vs United States*, 331 F. Supp 54, 58 (D. Minn. 1971), 410 U.S. 366 (1973); *MCI vs ATT* 512 U.S. 218; 114 S. Ct. 2223; 129 L Ed. 2d 182(1994).

²⁵ Например, приняты стандарты LTE, WIFI или Bluetooth GSM, UMTS, DVD, Blue-Ray, MPEG и т. д.

²⁶ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС, заключено в г. Марракеше 15 апр. 1994 г., с изм. от 6 дек. 2005 г.).

²⁷ Всемирная торговая организация [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/wto/> (дата обращения: 24.08.2023).

²⁸ 28 S. Ct. 722; 52 L. Ed. 1086.

²⁹ Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия : Приказ Минпромторга России от 19 апр. 2022 г. № 1532 (ред. от 21 окт. 2022 г.) : зарегистрирован в Минюсте России 6 мая 2022 г. № 68421.

³⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 7 окт. 2022 г.) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.08.2023).

том, что национальный принцип стал более прогрессивной практикой, а также на опасениях нарушения прав потребителей в результате ввоза некачественных товаров и проблем с гарантийным обслуживанием.

Положительным эффектом внедрения концепции импортозамещения в ряде стран зарубежных регионов является проведение их индустриализации. К таким примерам относятся: Япония конца XIX – начала XX в., Бразилия с 1930 по 1980 г. (единственная страна, завершившая все пять этапов импортозамещения), многие страны Латинской Америки в 1970-х гг. (Аргентина, Мексика, Чили, Венесуэла, Уругвай или Перу), Сенегал, Южная Корея с 1953 по 1961 г. [16]. При этом многие страны, принявшие политику импортозамещения в послевоенные годы, отказались от нее к концу 1980-х гг., сократив государственное вмешательство в экономику и став активными участниками Всемирной торговой организации. Также к середине 1960-х гг. многие экономисты, ранее выступавшие за импортозамещение в развивающихся странах, разочаровались в этой политике и ее результатах.

Достаточно успешным считается опыт восточноазиатских стран (Гонконг, Сингапур, Южная Корея и Тайвань) по применению политики импортозамещения, которая способствовала их развитию.

Гражданско-правовые институты претерпевают в период импортозамещения активную трансформацию. Модернизация затрагивает отрасли, обеспечивающие инновационное развитие и обмен технологиями. Значительные изменения, направленные на обеспечение импортозамещения, проходит интеллектуальное право, реализуя трансформацию посредством своих институтов – *принудительных лицензий и параллельного импорта*, как механизмов обеспечения доступа к зарубежным технологиям и инновациям в целях наиболее эффективной реализации целей импортозамещения.

Принудительное лицензирование и параллельный импорт имеют большой опыт применения в зарубежных странах, особенно для реализации задач импортозамещения. Оба института направлены на ограничение интеллектуальных прав отдельного субъекта в целях обеспечения гармоничного развития национальной экономики.

Принудительное лицензирование направлено на обеспечение потребителей необходимыми товарами вне зависимости от разрешения правообладателей. Фактически это обеспечивает местным производителям доступ к достижениям и инновациям развитых государств и рынков независимо от политической и экономической конъюнктуры. Поскольку для того, чтобы местное производство имело возможность самостоятельно обеспечивать потребности своего рынка, в том числе замещать продуктовый и товарный дефицит импортных товаров, необходимо обеспечить доступ местных производителей к технологиям и достижениям. Именно этим целям служит классический институт принудительного лицензирования, который представляется органической составляющей системы правового обеспечения импортозамещения в развитых странах.

Несмотря на то, что принудительное лицензирование является одним из способов ограничения интеллектуальных прав, некоторые авторы считают такое ограничение вполне оправданным как для развитых, так и для развивающихся



стран. Так, А. Ю. Иванов приводит в пример СССР и другие социалистические страны, говоря о технологическом прорыве экономик за счет широкой реализации политики импортозамещения [17]. Возможность ограничения интеллектуальных прав в целях технологического прогресса на пути импортозамещения обосновывают также на примере Швейцарии [18, р. 76], США и Канады в XIX – начале XX в.³¹

Таким образом, обширная практика применения институтов принудительного лицензирования и параллельного импорта для стимулирования инноваций сформировалась в наиболее развитых странах, прежде всего общего права, в том числе в США [19], Австралии и т. д. Это обусловлено тем, что в этих странах интеллектуальная собственность носила (и отчасти носит) сугубо утилитарный характер. В соответствии с таким подходом интеллектуальное право охраняется лишь в том объеме, который необходим для обеспечения благосостояния общества. В результате принятия в 2001 г. Дохийской декларации о Соглашении ТРИПС и общественном здравоохранении³² институт принудительных лицензий получил широкое развитие для защиты внутреннего рынка лекарственных препаратов и импортозамещения в этой сфере.

Проведенный анализ позволяет российским ученым в области права и экономики получить детальное представление о доктринальных и исторических предпосылках развития концепции импортозамещения в основных регионах мира в целях разработки суверенной доктрины импортозамещения в России в условиях санкционного давления, а также реализации Концепции технологического развития³³. Последующая реализация стратегии импортозамещения в нашей стране позволит спрогнозировать экономический рост всего региона при условии правовой и экономической интеграции стран бывшего СССР. В этом заключается основная практическая значимость проведенного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Perreault T., Martin P. Geographies of Neoliberalism in Latin America // *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2005. Vol. 37, issue 2. Pp. 191–201. <https://doi.org/10.1068/a37394>
2. Шамхалов Ф. И. Опыт импортозамещения продукции оборонной промышленности в зарубежных странах // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2009. Вып. № 2–2. С. 15–29. URL: https://tidings.tsu.tula.ru/tidings/pdf/web/preview_therest_ru.php?x=tsu_izv_economic_and_legal_science_2009_02_part_2&year=2009 (дата обращения: 24.08.2023).
3. Миронова О. А. Импортозамещение: зарубежный опыт и уроки для России // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2015. № 7. С. 84–87. URL: <https://research-journal.org/archive/7-38-2015-august/importozameshhenie-zarubezhnyj-opyt-i-uroki-dlya-rossii> (дата обращения: 24.08.2023).
4. Вороженич А. С., Третьяков С. В. Об утилитарности интеллектуальных прав, принудительных лицензиях и бюрократических рентах // *Закон*. 2017. № 8. С. 154–179. EDN: ZEVNTR

³¹ Correa C. M. Intellectual Property Rights and the Use of Compulsory Licenses: Options for Developing Countries. South Centre, 1999. P. 3.

³² Doha Declaration on the TRIPS Agreement and Public Health of 14 November 2001.

³³ Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года : Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2023. № 22. Ст. 3964.



5. Hunt M. The World Transformed. New York : Oxford University Press, 2014. 512 p. URL: <https://global.oup.com/ushe/product/the-world-transformed-1945-to-the-present-9780199371037?c=ru&lang=en&> (дата обращения: 24.08.2023).
6. Akyeamong E. African Socialism; Or, the Search for an Indigenous Model of Economic Development? // Economic History of Developing Regions. 2018. Vol. 33, issue 1. Pp. 69–87. <https://doi.org/10.1080/20780389.2018.1434411>
7. Васильева Л. В. Зарубежный опыт импортозамещения: тенденции государственного регулирования // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. № 7. С. 237–241. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-importozamescheniya-tendentsii-gosudarstvennogo-regulirovaniya> (дата обращения: 24.08.2023).
8. Huang Y., Wang E. X., Zhang R. X. Essential Facilities Doctrine and its Application in Intellectual Property Space under China's Antimonopoly Law // George Mason Law Review. 2015. Vol. 22:5. URL: https://masonlec.org/site/rte_uploads/files/Manne/2014-2015/Huang%2C%20Essential%20Facilities%20Doctrine%20and%20Its%20Applicaition%20in%20Intellectual%20Property%20Space%20Under%20China's%20Anti-Monopoly%20Law%2C%2022%20Geo%20Mason%20L%20Rev%202015.pdf (дата обращения: 24.08.2023).
9. Mendes A., Bertella M., Teixeira R. Industrialization in Sub-Saharan Africa and Import Substitution Policy // Brazilian Journal of Political Economy. 2014. Vol. 34, no. 1. Pp. 120–138. <https://doi.org/10.1590/S0101-31572014000100008>
10. Pedersen P. O., McCormick D. African Business Systems in a Globalising World // The Journal of Modern African Studies. 1999. Vol. 37, issue 1. Pp. 109–135. <https://doi.org/10.1017/S0022278X99002955>
11. Speich D. The Kenyan Style of “African Socialism”: Developmental Knowledge Claims and the Explanatory Limits of the Cold War // Diplomatic History. 2009. Vol. 33, issue 3. Pp. 449–466. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7709.2009.00780.x>
12. May Ch., Sell S. K. Intellectual Property Rights: A Critical History. Lynne Rienners Publishers, 2006. 253 p. URL: https://www.rienner.com/title/Intellectual_Property_Rights_A_Critical_History (дата обращения: 24.08.2023).
13. Rai A. K., Eisenberg R. S. Bayh-Dole Reform and the Progress of Biomedicine // Law and Contemporary Problems. 2002. Vol. 66, no. 1. Pp. 289–314. URL: <https://ssrn.com/abstract=348343> (дата обращения: 24.08.2023).
14. Miller J. 28 U.S.C. § 1498(A) and the Unconstitutional Taking of Patents // Yale Journal of Law and Technology. 2011. Vol. 13, issue 1. Article no. 1. URL: https://openyls.law.yale.edu/bitstream/handle/20.500.13051/7773/02_13YaleJL_Tech1_2010_2011_.pdf?sequence=2 (дата обращения: 24.08.2023).
15. Mitchell A. Tamiflu, the Takings Clause, and Compulsory Licenses: An Exploration of the Government's Options for Accessing Medical Patents // California Law Review. 2007. Vol. 95, issue 2. Pp. 535–560. <https://doi.org/10.15779/Z38KD95>
16. Васильева Л. В. Система классификационных признаков импортозамещения // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 6. С. 130–136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-klassifikatsionnyh-priznakov-importozamescheniya> (дата обращения: 24.08.2023).
17. Иванов А. Ю. Принудительное лицензирование для инновационного развития: о необходимости балансировки режима интеллектуальных прав // Закон. 2017. № 5. С. 78–93. EDN: YNUENP
18. Dutfield G. Intellectual Property Rights and the Life Science Industries: Past, Present and Future. World Scientific, 2009. 428 p. <https://doi.org/10.1142/6917>
19. Moser P. Patents and Innovation: Evidence from Economic History // Journal of Economic Perspectives. 2013. Vol. 27, issue 1. P. 23–44. <https://doi.org/10.1257/jep.27.1.23>

Поступила 24.08.2023; одобрена после рецензирования 03.10.2023; принята к публикации 09.10.2023.

Об авторах:

Емелькина Ирина Александровна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0071-0163>, emelkina-ia@ranepa.ru

Фомина Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5152-5662>, fomina-on@ranepa.ru



Заявленный вклад авторов:

И. А. Емелькина – концепция исследования; формулирование цели, задач исследования; обзор литературы; анализ литературы на русском языке; подготовка текста статьи.

О. Н. Фомина – анализ зарубежной литературы; обобщение зарубежной практики; подготовка текста статьи.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Perreault T., Martin P. Geographies of Neoliberalism in Latin America. *Environment and Planning A: Economy and Space*. 2005;37(2):191–201. <https://doi.org/10.1068/a37394>
2. Shamkhalov F.I. Import Substitution Experience in the Defense Industry of Foreign Countries. *Izvestiya Tula State University*. 2009;(2–2):15–29. Available at: https://tidings.tsu.tula.ru/tidings/pdf/web/preview_therest_ru.php?x=tsu_izv_economic_and_legal_science_2009_02_part_2&year=2009 (accessed 24.08.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Mironova O.A. Import Substitution: International Experience and Lessons for Russia. *International Research Journal*. 2015;(7):84–87. Available at: <https://research-journal.org/archive/7-38-2015-august/importozameshhenie-zarubezhnyj-opyt-i-uroki-dlya-rossii> (accessed 24.08.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Vorozhevich A.S., Tretyakov S.V. The Utility of Intellectual Rights, Compulsory Licenses, and Bureaucratic Rents. *Statute*. 2017;(8):154–179. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: ZEVTNR
5. Hunt M. The World Transformed. New York: Oxford University Press; 2014. Available at: <https://global.oup.com/ushe/product/the-world-transformed-1945-to-the-present-9780199371037?c=ru&lang=en&> (accessed 24.08.2023).
6. Akyeampong E. African Socialism; Or, the Search for an Indigenous Model of Economic Development? *Economic History of Developing Regions*. 2018;33(1):69–87. <https://doi.org/10.1080/20780389.2018.1434411>
7. Vasil'eva L.V. [Foreign Experience of Import Substitution: Trends in State Regulation]. *Ros-siya: tendentsii i perspektivy razvitiya*. 2016;(7):237–241. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyj-opyt-importozamescheniya-tendentsii-gosudarstvennogo-regulirovaniya> (accessed 24.08.2023). (In Russ.)
8. Huang Y., Wang E.X., Zhang R.X. Essential Facilities Doctrine and its Application in Intellectual Property Space under China's Antimonopoly Law. *George Mason Law Review*. 2015;22:5. Available at: <https://masonlec.org/site/rte/uploads/files/Manne/2014-2015/Huang%2C%20Essential%20Facilities%20Doctrine%20and%20Its%20Applicaition%20in%20Intellectual%20Property%20Space%20Under%20China's%20Anti-Monopoly%20Law%2C%2022%20Geo%20Mason%20L%20Rev%202015.pdf> (accessed 24.08.2023).
9. Mendes A., Bertella M., Teixeira R. Industrialization in Sub-Saharan Africa and Import Substitution Policy. *Brazilian Journal of Political Economy*. 2014;34(1):120–138. <https://doi.org/10.1590/S0101-31572014000100008>
10. Pedersen P.O., McCormick D. African Business Systems in a Globalising World. *The Journal of Modern African Studies*. 1999;37(1):109–135. <https://doi.org/10.1017/S0022278X99002955>
11. Speich D. The Kenyan Style of “African Socialism”: Developmental Knowledge Claims and the Explanatory Limits of the Cold War. *Diplomatic History*. 2009;33(3):449–466. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7709.2009.00780.x>
12. May Ch., Sell S.K. Intellectual Property Rights: A Critical History. Lynne Rienner Publishers; 2006. Available at: https://www.riennner.com/title/Intellectual_Property_Rights_A_Critical_History (accessed 24.08.2023).
13. Rai A.K., Eisenberg R.S. Bayh-Dole Reform and the Progress of Biomedicine. *Law and Contemporary Problems*. 2002;66(1):289–314. Available at: <https://ssrn.com/abstract=348343> (accessed 24.08.2023).
14. Miller J. 28 U.S.C. § 1498(A) and the Unconstitutional Taking of Patents. *Yale Journal of Law and Technology*. 2011;13(1):1. Available at: https://openyls.law.yale.edu/bitstream/handle/20.500.13051/7773/02_13YaleJL_Tech1_2010_2011_.pdf?sequence=2 (accessed 24.08.2023).
15. Mitchell A. Tamiflu, the Takings Clause, and Compulsory Licenses: An Exploration of the Government's Options for Accessing Medical Patents. *California Law Review*. 2007;95(2):535–560. <https://doi.org/10.15779/Z38KD95>



16. Vasil'eva L.V. [Import Substitution Classification System]. *Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiya*. 2017;(6):130–136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-klassifikatsionnyh-priznakov-importozamescheniya> (accessed 24.08.2023). (In Russ.)
17. Ivanov A.Yu. Compulsory Licensing for Stimulating Innovation: On the Necessity to Balance the Intellectual Property Regime. *Statute*. 2017;(5):78–93. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YNUEPN
18. Dutfield G. Intellectual Property Rights and the Life Science Industries: Past, Present and Future. World Scientific; 2009. <https://doi.org/10.1142/6917>
19. Moser P. Patents and Innovation: Evidence from Economic History. *Journal of Economic Perspectives*. 2013;27(1):23–44. <https://doi.org/10.1257/jep.27.1.23>

Submitted 24.08.2023; revised 03.10.2023; accepted 09.10.2023.

About the authors:

Irina A. Emelkina, Dr. Sci (Laws), Head of the Department of Civil Law and Civil Procedure, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky Ave., Bld. 1, Moscow 1119571, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0071-0163>, emelkina-ia@ranepa.ru

Olga N. Fomina, Cand. Sci. (Laws), Associate Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82 Vernadsky Ave., Bld. 1, Moscow 1119571, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5152-5662>, fomina-on@ranepa.ru

Contribution of the authors:

I. A. Emelkina – research concept; formulation of the goal, objectives of the research; literature review; literature analysis in Russian; preparation of the text of the article.

O. N. Fomina – analysis of foreign literature; generalization of foreign practice; preparation of the text of the article.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.



УДК 332.142:502.1

doi: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.665-683

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Характеристики экологического пространства России: региональные различия

М. В. Шмакова¹ ✉Ю. А. Кузнецова²

¹ Институт социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (г. Уфа, Российская Федерация)

² Филиал Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева в г. Новокузнецке (г. Новокузнецк, Российская Федерация)
✉ maryshaleva@mail.ru

Аннотация

Введение. Реализация принципов устойчивого развития обуславливает необходимость достижения наилучших характеристик экологического пространства регионов, снижения степени их дифференциации для повышения благополучия и качества жизни граждан всей страны. Однако в настоящее время это затруднено, в частности, из-за отсутствия единого методического подхода, позволяющего получить оценку и сформировать целостное представление о пространственном экологическом развитии. Цель статьи – на основе предложенного методического подхода оценить характеристики экологического пространства регионов России и сформировать рекомендации по их улучшению.

Материалы и методы. Информационную базу для исследования составили официальные данные Правительства Российской Федерации, Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, Министерства экономического развития Российской Федерации, порталов «Национальные проекты России» и «Госрасходы», статистические данные Федеральной службы государственной статистики. Для оценки характеристик экологического пространства использовался авторский методический подход, в ходе которого проведен количественно-качественный анализ 1 402 контрактов, заключенных в 2020–2022 гг. в регионах России в рамках реализации национального проекта «Экология».

Результаты исследования. Выявлена значительная дифференциация региональных параметров, характеризующих неравномерность и однородность экологического пространства. Сделаны выводы о наличии двух направлений реализации контрактов в области экологического развития: общие, реализуемые в каждом регионе России, и специфические, реализуемые не более чем в двух регионах. Сформулированы предложения по повышению однородности и снижению неравномерности экологического пространства Российской Федерации.

Обсуждение и заключение. Объективное наличие надпространственных факторов, воздействующих на экологическое пространство, обуславливает необходимость активизации совместных действий регионов по улучшению соответствующих пространственных характеристик. Реализуемые регионами проекты в рамках национального проекта «Экология» должны быть усовершенствованы с точки зрения их большей концентрации в проблемных для территорий направлениях экологического развития. Требуется активизация разработки и реализации межрегиональных проектов по схожим в области экологического развития проблемам. Результаты исследования будут полезны органам исполнительной власти регионов России при разработке экологической региональной политики, а также специалистам, участвующим в повышении эффективности пространственного развития территорий.

© Шмакова М. В., Кузнецова Ю. А., 2023



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Ключевые слова: экологическое пространство, характеристики экологического пространства, неравномерность, однородность, надпространственные факторы, межрегиональные проекты, национальный проект, стоимость контракта

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Шмакова М. В., Кузнецова Ю. А. Характеристики экологического пространства России: региональные различия // Регионология. 2023. Т. 31, № 4. С. 665–683. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.665-683>

Original article

Characteristics of the Ecological Space of Russia: Regional Differences

M. V. Shmakova^a✉, Yu. A. Kuznetsova^b

^a Institute of Social and Economic Researches of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

^b Novokuznetsk Branch of the Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev (Novokuznetsk, Russian Federation)

✉ maryshaleva@mail.ru

Abstract

Introduction. The implementation of the principles of sustainable development necessitates the achievement of the best characteristics of the ecological space of the regions, reducing the degree of their differentiation in order to improve the well-being and quality of life of citizens throughout the country. However, at present this is difficult, in particular, due to the lack of a unified methodological approach that would make it possible to obtain an assessment and form a holistic view of the spatial ecological development. The purpose of the article is to assess the characteristics of the ecological space of Russian regions on the basis of the proposed methodological approach and to formulate recommendations for their improvement.

Materials and Methods. The information base for the study was the official data of the Government of the Russian Federation, the Federal Service for Supervision of Natural Resources, the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, the portal “National projects of Russia”, the portal “Gosraskhody”, statistical data of the Federal State Statistics Service. To assess the characteristics of the ecological space (irregularity and homogeneity), the authors’ methodological approach is proposed. To implement the approach, a quantitative and qualitative analysis of 1402 contracts concluded in 2020–2022 was carried out in the Russian regions as part of the national project “Ecology” implementation.

Results. A significant differentiation of regional parameters characterizing the unevenness and homogeneity of the ecological space has been revealed. Conclusions are drawn about the existence of two directions for the implementation of contracts in the field of environmental development: general, implemented in each region of Russia, specific, implemented in no more than two regions. Proposals are formulated to improve the homogeneity and reduce the unevenness of the ecological space of the Russian Federation.

Discussion and Conclusion. The objective presence of supra-spatial factors affecting the ecological space necessitates the activation of joint actions of the regions to improve the corresponding spatial characteristics. The projects implemented by the regions within the framework of the national project “Ecology” should be improved in terms of their greater concentration in areas of ecological development that are problematic for the territories. It is necessary to intensify the development and implementation of interregional projects on similar problems in the field of environmental development. The results of the study will be useful to the executive authorities of the regions of Russia in the development of environmental regional policy, as well as to specialists involved in improving the efficiency of spatial development of territories.

Keywords: ecological space, characteristics of ecological space, unevenness, homogeneity, supra-spatial factors, interregional projects, national project, contract cost

Conflict of interests. The authors declare that there is not conflict of interest.

For citation: Shmakova M.V., Kuznetsova Yu.A. Characteristics of the Ecological Space of Russia: Regional Differences. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):665–683. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.665-683>



Введение. Современная социально-экономическая жизнь регионов предопределяет повышенные требования к обеспечению гармоничного сочетания всех составляющих устойчивого развития – экономической, социальной и экологической. В условиях увеличивающегося воздействия неблагоприятных факторов внешней среды на первый план выступают задачи обеспечения экономической устойчивости и недопущения социальной напряженности, в то время как вопросы сохранения окружающей среды отходят на второй план. Достижение экологического благополучия затрудняется также тем, что тот большой объем финансовых, технико-технологических, информационных и иных ресурсов экономической и социальной среды, которые используются для охраны природной среды, сегодня отвлечен на решение иных острых задач. Поэтому для разработки действенных инструментов защиты природной среды и среды обитания человека необходимо изучение пространственных аспектов экологического развития, поскольку добиться этого можно только на основе консолидации усилий регионов, повышения эффективности межтерриториального сотрудничества и взаимодействия. В таком контексте актуальным является исследование сущности и характеристик понятия экологического пространства.

Сегодня, в условиях углубления противоречий между экономической, социальной и экологической средой, ключевой задачей каждого региона является поиск внутренних ресурсов для повышения потенциала самостоятельной защиты населения от негативных факторов внешней среды и экологического благополучия. Поэтому в данной работе в качестве основных характеристик экологического пространства рассматриваются неравномерность и однородность с точки зрения достижения всеми регионами наилучших характеристик экологического пространства, снижения уровня дифференциации негативных параметров, а также вклада регионов в охрану окружающей среды.

Цель статьи – на основе предложенного методического подхода оценить характеристики экологического пространства регионов России и сформировать рекомендации по их улучшению.

Объект исследования – экологическое пространство Российской Федерации.

Обзор литературы. Интерес к пространственной проблематике регионального развития сохраняется на протяжении долгих лет. Исследование пространственных характеристик осуществляется по отношению к различным областям жизни общества, видам экономической деятельности, на макро-, мезо- и микроуровнях. Проведенный анализ 420 публикаций (из 8 785 ед. по пространственной проблематике) за последние 5 лет, размещенных в Научной электронной библиотеке eLIBRARY, позволил сделать вывод о преобладающем количестве исследований в следующих областях: образование («образовательное пространство», «пространство вуза (школы)» – 27 %); экономика («экономическое пространство» – 22 %); территория («территориальное пространство», «городское пространство» – 20 %). Однако только небольшое количество публикаций посвящено изучению экологического пространства (6 %).

Сущность понятия «пространство» наиболее часто раскрывается как «совокупность отношений, выражающих координацию материальных объектов, их

расположение друг относительно друга и относительную величину»¹. Регион с характерной для него системой экономических отношений с позиций пространственной экономики, «обладает теми же свойствами, что и экономическое пространство в целом, с присущими ему специфическими особенностями»². Задействование этих свойств в системе пространственного управления сопряжено с разработкой обновленных подходов по обеспечению целостности экономического пространства [1]. М. П. Бузский дает следующее определение экологического пространства – это «сфера активной самоорганизации природной среды, которая объективно направлена на свое укрепление и расширение» [2]. Т. В. Субботина содержание искомого понятия раскрывает как «часть ноосферы или антропосферы в пределах конкретной территории» [3], С. П. Мякинников – как «пространство, характеризующееся определенными физико-географическими, геометрическими, организационно-функциональными, производственными, социальными, и ментальными параметрами» [4], А. Е. Рыбалка – как «устойчивый способ бытия личности в изменяющемся социоприродном мире, интегрирующий воздействие различных природных, техногенных, экономических факторов» [5].

В широком смысле содержание экологического пространства характеризуется как «сфера самоорганизации природной среды», а иные интерпретации определения раскрывают взаимосвязи и взаимозависимости объектов природной среды. Так, М. П. Бузский описывает понятие как «сферу активной самоорганизации природной среды, которая объективно направлена на свое укрепление и расширение», однако «основным препятствием для этого является человеческая деятельность, которая не учитывает собственной специфики этого пространства» [2]. Чаще всего «экологическое пространство» рассматривается с позиции идентификации и обобщения тех характеристик, которые позволяют описать процессы взаимодействия живых организмов между собой и с их средой обитания, организации и функционирования биосистем различных уровней [6] в терминах пространственного развития. Особый акцент исследователи делают на характере взаимоотношений элементов экологического пространства с человеком. При этом рассматриваются две позиции: влияние окружающего пространства на жизнедеятельность человека [7] и наоборот. Во втором случае экологическое пространство изучается как область, вбирающая в себя воздействие природных, техногенных, экономических факторов [5], а исследованию наиболее часто подлежат такие понятия, как экологическое пространство личности, экологическая культура. Эти отношения приобретают специфику в условиях работы предприятий и учреждений различных видов экономической деятельности³. Так, например, О. Л. Лушникова, обобщая исследования ученых и специалистов в области изучения содержания и структуры социально-экологического пространства городской среды, выделяет его следующие характеристики: часть

¹ Прохоров А. М. Физический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. С. 626.

² Шмакова М. В. Формирование стратегии регионального развития с учетом пространственной компоненты: дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Уфа, 2020. 173 с.

³ Третьяков А. Л. Экологическое пространство современной дошкольной образовательной организации // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право : сб. науч. тр. (г. Москва, 21–26 ноября 2022 г.). М. : Моск. психолого-социал. ун-т, 2022. С. 1250–1255.



ноосферы (антропосферы) в пределах конкретной территории имеет определенные физико-географические, геометрические, организационно-функциональные, производственные, социальные и ментальные параметры и сложную систему⁴. Включение в эту сферу человека как субъекта взаимодействия с объектами природной среды приводит к появлению таких вариаций понятия, как «социально-экологическое пространство», «эколого-экономическое пространство» и иных.

Интересным в части интерпретации содержания понятия «экологическое пространство» представляется публикация С. Вандерхайден [8]. Ученый раскрывает его как совокупность товаров и услуг, предназначенных для поддержания высокого качества жизни, основанных на природных ресурсах и понимаемых в пространственных терминах. Автор акцентирует внимание на том, что совокупное экологическое пространство находится под угрозой из-за увеличивающегося присвоения природных ресурсов, что предопределяет необходимость обеспечения справедливого распределения этого пространства как между настоящими, так и будущими пользователями. Китайские исследователи указывают на ограниченность подходов, раскрывающих характеристики лишь «экологического» пространства, и анализируют структуру производственно-жизненно-экологического пространства [9]. Еще более широкий подход для интерпретации понятия «экологическое пространство» предлагает С. Арагона, который рассматривает взаимосвязь между антропосом и процессами расселения, а также воздействием виртуального пространства [10].

Исследование научных публикаций последних двух десятилетий позволило выявить, что экологическое пространство рассматривается во взаимосвязи с такими категориями, как «образовательно-воспитательное пространство», «информационное пространство», «комфортная жизнь», выступая в качестве цели обучения, современной компетенции, одного из критериев оценки качества жизни, объекта обеспечения экологической безопасности либо управления при разработке подземного пространства. В частности, Е. О. Вегнер-Козлова, О. М. Гуман, рассуждая об оптимальном сочетании потребностей экономики, экологии и социальной сферы, приходят к выводу о необходимости выделения в качестве объекта исследования эколого-индустриального пространства [11, с. 39].

Результаты исследования методик по оценке характеристик экологического пространства выявили отсутствие единого подхода, кардинально отличающийся состав показателей (при преимущественном использовании показателей официальной статистической отчетности либо отчетов об устойчивом развитии). Кроме того, чаще всего в методиках раскрывается порядок оценки одной-двух характеристик экологического пространства. Так, по мнению Н. А. Вукович, В. А. Ларионовой, В. В. Бирюлиной, следование принципам зеленой экономики должно осуществляться не по иерархии «государство – регион – муниципалитеты», а базироваться на принципах агломерационного развития [12], что позволит использовать синергетический эффект для повышения эффективности мероприятий по защите экологии. Признавая важность оценки такого

⁴ Лушникова О. Л. Социально-экологическое пространство городской среды: история изучения проблемы // XX Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования» (16–18 марта 2017 г., г. Екатеринбург). Екатеринбург : УрФУ, 2017. С. 139–150.

пространственного взаимодействия, показатели и методику их оценки авторы не раскрывают. Е. О. Миргородская делает акцент на важности оценки связанности пространства (на примере городов агломерации), для чего использует комплекс следующих показателей: индекс Тейла, индекс Джини, а также результаты исследования региональной контактно-гравитационной среды территории, делимитации агломерации на основе транспортных взаимосвязей между городами [13]. М. Т. Рахма и К. Г. Р. Найми выделяют следующие характеристики экологического пространства, которые предложено измерять на основе использования нескольких показателей: изменение землепользования, климатические изменения, осаждение загрязняющих веществ, интродуцированные виды⁵. Ф. Ву, З. Чжен, Ю. Ванг, Дж. Лю, Ш. Чжан для оценки экологического пространства разработали систему показателей в рамках 4 компонент: экологическая чувствительность, ценность экосистемных услуг, ландшафтная структура, качество экосистем [14]. В частности, экологическая чувствительность определена с учетом оценки эрозии почвы, каменистого опустынивания, типа среды обитания и кислотных дождей; ценность экосистемных услуг – на основе коэффициента эквивалентности стоимости на единицу площади. Ш. Ванг, Л. Хуан, С. Сюй описали схожий по смыслу методический подход, однако доказали необходимость дополнительной оценки пространства для досуга и рекреации [15].

Для каждой характеристики предложен комплекс показателей, например, близость расположения объектов друг к другу, форма составляющих пространство объектов, масштаб включенности человека в деятельность объекта и др. Следует отметить, что большинство методик заключается в оценке динамики отдельных, частных показателей (в некоторых методиках – с учетом веса каждого из них) либо в расчете интегрального показателя из существующих статистических показателей⁶ [16–18].

В разрезе регионов используемые показатели отражены только в статистическом сборнике «Регионы России. Социально-экономические показатели»⁷, однако их малое количество не позволяет дать представление и сделать выводы о характеристиках экологического пространства. Более 100 показателей представлено в статистическом сборнике «Охрана окружающей среды в России»⁸, но они не позволяют в полной мере оценить положение регионов, а характеризуют положение страны в целом.

При наличии большого числа подходов к определению «экологического пространства» неразвитой остается методика оценки его характеристик. С нашей точки зрения, такое положение объясняется сложностью учета надпространственных факторов экологического пространства, содержание которых зависит от вида (первично-действующие, комплексные) и способа действия

⁵ Rahma M. T., Al-Neaimi K. G. R. Ecological Urban Space // The Fourth Postgraduate Engineering Conference. IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering. 2020. Vol. 745. Article no. 012163. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/745/1/012163>

⁶ Holmberg J., Karlsson S. On Designing Socio-Ecological Indicators // Society and the Environment: A Swedish Research Perspective. Ecology, Economy & Environment. Vol 2 / eds. by U. Svedin, B. H. Aniansson. Dordrecht : Springer, 1992. https://doi.org/10.1007/978-94-011-2799-8_6

⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.

⁸ Охрана окружающей среды в России. 2022: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 115 с.



экологических факторов (прямодействующие, косвеннодействующие)⁹. Часть надпространственных факторов не имеет четкой принадлежности к определенной территории (например, свет, воздух), однако их влияние на структуру экологического пространства может быть огромным. В соответствии с вышеизложенным, под экологическим пространством будем понимать совокупность экологических систем различного уровня определенной территории в их взаимосвязи и взаимозависимости, включая взаимодействие с ними человека, с учетом наличия комплекса надпространственных факторов, воздействие которых нельзя однозначно отнести к одной территории.

Материалы и методы. Теоретической базой исследования явились работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные исследованию пространственных аспектов территориального социально-экономического развития, содержанию экологического пространства, методам оценки его характеристик.

Для оценки характеристик экологического пространства регионов России предложен авторский методический подход, предназначенный, с одной стороны, для определения степени неравномерности воздействия неблагоприятных факторов на население регионов страны, с другой – для формирования представления о схожем и особенном в деятельности регионов по организации и финансированию мероприятий в области экологического развития и охраны окружающей среды (через количественно-качественный анализ контрактов в рамках национального проекта «Экология»¹⁰). Представляется, что сопоставление уровня воздействия неблагоприятных факторов и направлений реализации государственных контрактов может служить индикатором соответствия реализуемой политики в сфере экологии экологическому положению регионов.

Методический подход предусматривает проведение следующих этапов:

1. Осуществление вертикального анализа, позволяющего оценить региональную дифференциацию (неравномерность) следующих показателей:

- отношение величины выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, к численности населения региона (т/чел.);
- отношение величины сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты к численности населения региона (м^3 / тыс. чел.).

Выбор в качестве основания показателей «человека» обусловлен несколькими позициями: конечной целью реализации региональной политики в сфере экологии является повышение качества жизни населения, обозначенное в документах социально-экономического развития всех регионов страны¹¹; основным «потребителем» загрязненного воздуха и воды является население региона. Бесспорно, что в целях полного раскрытия пространственной проблематики важным является оценка удаленности источников выбросов и сбросов от человека и места его проживания, однако наша работа нацелена на получение общей

⁹ Walter H. Grundlagen der Pflanzenverbreitung. 1. T. Standortslehre (analytisch-ökologische Geobotanik). Stuttgart, 1960.

¹⁰ Национальный проект «Экология» [Электронный ресурс]. URL: <https://ecologyofrussia.ru/proekt/> (дата обращения: 20.02.2023).

¹¹ Согласно результатам анализа стратегий социально-экономического развития 85 регионов Российской Федерации.

картины дифференциации характеристик экологического пространства регионов с учетом сформированного определения искомого понятия.

2. Осуществление оценки однородности экологического пространства регионов на основе проведения структурной группировки контрактов в рамках национального проекта «Экология» по величине их стоимости (в целом и по направлениям финансирования), представленных на портале «Госрасходы»¹². Для проведения оценки предложена следующая схема группировки контрактов (рис. 1).

| Регион / Region | Группа / Group | | | | | | Итого / Total |
|--|---|---|---|---|-----|--|------------------|
| | 1 группа / Group 1 | 2 группа / Group 2 | 3 группа / Group 3 | 4 группа / Group 4 | ... | 12 группа / Group 12 | |
| Регион <i>i</i> / Region <i>i</i> | менее 9 млн руб. / less than 9 million rubles | 10– 19 млн руб. / 10– 19 million rubles | 20– 29 млн руб. / 20– 29 million rubles | 30– 39 млн руб. / 30– 39 million rubles | ... | более 3000 млн руб. / more than 3000 million rubles | |
| ... | | | | | | | |
| Итого / Total | | | | | | | |
| Средняя сумма кон- трактов, млн руб. / The average amount of contracts, million rubles | | | | | | | |

Р и с. 1. Схема группировки контрактов национального проекта «Экология» в разрезе территориальных образований

F i g. 1. Scheme of grouping contracts of the national project “Ecology” in the context of territorial entities

В работе проведена группировка 1 402 контрактов в размере от 1 млн руб. до 3 млрд руб. и выше, заключенных в регионах России (Центральный федеральный округ – 230 контрактов, Северо-Западный – 144, Южный – 163, Северо-Кавказский – 118, Уральский – 162, Приволжский – 270, Сибирский – 181, Дальневосточный – 134). Ввиду того, что мероприятия по охране окружающей среды чаще всего дают отсроченный эффект, в группировку вошли только контракты, заключенные за последние 3 года (2020–2022 гг.).

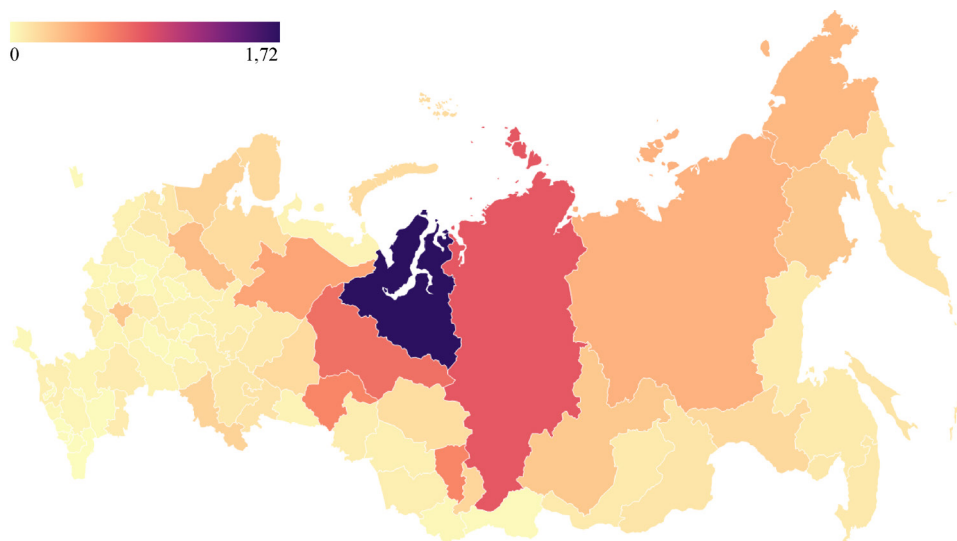
3. Расчет показателя «сумма контрактов в расчете на 1 человека, проживающего в регионе» (тыс. руб. / чел.) (в том числе по направлениям их реализации), позволяющего дать оценку результативности финансирования контрактов с целью оценки равномерности развития экологического пространства.

Информационную базу для исследования составили официальные данные Правительства Российской Федерации, Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, Министерства экономического развития Российской Федерации, порталов «Национальные проекты России», «Госрасходы», статистические данные Федеральной службы государственной статистики.

¹² Национальный проект «Экология» [Электронный ресурс] // Госрасходы : сайт. URL: <https://spending.gov.ru/np/G/contracts/> (дата обращения: 20.02.2023).



Результаты исследования. Расчет показателя «количество выбросов (сбросов) на 1 человека» свидетельствует, что наибольшее негативное воздействие от выбросов вредных веществ в атмосферный воздух испытывают Ямало-Ненецкий автономный округ (1,719 т/чел.), Красноярский край (0,849), Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (0,723), наименьшее – г. Москва (0,0051), Республика Ингушетия (0,0038), Республика Дагестан (0,0035 т/чел.) (рис. 2). Дифференциация показателя по регионам России составляет 492,8 раза.

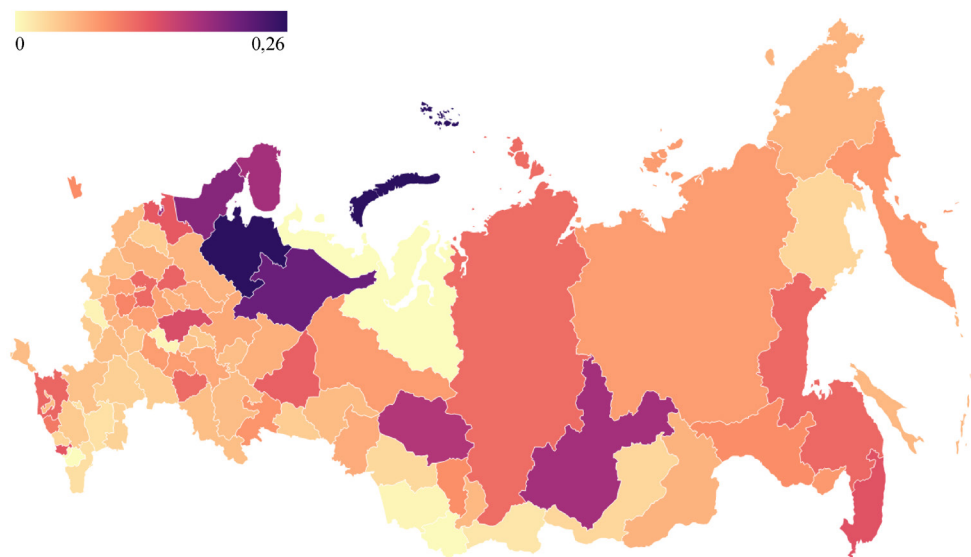


Р и с. 2. Картограмма отношения величины выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников, к численности населения региона (т/чел.) за 2021 г.

F i g. 2. Cartogram of the ratio of the amount of pollutants released into the atmospheric air from stationary sources to the population of the region (tons/person) for 2021

Наибольшая величина сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты выявлена в Архангельской области (0,273 тыс. м³ / чел.), Республике Коми (0,219), Республике Карелия (0,200), наименьшая – в Республике Алтай (0,0014), Республике Ингушетия (0,0017), Алтайском крае (0,0062 тыс. м³ / чел.) (рис. 3). Дифференциация показателей составила 202,3 раза.

В Центральном федеральном округе (ЦФО) большая часть контрактов реализуется в области лесного хозяйства (103 ед.) и поддержки водных объектов (44 ед.). Следует отметить высокое разнообразие контрактов в рамках выделенных направлений: по первому – это работы по лесозаготовкам, воспроизводству лесов, уходу за ними, а также молодняком и прочее; по второму – это работы в области коммунального хозяйства, поддержки работоспособности водозаборных и иных объектов, экологическая поддержка рек, расчистка русел рек. В разрезе регионов выделяются следующие контракты с максимальной ценой: Брянская область – услуги, связанные с лесоводством и лесозаготовками (0,0086 млрд руб.), Белгородская область – строительство коммунальных объектов для жидкостей (0,064 млрд руб.), Костромская область – контейнер для раздельного накопления твердых коммунальных отходов (0,062 млрд руб.).



Р и с. 3. Картограмма отношения величины сброса загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты к численности населения региона ($\text{м}^3 / \text{тыс. чел.}$) за 2021 г.

F i g. 3. Cartogram of the ratio of the amount of discharge of contaminated wastewater into surface water bodies to the population of the region ($\text{m}^3 / \text{thousand people}$) for 2021

Общее количество контрактов в Приволжском федеральном округе (ПФО) составило 270 ед., из них минимальная цена контракта равнялась 1,025 млн руб., максимальная – 3,294 млрд руб. В число регионов-лидеров по количеству контрактов вошли Республика Татарстан (16,7 % от их общего количества), Саратовская область (12,9), Оренбургская область (11,1) и Республика Башкортостан (11,1); регионов-аутсайдеров – Удмуртская Республика (0,74), Нижегородская и Ульяновская области (по 1,48 %). Если же говорить о средней сумме контрактов, то состав регионов в группах лидеров и аутсайдеров несколько изменится: к первым относятся Республика Татарстан (0,28 млрд руб.), Чувашская Республика (0,13 млрд руб.), Удмуртская Республика (0,051 млрд руб.), ко вторым – Кировская область (0,006 млрд руб.), Республика Марий Эл (0,0075 млрд руб.), Республика Мордовия (0,0086 млрд руб.).

В разрезе групп по величине цены контракта можно увидеть, что их подавляющее большинство заключено по первым трем из них, в диапазоне от 1 млн до 29 млн руб. (82 %): 32 контракта заключено в Саратовской области, 29 – в Пермском крае, 28 – в Оренбургской области. В Удмуртской Республике не заключено ни одного контракта в данных группах. Следует отметить, что контракты с наиболее высокой ценой (от 100 млн руб. и выше) заключены только в 3 регионах: Республике Башкортостан, Республике Татарстан, Чувашской Республике. Преимущественно закупке подлежат материально-технические средства и техника, финансируются проекты по ликвидации лесных пожаров и восстановлению лесов стоимостью до 19 млн руб. Самыми крупными проектами в регионах являются: в Республике Татарстан – рекультивация иловых полей биологически очистных сооружений (3,3 млрд руб.);



в Республике Башкортостан – ликвидация несанкционированных свалок в г. Баймак, очистка русла р. Дема (общая сумма контрактов составила 0,32 млрд руб.); в Республике Мордовия – расчистка участков русла р. Мокша (0,067 млрд руб.); в Республике Марий Эл – покупка культиватора лесного бороздного (0,025 млрд руб.).

Общее количество контрактов за 2020–2022 гг. в Сибирском федеральном округе (СФО), имеющих цену не менее 1 млн руб., составило 184 ед., из них минимальная цена контракта – 1,04 млн руб., максимальная – 954,0 млн руб. Наибольшее количество контрактов в регионах Сибирского федерального округа заключено в Республике Тыва (38 ед.) и Республике Хакасия (34 ед.), минимальное количество – в Томской (2 ед.), Омской и Новосибирской областях (по 3 ед.). Что касается общей суммы контрактов, то в качестве регионов-лидеров следует выделить Красноярский край (1,6 млрд руб.), Республику Тыва (0,72 млрд руб.), Иркутскую область (0,51 млрд руб.), аутсайдеров – Томскую (0,0031 млрд руб.), Омскую (0,039 млрд руб.) и Новосибирскую области (0,052 млрд руб.). Только в 3 регионах (Иркутской области, Красноярском крае, Республике Тыва) реализуются высокостоймостные контракты. Самыми дорогостоящими в СФО являются 2 контракта: понижение уровня надшламмовых вод в картах-накопителях полигонов «Солзанский» и «Бабхинский» (Иркутская область), а также оказание услуг по инженерно-техническому проектированию туннелей, автомагистралей, улиц (Красноярский край).

Крупнейшие контракты в Северо-Западном федеральном округе (СЗФО) реализуются в области выполнения работ по ликвидации накопленного вреда окружающей среде на полигоне токсичных промышленных отходов (14,7 млрд руб., Ленинградская область), восстановления нарушенных земель, занятых свалкой твердых бытовых отходов (233,2 млн руб., Ленинградская область), строительства водопроводных очистных станций (165,5 млн руб., Республика Карелия). В Мурманской и Новгородской областях за период 2020–2022 гг. контракты заключены не были.

В Южном федеральном округе (ЮФО) высокостоймостные контракты реализуются в Волгоградской области (720,0 млн руб., выполнение работ по проектированию комплекса гидротехнических сооружений, обеспечивающего дополнительное обводнение Волго-Ахтубинской поймы), Астраханской области (463,0 млн руб., покос тростниковой растительности в русле с погрузкой в автотранспорт и вывозом на полигон). Отличительной особенностью структуры контрактов является их преобладание в области охраны водной среды – это экологическая реабилитация промышленных объектов с целью пресечения попадания в водную среду загрязнителей, расчистка ериков и русел рек. Ни одного контракта за 3 года не было заключено в Республике Калмыкия и Краснодарском крае.

В регионах Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) наблюдается достаточно равномерное распределение контрактов по группам. В 6 из 7 субъектов реализуются дорогостоящие проекты, стоимостью более 99 млн руб. (за исключением Республики Дагестан). Большая часть средств в регионах направляется на ликвидацию несанкционированных свалок в границах



городов и наиболее опасных объектов накопленного экологического вреда окружающей среде (Северная Осетия – 2 128,4 млн руб.), рекультивацию нефтешламовых амбаров и нарушенных земель в районах размещения полигонов (Чеченская Республика – 716,8 млн руб.), вывод из эксплуатации и рекультивацию I очереди хвостохранилища (Карачаево-Черкесская Республика – 699,6 млн руб.).

В Уральском федеральном округе (УФО) внимание акцентируется на развитии лесной авиации, анализе пыли в атмосферном воздухе, мониторинге качества атмосферного воздуха в целом, а также на развитии туризма, создании пешеходных и экологических троп. В федеральном округе реализуется малое количество дорогостоящих контрактов: только в Свердловской области заключены 1 контракт стоимостью 163,3 млн руб. (рекультивация свалки бытовых и промышленных отходов в г. Арамилы) и 2 контракта общей стоимостью 580,6 млн руб. (выполнение работ по благоустройству Шарташского лесного парка). В Тюменской области контракты, соответствующие выбранным в исследовании критериям, не заключались.

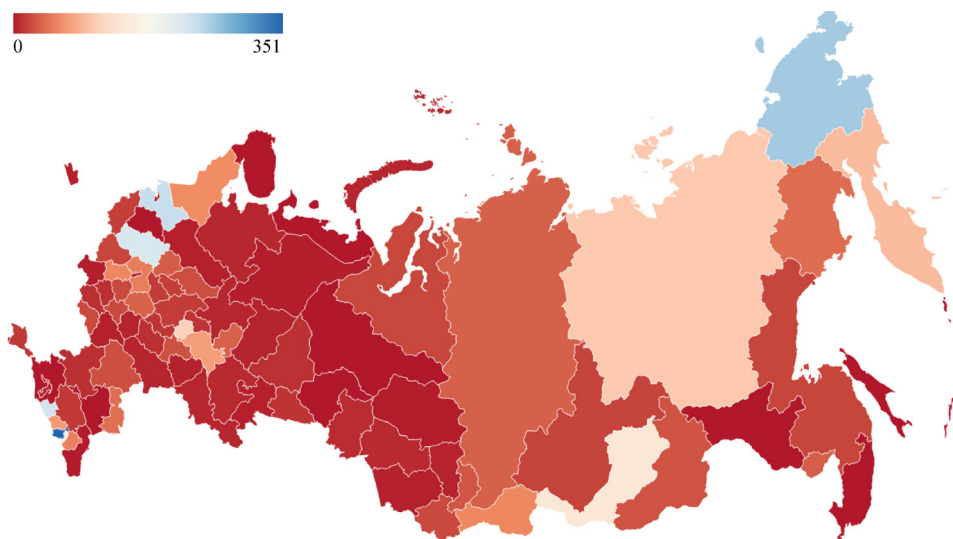
Следует отметить, что в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) за последние 3 года не заключено ни одного контракта по направлению «Экология» в Амурской области, Приморском крае, Сахалинской области. Подавляющее большинство контрактов реализуются в ценовых группах 1–6. Дорогостоящие контракты заключены в Республике Бурятия (выполнение работ по ликвидации последствий отрицательного воздействия добычи угля на окружающую среду Холбольтжинского угольного разреза и терриконов бывшей шахты Гусиноозерская, 1 176,7 млн руб.), Забайкальском крае (выполнение работ по рекультивации свалки твердых коммунальных отходов в г. Борзя, 594,0 млн руб.) и Республике Саха (Якутия) (ликвидация хвостохранилища Куларской золотоизвлекательной фабрики Усть-Янского улуса, 870,7 млн руб.).

Сопоставление уровня выбросов на 1 человека в регионах со средней суммой контрактов не выявило какой бы то ни было значимой взаимосвязи между двумя показателями. Так, в регионах с высоким значением выбросов зафиксировано, что суммы контрактов варьируются в диапазоне от 1,6 млн руб. (Республика Коми) до 102,9 млн руб. (Республика Саха (Якутия)); с низким – от 1,9 млн руб. (г. Севастополь) до 241,3 млн руб. (Республика Северная Осетия – Алания)¹³. Что касается величины сбросов загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты к численности населения региона, то здесь выявлена следующая зависимость: в регионах с высокой величиной сбросов средняя сумма контракта не превышает 43 млн руб., с низкой – не превышает 20 млн руб., за исключением Республики Ингушетия.

Результаты расчета суммы контрактов в расчете на 1 человека позволили выявить достаточно схожее положение субъектов, которое не является «положительным» в большинстве регионов европейской части России (рис. 4).

Отметим, что наиболее лучшее положение выявлено в регионах восточной части России, где величина суммы контракта в расчете на 1 человека существенно выше.

¹³ Если рассматривать первую и последнюю десятку упорядоченного по величине выбросов ряда регионов.



Р и с. 4. Картограмма показателя «сумма контрактов в расчете на 1 человека, проживающего в регионе» (тыс. руб. / чел.)

F i g. 4. Cartogram of the indicator "the amount of contracts per 1 person living in the region" (thousand rubles/person)

Обобщение направлений реализации контрактов в регионах России позволило сформировать их двухуровневую структуру: первый уровень – это общие контракты, которые реализуются в каждом регионе России, второй уровень – специфические, реализуемые в нескольких регионах либо в одном из них. Контракты первой группы (таблица) ориентированы на покупку различных технических средств, автомобилей и автобусов, тракторов и вездеходов (9,8 % от общей величины стоимости контрактов). Наибольшее количество подобных закупок осуществляется в регионах ПФО.

К общим контрактам также относятся те, которые затрагивают работу по нивелированию отрицательного влияния свалок, обработки твердых отходов (37,2 % от общей стоимости контрактов и 10,6 % – количества контрактов), поддержке леса и лесоводства (6,3 и 27,9 %), поддержке природной и искусственной водной среды (46,5 и 22,6 %), а также различные виды работ в воздушном пространстве (0,19 и 1,2 % соответственно). Оценка дифференциации суммы контрактов в расчете на 1 человека по федеральным округам в разрезе общих направлений позволила выявить, что наибольшая однородность отмечается по контрактам в сфере восстановления лесов и предотвращения лесных пожаров (7,6 раза) и работе с природными и искусственными водными объектами (8,7 раза). Наибольшая неоднородность выявлена в области работы с отходами и свалками (62,3 раза).

Во вторую группу специфических контрактов входят следующие направления. В ЦФО большую долю контрактов (61,5 %) занимает реконструкция насосных станций, трубопроводов, оросительных систем и очистных сооружений, по 19,1 % – оказание услуг инженерно-технического характера и услуг по рекультивации. Также во вторую группу включены ликвидация источников повышения химической опасности и создание портала по экологическому туризму.



Таблица. Количественно-качественный анализ общих контрактов по национальному проекту «Экология» в разрезе федеральных округов
 Table. Quantitative and qualitative analysis of general contracts for the national project "Ecology" in the context of federal districts

| Тип контракта / Contract group | ЦФО / CFD | СЗФО / NWFD | ПФО / VFD | ЮФО / SFD | СКФО / NCFD | СФО / SFD | УФО / UFD | ДФО / FEFD | Всего / Total |
|---|--------------|----------------|--------------|--------------|----------------|--------------|--------------|---------------|------------------|
| Покупка материально-технических средств, техники, автомобилей общего назначения / Purchase of material and technical means, equipment, general purpose vehicles | 496,2* | 358,3 | 1 067,5 | 188,2 | 92,1 | 971,0 | 805,4 | 805,9 | 4 784,6 |
| | 37 | 40 | 117 | 33 | 17 | 93 | 87 | 49 | 473 |
| | 12,8 | 23,9 | 38,3 | 11,5 | 9,2 | 57,5 | 55,4 | 99,6 | – |
| Обработка твердых отходов, создание мусоросортировочного комплекса, ликвидация несанкционированных свалок / Solid waste treatment, creation of a waste sorting complex, elimination of unauthorized landfills | 7 716,5 | 378,8 | 499,2 | 1 164,7 | 6 099,8 | 165,4 | 277,2 | 1 781,2 | 18 082,8 |
| | 19 | 15 | 24 | 15 | 19 | 3 | 8 | 30 | 133 |
| | 198,7 | 25,2 | 17,9 | 70,9 | 610,1 | 9,8 | 19,1 | 220,1 | – |
| Предотвращение и ликвидация лесных пожаров, содействие воспроизводству лесов / Prevention and elimination of forest fires, promotion of forest reproduction | 870,6 | 348,2 | 702,6 | 213,7 | 31,7 | 630,3 | 248,9 | 40,0 | 3 086,0 |
| | 103 | 48 | 67 | 32 | 9 | 60 | 26 | 5 | 350 |
| | 22,4 | 23,2 | 25,2 | 13,0 | 3,2 | 37,3 | 17,1 | 4,9 | – |
| Очистка русел рек и водохранилищ, реконструкция объектов водоснабжения и канализации / Cleaning of riverbeds and reservoirs, reconstruction of water supply and sewerage facilities | 4 092,4 | 555,3 | 8 178,1 | 5 276,0 | 1 984,5 | 651,5 | 698,6 | 1 181,2 | 22 617,6 |
| | 44 | 19 | 49 | 74 | 39 | 10 | 12 | 37 | 284 |
| | 105,4 | 37,0 | 293,7 | 321,0 | 198,5 | 38,6 | 48,0 | 146,0 | – |
| Осуществление работ в воздушном пространстве / Implementation of works in the airspace | 16,6 | – | 4,9 | – | – | 26,9 | 42,2 | – | 90,6 |
| | 1 | – | 3 | – | – | 4 | 7 | – | 15 |
| | 0,43 | 0,00 | 0,18 | 0,00 | 0,00 | 1,59 | 2,90 | 0,00 | – |
| Итого / Total | 13 192,3 | 1 640,6 | 10 452,3 | 6 842,6 | 8 208,1 | 2 445,1 | 2 072,3 | 3 808,3 | 48 661,6 |
| | 204 | 122 | 260 | 154 | 84 | 170 | 140 | 121 | 1 255 |

* Первое значение – общая стоимость контрактов, млн руб.; второе значение – общее количество контрактов, ед.; третье значение – сумма контрактов в расчете на 1 человека, тыс. руб. / The first value is the total value of contracts, million rubles; the second value is the total number of contracts, units; the third value is the amount of contracts per person, thousand rubles / person.



В СЗФО существенное внимание уделяется ликвидации накопленного вреда окружающей среде (98,9 %). Также в группу специфических контрактов округа входит работа с телефонными линиями, поддержка функционирования экомобилей и др. В ПФО выделяется только 2 контракта: строительство биологических очистных сооружений (84,0 %) и услуги по рекультивации (15,9 %). В ЮФО 67,1 % средств выделяется на покос тростниковой растительности в русле, 17,1 – подготовку под строительство, 15,8 % – перебазировку каравана земснаряда. Спецификой контрактов в СКФО является финансирование работ на рудниках, рекультивации хвостохранилищ (64,0 %), по обработке загрязненной почвы (33,2 %), а также работ в области строительства дорог, автомагистралей, взлетно-посадочных полос. В СФО 65,7 % – это обустройство троп, работы на автодорогах и туннелях, 34,2 % – изучение миграции углеводородов, геологических процессов. В УФО 93,2 % контрактов нацелены на финансирование разработок экскурсионных точек и пешеходных троп. В ДФО большая часть средств направляется на ликвидацию последствий добычи угля (53,0 %) и работы в рудниках (40,2 %).

Обсуждение и заключение. Выполненное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. Исследование характеристик экологического пространства предопределяет необходимость изучения так называемых надпространственных факторов, воздействие которых проявляется на нескольких территориях, а не локально.

2. В результате анализа показателей выбросов (сбросов) в расчете на человека как характеристик неравномерности экологического пространства определена значительная дифференциация региональных параметров.

3. Не выявлено прямой связи между имеющимися проблемами в области экологического развития регионов и содержанием контрактов, заключаемых на данной территории. По крайним позициям величин выбросов (сбросов) некоторая зависимость со стоимостью контрактов определена только по уровню сброса.

4. Определено, что существенное влияние на структуру и содержание региональных контрактов оказывает географическое положение, природные ресурсы и климат, а максимальные суммы контрактов зафиксированы по направлениям ликвидации последствий добычи полезных ископаемых.

5. Количественно-качественный анализ контрактов позволил выявить некую однородность по следующим позициям: подавляющее большинство контрактов реализуются в диапазоне 1–7 группы (т. е. стоимостью до 99 млн руб.); контракты стоимостью более 100 млн руб. (группы 8–12) реализуются в регионах с высоким уровнем показателей, характеризующих их социально-экономическое развитие (в частности, Республика Татарстан, Красноярский край, Московская область, Ленинградская область, Республика Саха (Якутия) и др.).

6. В целях снижения неравномерности и обеспечения однородности экологического пространства совершенствование региональной политики в области экологического развития должно осуществляться на основе учета параметров сложившихся проблем региона, оценки имеющихся ресурсов для их преодоления, выявления возможностей взаимодействия с иными субъектами.



7. В качестве одного из направлений обеспечения экологического благополучия предлагается развитие межрегионального сотрудничества в области реализации проектов в сфере экологии и охраны окружающей среды. Это тем более важно, поскольку воздействие надпространственных факторов затрагивает не один, а несколько регионов. Для оценки надпространственных факторов требуется обновление системы мониторинга экологической среды региона с точки зрения идентификации и учета влияния негативных воздействий на экологию одного региона от другого.

8. В целях снижения неравномерности и повышения однородности экологического пространства видится необходимым формирование и закрепление системы стандартов и административных регламентов по включению наиболее значимых для улучшения экологического пространства проектов в общий пул проектов в сфере защиты окружающей среды. Также в рамках данного направления необходимым представляется создание инвестиционного экологического межрегионального фонда, денежные средства которого могли бы привлекаться для софинансирования значимых межтерриториальных проектов.

9. Представляется, что для достижения оптимального развития экологической, экономической и социальной составляющих в рамках обеспечения равномерности и однородности экологического пространства потребуется повышение заинтересованности соответствующих стейкхолдеров в повышении качества жизни населения через реализацию соответствующих экологических инициатив, которые могут быть сформированы и реализованы совместными усилиями представителей бизнеса и общественных организаций. Весомый вклад может оказать развитие волонтерской деятельности в сфере охраны окружающей среды.

В современных условиях развития и совершенствования механизмов охраны окружающей среды и эффективного природопользования результаты приведенного исследования будут полезны представителям региональной и муниципальной власти, специалистам экологических организаций, а также федеральным органам исполнительной власти в целях совершенствования системы финансирования национальных проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хлестова К. С., Савельева И. П., Кузменко Ю. Г. Перспективы трансформации регионального экологического пространства современной России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2017. Т. 11, № 3. С. 22–27. EDN: ZGRVUF
2. Бузский М. П. Духовное и рационально-практическое освоение категории «экологическое пространство» // Право и практика. 2018. № 4. С. 284–289. EDN: VPJGDC
3. Субботина Т. В. Структура социально-экологического пространства // Географический вестник. 2008. № 2 (8). С. 75–86. URL: <http://press.psu.ru/index.php/geogr/article/view/329> (дата обращения: 20.02.2023).
4. Мякинников С. П. Экологическая экспликация пространства городской культуры // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2008. № 1. С. 110–114. URL: <https://vestnik.kuzstu.ru/index.php?page=article&id=611> (дата обращения: 20.02.2023).
5. Рыбалка Е. А. Экологическое пространство личности: онтологические и ценностные основания // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 6 (43). С. 57–63. EDN: KBXTNT



6. Сапрыкина Н. А. Экологическая адаптация: компенсаторные приемы преобразования пространства обитания // *Architecture and Modern Information Technologies*. 2021. № 2 (55). С. 17–36. <https://doi.org/10.24412/1998-4839-2021-2-17-36>
7. Азаматов Д. М., Заплата О. А. Экологическое пространство как категория факторов регулирования социально-производственных отношений в контексте социальной философии // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 10-10. С. 2355–2361. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=32765> (дата обращения: 20.02.2023).
8. Vanderheiden S. Allocating Ecological Space // *Journal of Social Philosophy*. 2009. Vol. 40, issue 2. Pp. 257–275. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9833.2009.01450.x>
9. Spatial-temporal Distribution of Global Production-living-ecological Space During the Period 2000–2020 / J. Fu [et al.] // *Scientific Data*. 2023. Vol. 10. Article no. 589. <https://doi.org/10.1038/s41597-023-02497-1>
10. Aragona S. The Formation of the Homo and of the Ecological Space // *Innovations and Economic and Social Changes due to Artificial Intelligence: The State of the Art. Studies in Systems, Decision and Control* / eds. by D. Marino, M. A. Monaca. Springer, Cham, 2023. Vol. 222. Pp. 97–108. https://doi.org/10.1007/978-3-031-33461-0_9
11. Вегнер-Козлова Е. О., Гуман О. М. Теоретико-методологические аспекты развития эколого-индустриального пространства // *Journal of New Economy*. 2020. Т. 21, № 4. С. 28–44. <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2020-21-4-2>
12. Вукович Н. А., Ларионова В. А., Бирюлина В. В. Реализация концепции «зеленой» экономики на уровне агломерации: российский опыт согласования региональных и муниципальных интересов // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2018. Т. 10, № 2. С. 257–271. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-1-257-271>
13. Миргородская Е. О. Оценка территориально-экономической связанности городов в агломерации (на примере Большого Ростова) // *Вестник ВолГУ. Серия 3. Экономика. Экология*. 2017. Т. 19, № 4. С. 6–20. <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2017.4.1>
14. Evaluation and Pattern Optimization of Ecological Space of Chongqing with Remote Sensing Data / F. Wu [et al.] // *Geoinformatics and Data Analysis. ICGDA 2022. Lecture Notes on Data Engineering and Communications Technologies* / eds. by S. Bourennane, P. Kubicek. Springer, Cham, 2022. Vol. 143. https://doi.org/10.1007/978-3-031-08017-3_3
15. Spatio-Temporal Variations in Ecological Spaces and their Ecological Carrying Status in China's Mega-Urban Agglomerations / S. Wang [et al.] // *Journal of Geographical Sciences*. 2022. Vol. 32. Pp. 1683–1704. <https://doi.org/10.1007/s11442-022-2018-1>
16. Spatial Dimensions of Stated Preference Valuation in Environmental and Resource Economics: Methods, Trends and Challenges / K. Glenk [et al.] // *Environmental and Resource Economics*. 2020. Vol. 75. Pp. 215–242. <https://doi.org/10.1007/s10640-018-00311-w>
17. Reggiani A., De Graaff T., Nijkamp P. Resilience: An Evolutionary Approach to Spatial Economic Systems // *Networks and Spatial Economics*. 2002. Vol. 2. Pp. 211–229. <https://doi.org/10.1023/A:1015377515690>
18. Глазачев С. Н., Вагнер И. В., Полева М. П. Моделирование пространства формирования экологической культуры: теоретический аспект // *Вестник Международной академии наук (Русская секция)*. 2011. № 1. С. 42–49. URL: <http://www.heraldrsias.ru/online/2011/1/205/> (дата обращения: 20.02.2023).

Поступила 30.03.2023; одобрена после рецензирования 13.06.2023; принята к публикации 21.06.2023.

Об авторах:

Шмакова Марина Валерьевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (450054, Российская Федерация, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4805-6049>, maryshaleva@mail.ru

Кузнецова Юлия Александровна, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник филиала Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева в г. Новокузнецке (654000, Российская Федерация, г. Новокузнецк, ул. Орджоникидзе, д. 8а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4155-5742>, acanaria2005@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

М. В. Шмакова – разработка концепции; сбор данных; формализованный анализ данных; анализ и доработка текста.

Ю. А. Кузнецова – развитие методологии; систематизация эмпирического материала; критический анализ; подготовка начального варианта текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Khlestova K.S., Savelyeva I.P., Kuzmenko Yu.G. Prospects for Transformation of Regional Economic Space of Modern Russia. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management*. 2017;11(3):22–27. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: ZGRVUF
2. Buzsky M.P. The Spiritual and Rational-Practical Mastering of the Category of “Environmental Space”. *The Law and Practice*. 2018;(4):284–289. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: VPJGDC
3. Subbotina T.V. [Structure of the Socio-Ecological Space]. *Geographical Bulletin*. 2008;(2):75–86. Available at: <http://press.psu.ru/index.php/geogr/article/view/329> (accessed 20.02.2023). (In Russ.)
4. Myakinnikov S.P. [Ecological Explication of Urban Culture Space]. *Bulletin of the Kuzbass State Technical University*. 2008;(1):110–114. Available at: <https://vestnik.kuzstu.ru/index.php?page=article&id=611> (accessed 20.02.2023). (In Russ.)
5. Ribalka E.A. The Ecological Space of a Person: Ontological and Value Bases. *Humane, Social and Economic Sciences*. 2008;(6):57–63. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: KBXTHT
6. Saprykina N.A. Environmental Adaptation: Compensatory Techniques for Transforming Habitat Space. *Architecture and Modern Information Technologies*. 2021;(2):17–36. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/1998-4839-2021-2-17-36>
7. Azamatov D.M., Zaplatina O.A. Space as a Category of Environmental Factors on Social and Industrial Relations in the Context of Social Philosophy. *Fundamental Research*. 2013;(10-10):2355–2361. Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=32765> (accessed 20.02.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
8. Vanderheiden S. Allocating Ecological Space. *Journal of Social Philosophy*. 2009;40(2):257–275. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9833.2009.01450.x>
9. Fu J., Gao Q., Jiang D., Li X., Lin G. Spatial-temporal Distribution of Global Production-living-ecological Space During the Period 2000–2020. *Scientific Data*. 2023;10:589. <https://doi.org/10.1038/s41597-023-02497-1>
10. Aragona S. The Formation of the Homo and of the Ecological Space. In: Marino D., Monaca M.A., editors. *Innovations and Economic and Social Changes due to Artificial Intelligence: The State of the Art. Studies in Systems, Decision and Control*. Vol. 222. Springer, Cham; 2023. https://doi.org/10.1007/978-3-031-33461-0_9
11. Wegner-Kozlova E.O., Guman O.M. Theoretical and Methodological Aspects of the Eco-industrial Space Development. *Journal of New Economy*. 2020;21(4):28–44. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.29141/2658-5081-2020-21-4-2>
12. Vukovich N.A., Larionova V.A., Biryulina V.V. Implementation of the Green Economy Concept at the Level of the Agglomeration: Russian Experience of Regional and Municipal Interests Harmonization. *Ars Administrandi*. 2018;10(2):257–271. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2018-1-257-271>
13. Mirgorodskaya E.O. Assessment of the Territorial and Economic Connection of Cities in the Agglomeration (the Case of Big Rostov). *Science Journal of VolSU. Global Economic System*. 2017;19(4):6–20. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2017.4.1>
14. Wu F., Zheng Z., Wang Y., et al. Evaluation and Pattern Optimization of Ecological Space of Chongqing with Remote Sensing Data. In: Bourennane S., Kubicek P., editors. *Geoinformatics and Data Analysis. ICGDA 2022. Lecture Notes on Data Engineering and Communications Technologies*. Vol. 143. Springer, Cham; 2022. https://doi.org/10.1007/978-3-031-08017-3_3
15. Wang S., Huang L., Xu X., Li J. Spatio-Temporal Variations in Ecological Spaces and Their Ecological Carrying Status in China’s Mega-Urban Agglomerations. *Journal of Geographical Sciences*. 2022;32:1683–1704. <https://doi.org/10.1007/s11442-022-2018-1>



16. Glenk K., Johnston R.J., Meyerhoff J., Sagebiel J. Spatial Dimensions of Stated Preference Valuation in Environmental and Resource Economics: Methods, Trends and Challenges. *Environmental and Resource Economics*. 2020;75:215–242. <https://doi.org/10.1007/s10640-018-00311-w>

17. Reggiani A., De Graaff T., Nijkamp P. Resilience: An Evolutionary Approach to Spatial Economic Systems. *Networks and Spatial Economics*. 2002;2:211–229. <https://doi.org/10.1023/A:1015377515690>

18. Glazachev S.N., Wagner I.V., Poleva M.P. Theoretical Aspects of Ecological Culture Formation Space Modelling. *Herald of the International Academy of Sciences. Russian Section*. 2011;(1):42–49. Available at: <http://www.heraldrsias.ru/online/2011/1/205/> (accessed 20.02.2023). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 30.03.2023; revised 13.06.2023; accepted 21.06.2023.

About the authors:

Marina V. Shmakova, Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Researches of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences (71 October Ave., Ufa 450054, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4805-6049>, maryshaleva@mail.ru

Yulia A. Kuznetsova, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Branch of the T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University in Novokuznetsk (8a Ordzhonikidze St., Novokuznetsk 654000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4155-5742>, acanaria2005@yandex.ru

Contribution of the authors:

M. V. Shmakova – concept development; data collection; formalized data analysis; analysis and revision of the text.

Yu. A. Kuznetsova – development of methodology; systematization of empirical material; critical analysis; preparation of the initial version of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.



УДК 316.4(470.41)

doi: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.684-700

Original article

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Представительства субъектов Федерации как институт межрегионального сотрудничества (опыт Республики Татарстан)

И. Р. Насыров¹ ✉Ю. Д. Якубов²

¹ Институт международных отношений Казанского (Приволжского)
федерального университета (г. Казань, Российская Федерация)

² Постоянное представительство Республики Татарстан в Республике Башкортостан
(г. Уфа, Российская Федерация)

✉ ildar.nasyrov@tatar.ru

Аннотация

Введение. Вопросы межрегионального взаимодействия российских регионов приобретают особую актуальность в условиях современных внешнеполитических реалий. Логика пространственного расширения сотрудничества естественным образом приводит многие российские регионы к проработке вопросов открытия представительств в других субъектах. Цель статьи – изучить опыт Республики Татарстан по развитию института представительств региона, апробированные подходы к повышению результативности их работы и построению обобщенной модели организации деятельности представительств российских регионов с учетом современных тенденций развития межрегионального взаимодействия.

Материалы и методы. Материалами послужили научные публикации по теме исследования, документы государственного происхождения и анализ многолетнего опыта развития системы представительств Республики Татарстан. Для определения места территориально удаленных представительств в системе региональных органов власти, условий их деятельности и реализуемого функционала использовались институциональный и структурно-функциональный методы политологии. Общенаучные методы сравнительного анализа и классификации применялись для формирования общих принципов и модели организации работы представительств, оценки тенденций изменения показателей эффективности их деятельности, разработки предложений по развитию института представительств субъектов Федерации.

Результаты исследования. Проанализированы современные тенденции развития межрегионального сотрудничества в России, особенности и направления использования функционала представительств субъектов Федерации с учетом опыта работы представительств Республики Татарстан. Изучены подходы к организации работы территориально удаленных представительств и оценке ее эффективности. Определены перспективные направления совершенствования деятельности представительств субъектов Федерации, расширения географии их работы.

© Насыров И. Р., Якубов Ю. Д., 2023



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Обсуждение и заключение. Исследование показало востребованность института представительств субъектов Российской Федерации в сфере межрегионального взаимодействия. Сформулирована общая модель организации эффективной работы представительств регионов, определены пути расширения возможностей использования института представительств. Результаты исследования будут полезны для специалистов, изучающих политику регионального развития, и государственных служащих.

Ключевые слова: межрегиональное сотрудничество, взаимодействие субъектов Федерации, представительство региона, эффективность деятельности представительств, Республика Татарстан

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Авторы выражают благодарность сотрудникам Департамента внешних связей Главы (Раиса) Республики Татарстан, Министерства промышленности и торговли Республики Татарстан за предоставленные справочные материалы и консультации по вопросам организации работы представительств Татарстана.

Для цитирования: Насыров И. Р., Якубов Ю. Д. Представительства субъектов Федерации как институт межрегионального сотрудничества (опыт Республики Татарстан) // Регионология. 2023. Т. 31, № 4. С. 684–700. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.684-700>

Оригинальная статья

Representative Offices of the Federal Subjects as an Institute for Interregional Cooperation (Experience of the Republic of Tatarstan)

I. R. Nasyrov^a ✉, Yu. D. Yakubov^b

^a Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

^b Permanent Representation of the Republic of Tatarstan in the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russian Federation)

✉ ildar.nasyrov@tatar.ru

Abstract

Introduction. The issues of interregional cooperation of Russian regions are of particular relevance in the face of drastic changes in the foreign economic relations. Reasons of interregional cooperation induce Russian regions to open representative offices in federal subjects. The purpose of the article is to consider the Republic of Tatarstan experience of using remote representative offices and improving their performance in order to suggest a generalized model for organizing the activities of representative offices taking into account the modern trends in the development of interregional cooperation.

Materials and Methods. The study includes analysis of up-to-date publications on the research topic, documents of state origin and is based on evaluation of the long-term experience of development the system of representative offices of the Republic of Tatarstan. The institutional and structural-functional methods of political science were used to determine the place of remote representative offices in the regional government authorities, the conditions of their activities, and the implemented functionality. General scientific methods of comparative analysis and classification were also used to develop a basic concept and work organization model of representative offices, to assess trends in the performance indicators of their activities, to work out development proposals for representative offices of federation subjects.

Results. The current trends in the development of interregional cooperation in Russia together with questions of using the representative offices of federal subjects are considered taking into account corresponding experience of the Republic of Tatarstan. Ways to organize the work of federal subjects' representative offices and to estimate their efficiency were studied. Approaches to improve activities of the representative offices and to expand their operations to new sites are suggested.

Discussion and Conclusion. The study has showed the importance of the representative offices of the subjects of the Russian Federation for interregional cooperation. The authors describe a general model for organizing the work of regional representative offices and identify the ways to increase their contribution into interregional cooperation. The results of the study may be useful for experts in regional development policy and government officials.

Keywords: interregional cooperation, interaction of federal subjects, representative offices of regions, efficiency of representative offices, Republic of Tatarstan

Conflict of interests. The authors declare that there is not conflict of interest.

Acknowledgements. The authors are grateful to the staff of the Department of External Relations of the Head (Rais) of the Republic of Tatarstan and of the Ministry of Industry and Trade of the Republic of Tatarstan for reference information and consultations on organizing the work of the representative offices of Tatarstan.

For citation: Nasyrov I.R., Yakubov Yu.D. Representative Offices of the Federal Subjects as an Institute for Interregional Cooperation (Experience of the Republic of Tatarstan). *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):684–700. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.684-700>

Введение. Вопросы межрегионального взаимодействия субъектов Российской Федерации приобретают в последние годы возрастающее значение. Включение в перечень первоочередных задач Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.¹ вопросов усиления межрегионального сотрудничества относит их к числу важнейших направлений государственной политики регионального развития.

Современные внешнеполитические реалии приводят к переосмыслению значения полномасштабного использования внутреннего потенциала экономического развития страны, включая межрегиональную интеграцию. Экономико-географические и ресурсные различия субъектов Российской Федерации стимулируют межрегиональную кооперацию и разделение труда.

Большое внимание вопросам межрегионального сотрудничества уделяют главы российских регионов, относя к его целям укрепление государственности, повышение уровня и качества жизни населения, достижение синергетического эффекта и обеспечение устойчивости развития регионов, реализацию политики импортозамещения, а также отмечают важность гуманитарной составляющей сотрудничества².

Логика пространственного расширения сотрудничества естественным образом приводит многие российские регионы к проработке вопросов открытия представительств в субъектах Федерации. При этом одним из важных вопросов остается организация эффективной деятельности территориально удаленных представительств, обоснование целесообразности выделения бюджетных средств на их содержание. Продолжаются поиски оптимальной модели работы представительств. Например, Башкортостан ликвидировал представительства в Свердловской области и в Магнитогорске, передав с 2013 г. их функции своему представительству в Челябинской области. В 2021 г. представительство Дагестана в Санкт-Петербурге было преобразовано в государственное бюджетное учреждение, а представитель Дагестана в Краснодарском крае стал работать на общественных началах. К настоящему времени общее число представительств

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (дата обращения: 05.03.2023).

² Ефимов Н. В. «Межсубъектные или межрегиональные отношения – это сила государства», или Позиция глав субъектов Российской Федерации по вопросам межсубъектного взаимодействия // Молодой ученый. 2016. № 16 (120). С. 238–241.



и представителей Дагестана в субъектах Федерации сократилось с 51³ до 36⁴. В то же время Чеченская Республика поставила задачу довести к 2025 г. число своих представителей в субъектах Федерации до 54⁵, Ингушетия также имеет более 50 представителей в других регионах России⁶.

Последовательная политика Республики Татарстан по укреплению межрегионального взаимодействия содействовала формированию института представительств республики в субъектах Федерации, интегрированного с органами исполнительной власти.

Изученные в научной литературе вопросы правового статуса представительств субъектов Федерации и направлений их деятельности⁷ [1; 2], в сочетании с анализом опыта и актуальных практик работы представительств Республики Татарстан, составляют основу для исследования возможностей развития института представительств субъектов Российской Федерации.

Цель статьи – изучить опыт Татарстана по развитию института представительств республики и апробированные подходы к повышению результативности их работы и на их основе построить обобщенную модель организации эффективной деятельности представительств субъектов Федерации с учетом современных тенденций развития межрегионального взаимодействия.

Обзор литературы. *Актуальность межрегионального сотрудничества субъектов Федерации.* Минэкономразвития России на этапе разработки Концепции стратегии пространственного развития Российской Федерации сформулировало тезис пространственного измерения сущности ключевых вызовов, стоящих перед отечественной экономикой. В этой связи основной вектор пространственного развития России ориентирован на переход от конкуренции регионов к их кооперации [3, с. 35].

Диверсификация экономической базы за счет межрегионального сотрудничества расширяет возможности преодоления негативных внешних воздействий (региональной резилиентности) [4, с. 253], является ресурсом снижения межрегиональной дифференциации [5, с. 86]. Эконометрическое моделирование свидетельствует, что для достижения устойчивости региональной экономики от внешних вызовов внутренние и межрегиональные поставки должны составлять не менее $\frac{2}{3}$ объемов продукции, производимой в субъекте Федерации [6, с. 7].

³ Приоритетные направления развития систем регионального хозяйства на основе модернизации экономического сотрудничества / Н. М. Куршиева [и др.] // Механизм реализации стратегии социально-экономического развития государства : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. (25–26 сентября 2019 г., Махачкала). Махачкала : Изд-во Дагестан. гос. тех. ун-та, 2019. С. 140.

⁴ Представительства и представители Правительства Республики Дагестан [Электронный ресурс] // Министерство по национальной политике и делам религий Республики Дагестан : сайт. URL: <http://minnacrd.ru/-predstavitelstva-i-predstaviteli-pravitelstva-respubliki-dagestan-> (дата обращения: 20.06.2023).

⁵ Об утверждении государственной программы «Региональная политика и федеративные отношения Чеченской Республики» [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Чеченской Республики от 23 сент. 2021 г. № 212. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430606687> (дата обращения: 20.06.2023).

⁶ Список полномочных представителей Республики Ингушетия в регионах РФ [Электронный ресурс] // Министерство по внешним связям, национальной политике, печати и информации Республики Ингушетия. URL: <https://minnacri.ru/2019/07/29/spisok-polnomochnykh-predstavitelej-ri-v-regionakh-rt/> (дата обращения: 20.06.2023).

⁷ Приоритетные направления развития систем регионального хозяйства на основе модернизации экономического сотрудничества; Насыров И. Р. Международное сотрудничество регионов. Мировая практика и опыт Татарстана. Казань : Изд-во Казан. гос. ун-та, 2007. 330 с.

Территориальное разделение труда создает условия для наращивания производства в объемах, превышающих внутренние потребности субъектов Федерации [7, с. 13], что становится важным фактором экономического развития территорий. Одновременно представляется возможность нивелировать недостатки административно-территориального деления [8, с. 18].

Анализ инструментов и структур межрегионального сотрудничества. К наиболее распространенным межрегиональным интеграционным структурам относят ассоциации экономического взаимодействия [4; 9], а к механизмам регулирования сотрудничества – соглашения [4; 10; 11]. При этом оба указанных формата сотрудничества имеют противоречивые оценки эффективности [4; 10; 12].

Создание особых экономических зон и промышленных кластеров вносит фрагментарный вклад в реализацию потенциала межрегионального сотрудничества [9, с. 48]. Разработка концепций и программ развития межрегиональных связей осуществляется лишь единичными регионами [11, с. 106].

Отечественные исследователи отмечают стихийный характер формирования института представительств субъектов Федерации⁸, неупорядоченность статусов представительств [13, с. 43]. Вместе с тем функции, возложенные на представительства, совпадают в главном и тесно взаимосвязаны [14, с. 119], что свидетельствует о целесообразности унификации их статуса и полномочий. Д. А. Осипов признает необходимость создания условий эффективного осуществления представительскими своими прав и обязанностей⁹, а В. Е. Степанов отмечает возможные причины их недостаточной эффективности [13, с. 43]; Р. З. Бикбов указывает на связь результатов работы представительств с объемами межрегиональной торговли [1, с. 274–275].

Деятельность значительного количества представителей российских регионов, работающих на общественных началах, освещается недостаточно. Большей частью это происходит в публикациях о встречах глав регионов с представителями и участии представителей в некоторых публичных мероприятиях. Собственных сайтов такие представители, как правило, не имеют. Вместе с тем регулярное информирование о работе представителей Чеченской Республики с обращениями граждан, поручение главы республики Р. А. Кадырова по взаимодействию представителей региона с чеченскими общинами на местах¹⁰, подтверждает значимость этого направления работы.

В зарубежной литературе основной акцент делается на изучении института зарубежных представительств регионов децентрализованных государств¹¹ [15]

⁸ Осипов Д. А. Представительство органов государственной власти и высших должностных лиц субъектов Российской Федерации: некоторые аспекты понятийно-категориального аппарата и классификации // 100-летие юридического образования в Саратовской области : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 25 октября 2017 г.). Саратов : Саратовский источник, 2018. С. 100.

⁹ Там же. С. 98.

¹⁰ Рост имиджа [Электронный ресурс] // Вести Чеченской Республики : сайт. URL: <https://vesti095.ru/2016/08/rost-imidzha/> (дата обращения: 23.06.2023).

¹¹ Duchacek I. D. The International Dimension of Subnational Self-Government // Publius: The Journal of Federalism. 1984. Vol. 14, issue 4. Pp. 5–31. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.pubjof.a037513>; Requejo F. Foreign Policy of Constituents Units in a Globalised World // Foreign Policy of Constituents Units at the Beginning of 21st Century / ed. by F. Requejo. Barcelona, 2010. Pp. 11–13; Alvares M. The Rise of Paradiplomacy in International Relations [Электронный ресурс] // E-International Relations. URL: <https://www.e-ir.info/pdf/82301> (дата обращения: 03.03.2023).



и его развитии в рамках евроинтеграции [16–18]. Представительства европейских регионов в Брюсселе дополнительно способствуют продвижению региональных интересов в институтах Европейского союза [17]. Подобная практика может оказаться востребованной для российских регионов с учетом перспектив их участия в процессах евразийской интеграции, например, на пространстве ЕАЭС. Открытие границ способствует развитию межрегионального сотрудничества и дает прирост валового регионального продукта приграничных регионов на 2,7 % [19]. При определении направлений деятельности представительств целесообразно учитывать эволюцию концепции «умной специализации» европейских регионов по развитию приоритетных экономических секторов, обеспечивающих устойчивое развитие регионов с опорой на межтерриториальное сотрудничество [20]. Взаимосвязь между высоким уровнем инновационной деятельности компаний и вовлеченностью их в производственную кооперацию [21] также подтверждает актуальность институциональной поддержки межрегиональной производственной кооперации. Особенности правового статуса представительств для государств с централизованной государственной властью рассматриваются на примере миссий польских воеводств в Брюсселе [22]. Институциональной альтернативой деятельности региональных представительств являются создаваемые в процессе межрегиональной кооперации в формате еврорегионов постоянно действующие совместные рабочие группы [23, р. 259], что, впрочем, не исключает участия в них уполномоченных лиц (представителей) субнациональных органов власти, делегируемых для продвижения совместных проектов на территории региона-партнера.

Рассмотрение апробированных подходов к созданию представительств как института поддержки и развития взаимодействия с субъектами Федерации в динамике современных процессов позволяет определить перспективные направления эволюции этого института сотрудничества.

Материалы и методы. При проведении исследования использовались институциональный и структурно-функциональный методы политологии для определения места территориально удаленных представительств в системе региональных органов власти, условий их деятельности и реализуемого функционала с учетом роли межрегионального сотрудничества для развития субъектов Федерации. Использование общенаучных методов сравнительного анализа и классификации при рассмотрении опыта деятельности представительств позволили сформулировать общие принципы и модель организации работы представительств, классифицировать и оценить тенденции изменения показателей оценки эффективности их деятельности, а также представить предложения по развитию института представительств.

Анализ публикаций по теме исследования и документов государственного происхождения применялся для выработки подходов к выявлению основных приоритетов и составляющих организации работы представительств в контексте межрегионального взаимодействия, направлений совершенствования их деятельности.

Изучение отчетных и справочных материалов по деятельности представительств Республики Татарстан, нормативно-правовой базы ее регулирования,

консультации с сотрудниками региональных органов власти, участвующих в процессах координации межрегиональных связей, способствовали достижению целей исследования.

Результаты исследования. В настоящее время практически все субъекты федерации имеют представительства в Москве преимущественно для продвижения своих интересов на федеральном уровне [13, с. 43], что относит их к инструментам реализации вертикальных отношений между уровнями власти. Фокусируясь на вопросах межрегионального сотрудничества, мы не затрагиваем проблематику представительства субъектов Федерации в системе федеративных отношений, а также деятельность коммерческих представительств хозяйствующих субъектов [24].

Учреждение представительств регионов зависит от значимости для них вопросов продвижения своих интересов на определенной территории и наличия соответствующих ресурсов. Поэтому экономически развитые регионы, ориентированные на межрегиональную кооперацию, проявляют особое внимание к данному формату взаимодействия и одновременно входят в число перспективных направлений для открытия представительств других субъектов Федерации (в данном контексте уместно отметить Санкт-Петербург и промышленные регионы Урала). Республики в составе России часто ставят перед представительствами задачи взаимодействия с общинами титульных народов, проживающих в других субъектах Федерации.

Обращение к опыту Республики Татарстан обосновывается сочетанием обширного спектра социально-экономических интересов региона в сфере внешних связей с последовательной позицией органов власти республики по вопросам совершенствования моделей и инструментов экономической интеграции.

Анализ опыта деятельности представительств Республики Татарстан. Республика Татарстан относится к числу опорных российских регионов, способных активизировать развитие других субъектов Федерации на основе межрегиональных связей [25, с. 72]. Российские исследователи сходятся во мнении, что республика имеет значительные наработки в области открытия представительств [14; 26].

Татарстан имеет 8 представительств на территории субъектов Федерации:

- полномочное представительство в Москве, курирующее вопросы взаимодействия с федеральными органами власти, посольствами и международными организациями, аккредитованными в столице, двустороннего сотрудничества с г. Москвой и Московской областью, а также с другими субъектами Федерации по отдельным поручениям;
- четыре постоянных представительства: в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Свердловской области (изначально ориентированное также на взаимодействие с Пермской, Курганской, Оренбургской, Челябинской областями), Республике Башкортостан, Республике Крым и городе Севастополе;
- три торгово-экономических представительства в Ханты-Мансийском автономном округе, Нижегородской и Саратовской областях.

К настоящему времени в основном сформировалась география деятельности представительств Татарстана по ключевым направлениям сотрудничества.



Согласно ст. 10 Закона Республики Татарстан от 10 ноября 2003 г. № 47-ЗРТ «О представительствах Республики Татарстан»¹², основой для открытия представительств в российских регионах является наличие соглашения Республики Татарстан с соответствующим субъектом Федерации. Аналогичные основания для открытия представительств в субъектах Федерации определяются нормативными правовыми актами Республики Алтай (закон от 11 декабря 2003 г. № 17-5), Кемеровской области (распоряжение Администрации области от 5 декабря 2003 г. № 1436-р), Чеченской Республики (закон от 20 декабря 2006 г. № 58-РЗ). Для назначения представителей регионов, осуществляющих деятельность на общественных началах, как правило, не требуется наличие межрегионального соглашения.

Положения о полномочных и постоянных представительствах Татарстана утверждаются главой республики¹³, а положения о торгово-экономическом представительстве – постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан¹⁴. Особенности двустороннего сотрудничества отражаются в учредительных документах представительств.

Ряд регионов, например Башкортостан, разработали типовые положения о представительствах. Эта практика также характерна для регионов, имеющих значительное число представителей, работающих на общественных началах (Дагестан, Ингушетия, Чечня¹⁵).

Финансовое обеспечение полномочного представительства Татарстана в Москве и четырех постоянных представительств в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге и Уфе осуществляется за счет регионального бюджета. В бюджете Татарстана на 2022 г. для обеспечения деятельности представительств республики, включая 12 представительств за рубежом, было выделено 301,6 млн руб.¹⁶, что составило менее 0,07 % расходной части регионального бюджета. Торгово-экономические представительства в Нижегородской и Саратовской областях, Ханты-Мансийском автономном округе осуществляют деятельность на условиях самофинансирования, но при этом все они интегрированы в единую систему координации и контроля работы представительств республики.

Р. А. Сахиева ввела содержательную классификацию функций региональных представительств [14, с. 119]. К настоящему времени также определились

¹² О представительствах Республики Татарстан [Электронный ресурс] : Закон Республики Татарстан от 10 нояб. 2003 г. № 47-ЗРТ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/917015539> (дата обращения: 05.03.2023).

¹³ Об учреждении постоянного представительства Республики Татарстан в городе Санкт-Петербурге и Ленинградской области [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Татарстан от 25 мая 1996 г. № УП-314. URL: <https://docs.cntd.ru/document/917003662> (дата обращения: 18.05.2023).

¹⁴ Об учреждении Торгово-экономического представительства Республики Татарстан в Ханты-Мансийском автономном округе [Электронный ресурс] : Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 5 мая 2001 г. № 257. URL: <https://docs.cntd.ru/document/917007766> (дата обращения: 18.05.2023).

¹⁵ Об утверждении типовых положений о представительствах и представителях Главы Чеченской Республики [Электронный ресурс] : Указ Президента Чеченской Республики от 27 мая 2009 г. № 176. URL: <https://docs.cntd.ru/document/906800918> (дата обращения: 23.06.2023).

¹⁶ О бюджете Республики Татарстан на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов [Электронный ресурс] : Закон Республики Татарстан от 25 нояб. 2021 г. № 86-ЗРТ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/577964826> (дата обращения: 18.05.2023).

основные направления и форматы работы представительств¹⁷ [1, с. 272–273; 13, с. 45], поэтому наибольший интерес вызывает изучение подходов к управлению результативностью деятельности представительств.

Практика внешних связей Республики Татарстан показала, что представительства в субъектах Российской Федерации и за рубежом имеют идентичные направления работы [27, с. 142]. Поэтому вопросы координации их деятельности решаются комплексно для всех категорий представительств.

Основополагающие решения по развитию института представительств (открытие представительств, кадровая политика, приоритетные направления деятельности представительств) принимаются в Татарстане на уровне главы региона. По итогам трех лет работы происходит переназначение представителей с учетом результатов их работы.

До второй половины 2010-х гг. вопросы применения ключевых показателей эффективности представительств Татарстана оставались недостаточно проработанными, в том числе из-за сложностей прогнозирования объемных результатов их деятельности [28, с. 132].

По указанию главы Республики Татарстан был запущен пилотный проект по совершенствованию методик оценки эффективности деятельности представительств. В настоящее время представительства республики выполняют ежегодно устанавливаемое государственное задание. Перечень целевых индикаторов формируется профильными органами исполнительной власти региона и утверждается постановлением Кабинета министров Республики Татарстан. По результатам выполнения государственного задания могут приниматься решения о стимулировании представительств¹⁸.

Анализ постановлений Кабинета министров Республики Татарстан «Об индикативной оценке деятельности представительств Республики Татарстан» за период 2019–2023 гг. позволяет оценить степень использования в них целевых индикаторов отдельных министерств и ведомств (таблица).

Т а б л и ц а. Востребованность целевых индикаторов оценки деятельности представительств Республики Татарстан по министерствам и ведомствам, 2019–2023 гг., %
Table. Popularity of target indicators for evaluating the activities of representative offices of the Republic of Tatarstan by ministries and agencies, 2019–2023, %

| Орган власти / Government agency | 2019 | 2020 | 2021 | 2022 | 2023 | Среднее за 5 лет / Average for 5 years |
|---|------|------|------|------|------|---|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 |
| Минпромторг / Ministry of Industry and Trade | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 |
| Минкульт / Ministry of Culture | 100 | 50 | 100 | 85 | 57 | 78 |
| Агентство инвестиционного развития / Investment Development Agency | 100 | 75 | 75 | 57 | 42 | 69 |

¹⁷ Осипов Д. А. Представительство органов государственной власти и высших должностных лиц субъектов Российской Федерации... С. 99.

¹⁸ Об индикативной оценке деятельности представительств Республики Татарстан [Электронный ресурс] : Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 25 янв. 2023 г. № 41. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406473960> (дата обращения: 05.03.2023).



Окончание таблицы / End of table

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 |
|---|----|-----|-----|----|----|----|
| Минспорта / Ministry of Sports | 42 | 100 | 75 | 71 | 57 | 69 |
| Минобрнауки / Ministry of Education and Science | 28 | 75 | 100 | 71 | 57 | 66 |
| Госкомтуризм / State Committee for Tourism | 14 | 50 | 75 | 71 | 71 | 56 |
| Минмолодежи / Ministry of Youth | 14 | 25 | 50 | 71 | 42 | 40 |
| Минцифра / Ministry of Digitalization | 71 | 0 | 25 | 14 | 14 | 24 |
| Минсельхоз / Ministry of Agriculture | 14 | 25 | 25 | 14 | 28 | 21 |
| Минздрав / Ministry of Health | 28 | 50 | 0 | 0 | 28 | 21 |

Минпромторг Республики Татарстан оценивает уровень реализации основных функций представительств и содействие выходу татарстанских предприятий на внешние рынки. Агентство инвестиционного развития Республики Татарстан координирует привлечение инвестиций. Востребованность индикаторов экономической направленности объясняется приоритетностью данного направления сотрудничества.

Вовлеченность представительств в культурно-гуманитарное сотрудничество и работу с татарскими общинами курируют Минкульт Республики Татарстан и Минобрнауки Республики Татарстан. Колебания уровня использования индикаторов Минкульта Республики Татарстан связаны с упрощенным подходом к оценке представительств, работающих на самофинансировании. Важность развития национальной культуры и языка, сохранения самобытности татар, проживающих за пределами Татарстана¹⁹, объясняет востребованность индикаторов этих министерств.

Государственное задание других органов исполнительной власти ориентирует на укрепление деловых контактов в сфере сельского хозяйства и информатизации, поддержку сотрудничества в области спорта, молодежных обменов, оказания медицинских услуг.

Порядок финансирования представительств Республики Татарстан не предусматривает постатейных расходов по направлениям сотрудничества, что ограничивает возможность оценки эффективности представительств путем соотнесения результатов работы с выделенными ресурсами.

Анализ индикаторов экономической направленности свидетельствует о тенденции перехода от использования объемных показателей, измеряемых в денежных единицах, к учету числа сопровождаемых проектов, а также качественной оценке уровня организационной и информационной поддержки представительствами деловых связей. Практика показала, что использование объемных целевых показателей инвестиционного сотрудничества недостаточно обеспечивалось соответствующей организационно-методической поддержкой.

Координацию текущей работы представительств республики по основным направлениям курирует Минпромторг Татарстана. По информации данного

¹⁹ Конституция Республики Татарстан (с изменениями на 22 июня 2012 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/917001793> (дата обращения: 06.06.2023).

ведомства, в 2022 г. в еженедельных совещаниях с представителями в гибридном формате приняли участие 48 предприятий и 37 органов исполнительной власти.

В Татарстане сложилась практика проведения встреч представителей с руководителем администрации главы Республики Татарстан в начале календарного года. Это позволяет ставить задачи представительствам на очередной плановый период с учетом поручений главы Республики Татарстан и важнейших предстоящих мероприятий.

Представители также участвуют в ежегодных заседаниях Координационного совета по делам соотечественников при главе Республики Татарстан по подведению итогов проведенной работы и определению направлений деятельности в сфере работы с соотечественниками за рубежом и татарскими общинами в субъектах Федерации. Создана рабочая группа по сотрудничеству с татарскими предпринимателями. Один из успешных проектов экономической направленности – налаживание в 2022 г. поставок продукции целого ряда татарстанских предприятий экомаркету «Татарский дворик» (г. Санкт-Петербург).

Контроль исполнения поручений представительствами осуществляет Минпромторг Татарстана.

Во взаимодействии с органами исполнительной власти представительства уполномочены инициировать подготовку к подписанию соглашений о межрегиональном сотрудничестве. Республика Татарстан подписала более 40 таких документов с регионами России²⁰. Представительства участвуют в реализации двусторонних документов о сотрудничестве.

Представительства Республики Татарстан внесли свой вклад в ответ на актуальные вызовы. Например, представительство в Республике Крым и Симферополе было задействовано в работе по участию Татарстана в интеграции Крыма в состав России. В период пандемии коронавируса представительства республики оказались востребованными для поддержки межрегиональных связей в условиях антиковидных ограничений. Также представительства региона задействованы в работе по внедрению цифровых платформ поддержки предпринимательства, в том числе путем продвижения общероссийской электронной торговой площадки Zakaz RF, которая базируется в Казани, и проекта «Центр импортозамещения», созданного республиканским маркетинговым центром.

Взаимодействию представительств с органами власти и участниками внешних связей способствует подключение их к межведомственному электронному документообороту, создание сайтов представительств в рамках официального портала Республики Татарстан²¹, использование соцсетей и мессенджеров. При этом существует проблема поддержки сайтов представительств, работающих на самофинансировании.

²⁰ Протоколы по реализации межправительственных соглашений (договоров) с регионами Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство промышленности и торговли Республики Татарстан : сайт. URL: <https://mpt.tatarstan.ru/protokoli-po-realizatsii-mezhpravitelstvennih.htm> (дата обращения: 05.03.2023).

²¹ О государственной информационной системе Республики Татарстан «Официальный портал Республики Татарстан» [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Татарстан от 27 мая 2011 г. № УП-295. URL: <https://docs.cntd.ru/document/917044320> (дата обращения: 05.03.2023).



Предложения по совершенствованию деятельности представительств. К актуальным тенденциям можно отнести расширение зоны деятельности представительств на субъекты Федерации, соседствующие с местом их фактического размещения. Это позволяет расширять географию сотрудничества, замещая более затратный процесс открытия новых представительств. В настоящее время 8 представительств Татарстана на территории России участвуют в поддержке межрегиональных связей с 42 субъектами Федерации. Подобные подходы также использует и Республика Башкортостан. Здесь можно применить опыт организации работы представительств МИД России на территории России, у которых «территорию деятельности Представительства может составлять один или несколько субъектов Российской Федерации»²². При этом в наименовании самого представительства указывается город его расположения, например, «Представительство... в г. Екатеринбурге».

Анализ целевых индикаторов оценки деятельности представительств Татарстана выявил приоритетность торгово-экономического направления межрегиональных связей и взаимодействия с татарскими общинами в субъектах Федерации. Соответственно, при рассмотрении возможности открытия новых представительств республики было бы целесообразным обратить внимание на Самарскую область, входящую в десятку регионов России как по наибольшим объемам двустороннего товарооборота с Татарстаном, так и по численности татарского населения.

Расширению географии сотрудничества может дополнительно способствовать взаимодействие с представительствами других субъектов Федерации в регионе пребывания. В первую очередь, подобные контакты целесообразно налаживать в Москве, где работают представительства практически всех субъектов Федерации, и в Санкт-Петербурге, имеющем на своей территории около 20 региональных представительств. В подтверждение этому можно отметить, что полпредством Татарстана в Москве уже было организовано обновление договорной базы двустороннего сотрудничества с регионами Центральной России.

Для повышения отдачи от представительств в рамках реализации региональных программ развития предлагается при определении целевых индикаторов оценки их деятельности ориентироваться на задачи, сформулированные в программных документах. Подобная практика также используется в Чеченской Республике²³. Включение представительств в число соисполнителей по государственным программам с выделением соответствующих ресурсов будет способствовать совершенствованию методик оценки эффективности представительств за счет возможности соотнесения достигнутых результатов с объемом выделенных средств.

²² Об утверждении Положения о территориальном органе – Представительстве Министерства иностранных дел Российской Федерации на территории Российской Федерации [Электронный ресурс] : Приказ МИД России от 22 нояб. 2011 г. № 21341. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902319877> (дата обращения: 05.03.2023).

²³ Об утверждении государственной программы «Региональная политика и федеративные отношения Чеченской Республики» (с изм. на 14 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Чеченской Республики от 19 дек. 2013 г. № 317. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430606687> (дата обращения: 23.06.2023).



Учитывая актуальность вопросов развития межрегиональных связей целесообразно рассмотреть централизованные меры поддержки деятельности представительств на федеральном и региональном уровнях. К ним можно отнести предоставление помещений для представительств на льготных условиях, упрощения финансовой отчетности.

Обсуждение и заключение. Взаимодействие субъектов Российской Федерации в рамках государственной политики регионального развития стало важным фактором адаптации отечественной экономики к новым реалиям. С учетом территориальной разобщенности участников межрегионального сотрудничества представительства выполняют роль постоянно работающего инструмента поддержки делового партнерства.

Несмотря на достаточно широкую практику открытия представительств многими российскими регионами, актуальными остаются вопросы организации эффективной деятельности представительств и оценки ее результативности. Проведенное исследование позволило предложить общие подходы к решению указанных вопросов.

Наличие значительного потенциала межрегионального взаимодействия является обоснованием для открытия представительств, финансируемых из бюджета субъекта Федерации. В текущем режиме работы объемы финансирования представительств составляют сотые доли процента от расходной части регионального бюджета. Представительства, работающие на общественных началах и самофинансировании, требуют особого подхода при постановке решаемых задач. Двусторонние соглашения о сотрудничестве создают условия для конструктивного взаимодействия с органами власти на местах.

Повышению эффективности деятельности представительств способствует конструктивная взаимосвязь с профильными органами власти региона, внедрение комплексных методик оценки результатов работы представительств, охватывающих не только экономическое сотрудничество, но и широкий спектр культурно-гуманитарных связей.

Включение представительств в систему межведомственного электронного документооборота обеспечивает коммуникацию с заинтересованными органами власти и другими участниками межрегионального взаимодействия. Проведение регулярных совещаний с представительствами в гибридном формате является важной составляющей организации их работы. Координация деятельности представительств возлагается на орган исполнительной власти, курирующий развитие межрегиональных связей.

К перспективным направлениям научно-прикладных исследований по рассматриваемой тематике относится проработка вопросов унификации и регламентации деятельности представительств, повышения отдачи от их деятельности, изучение возможностей поддержки функционирования этого института сотрудничества. Результаты исследования могут быть полезны для специалистов, изучающих политику регионального развития и инструменты ее реализации, а также для государственных служащих, курирующих вопросы межрегионального сотрудничества.



СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бикбов Р. З. Представительства субъекта РФ – новый институт региональной политики // Экономика региона. 2007. № 2. С. 271–275. EDN: JWVTMV
2. Латыпов Р. Т., Шведов В. В. Деятельность института постоянного представительства Республики Татарстан в субъектах Российской Федерации в сфере межрегионального сотрудничества // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 11. URL: <https://human.snauka.ru/2016/11/17243> (дата обращения: 03.03.2023).
3. Дубровская Ю. В. Инструменты и институты активизации межрегионального взаимодействия в отечественной экономике // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. 2017. № 4 (60). С. 34–44. <https://doi.org/10.25513/1812-3988.2017.4.34-44>
4. Климанов В. В., Казакова С. М., Яговкина В. А. Инструменты межрегионального взаимодействия в системе государственного управления // Регионология. 2021. Т. 29, № 2. С. 250–282. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.115.029.202102.250-282>
5. Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Оценка результативности государственных программ социально-экономического развития регионов России // Проблемы прогнозирования. 2016. № 4 (157). С. 81–94. URL: <https://ecfor.ru/publication/08-rezultativnost-gosudarstvennyh-programm-razvitiya-regionov/> (дата обращения: 03.03.2023).
6. Лукин Е. В. Межрегиональное взаимодействие в системе экономического развития регионов: теоретические и практические подходы // Вопросы территориального развития. 2013. № 5 (5). С. 1–9. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1333> (дата обращения: 03.03.2023).
7. Мямлин А. П. Территориальное разделение труда как фактор экономического развития // Экономика и управление. 2014. № 9 (107). С. 13–17. EDN: RAINPI
8. Кузнецова О. В. Межрегиональное сотрудничество в России: перспективы кооперации региональных властей // Региональные исследования. 2019. № 1. С. 16–25. URL: https://smolgu.ru/science/Межрегиональное_сотрудничество_в_России_перспективы_кооперации_региональных_властей.htm (дата обращения: 03.03.2023).
9. Гонтарь Н. В. Специальные инструменты развития регионов России как ресурс межрегиональной интеграции // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2020. Т. 22, № 3. С. 42–52. <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2020.3.4>
10. Ларионова Н. А. Соглашения о сотрудничестве между субъектами Российской Федерации как механизм государственного регулирования межрегиональных связей // Региональная экономика: теория и практика. 2016. Т. 14, № 7. С. 142–152. URL: <https://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=69200> (дата обращения: 03.03.2023).
11. Рубцов Г. Г., Литвиненко А. Н. Роль межрегионального сотрудничества в системе современной региональной экономики РФ // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12, № 1. С. 97–110. <https://doi.org/10.18721/JE.12108>
12. Бурак П. И., Ростанец В. Г., Топилин А. В. Ассоциации экономического взаимодействия субъектов Российской Федерации: системный кризис или поиск новых форм развития? // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 10. С. 66–73. URL: <https://ptpmag.ru/associacii-jekonomicheskogo-vzaimodejstviya-subektov-rossijskoj-federacii-sistemnyj-kризис-ili-poisk-novyh-form-razvitiya/> (дата обращения: 03.03.2023).
13. Степанов В. Е. Статусно-функциональные особенности представительств субъектов Российской Федерации в городе Москве // Социально-экономические явления и процессы. 2018. Т. 13, № 1. С. 43–49. <https://doi.org/10.20310/1819-8813-2018-13-1-43-49>
14. Сахиева Р. А. Понятие, порядок организации и функции представительств субъектов Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 3. С. 116–122. <https://doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.3.116-122>
15. Joenniemi P., Sergunin A. Paradiplomacy as a Capacity-Building Strategy. The Case of Russia's Northwestern Subnational Actors // Problems of Post-Communism. 2014. Vol. 61, no. 6. Pp. 18–33. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/fn801x30ab/145718873.pdf> (дата обращения: 03.03.2023).
16. Ciesielska-Klikowska J., Kamiński T. Paradiplomacy and its Impact on EU Foreign Policy // Journal of Contemporary European Research. 2022. Vol. 18, issue 1. Pp. 48–66. <https://doi.org/10.30950/jcer.v18i1.1223>
17. Curyło B. The European Union as a Laboratory of Paradiplomacy in the Context of International and Domestic Determinants of Regions' Foreign Activities // Przegląd Europejski. 2019. Vol. 2019, issue 3. Pp. 9–28. <https://doi.org/10.5604/01.3001.0013.5838>

18. Tatham M., Thau M. The More the Merrier: Accounting for Regional Paradiplomats in Brussels // European Union Politics. 2014. Vol. 15, no. 2. Pp. 255–276. <https://doi.org/10.1177/1465116513512539>
19. Basboga K. The Role of Open Borders and Cross-border Cooperation in Regional Growth across Europe // Regional Studies, Regional Science. 2020. Vol. 7, issue 1. Pp. 532–549. <https://doi.org/10.1080/21681376.2020.1842800>
20. Evaluating the Implementation of Smart Specialization Policy / E. Marrocu [et al.] // Regional Studies. 2023. Vol. 57, issue 1. Pp. 112–128. <https://doi.org/10.1080/00343404.2022.2047915>
21. Nowak P. Cooperation of Enterprises in Innovative Activities on the Example of Polish Regions // Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy. 2021. Vol. 16, no. 4. Pp. 839–857. <https://doi.org/10.24136/eq.2021.031>
22. Kuczkowski P. Representations of Polish Regions in Brussels with Special Reference to the Regions of Northern Poland. Legal Status and Functioning // Annuals of the Administration and Law. 2023. Vol. 23, issue 1. Pp. 51–66. <https://doi.org/10.5604/01.3001.0016.3777>
23. Böhm H., Boháč A., Wróblewski L. Evaluation of Cross-Border Cooperation in Czechia Since 1993: Euroregions on the Way to Authentic Cross-Border Regions? // Geographical Journal. 2023. Vol. 75, no 3. Pp. 253–267. <https://doi.org/10.31577/geogrcas.2023.75.3.13>
24. Гриднева О. В., Шаповалов Д. А. Профессиональное коммерческое представительство // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 144–147. URL: <https://www.urvak.ru/articles/probl-vypusk-6-professionalnoe-kommercheskoe-preds/> (дата обращения: 03.03.2023).
25. Строев П. В., Мильчаков М. В., Пивоварова О. В. Опорные регионы пространственного развития России: бюджетный аспект // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25, № 2. С. 53–75. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-2-53-75>
26. Степанов В. Е. Представительства субъектов Российской Федерации в системе государственных представительских структур // Вопросы управления. 2020. № 1 (62). С. 170–180. URL: <https://journal-management.com/issue/2020/01/14> (дата обращения: 03.03.2023).
27. Гиматдинов Р. Р., Насыров И. Р. Институт зарубежных представительств Республики Татарстан // Международная жизнь. 2015. № 3. С. 136–149. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1227> (дата обращения: 03.03.2023).
28. Гиматдинов Р. Р., Насыров И. Р. К вопросу оценки и повышения эффективности деятельности зарубежных представительств субъектов Российской Федерации // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2 (59). С. 125–144. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-125-144>

Поступила в редакцию 14.03.2023; поступила после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 19.05.2023.

Об авторах:

Насыров Ильдар Рустамбекович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры регионоведения и цифровой гуманитаристики Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, Российская Федерация, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7117-3636>, Scopus ID: 6603372898, ildar.nasyrov@tatar.ru

Якубов Юсуп Диганшеевич, доктор политических наук, доцент, постоянный представитель Республики Татарстан в Республике Башкортостан (450008, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Карла Маркса, д. 3), ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4766-7042>, yus-yakubov@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

И. Р. Насыров – постановка целей и задач исследования; обзор литературы по теме исследования; обобщение результатов исследования; формулирование выводов исследования и практических рекомендаций.

Ю. Д. Якубов – сбор и агрегирование информации; анализ данных; обоснование выводов исследования.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.



REFERENCES

1. Bikbov R.Z. Representative Offices of Subject of Russian – New Institute of Regional Policy. *Economy of Regions*. 2007;(2):271–275. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: JWVTMV
2. Latypov R.T., Shvedov V.V. The Institute's Activities of the Permanent Mission of the Republic of Tatarstan in the Russian Federation in the Field of Interregional Cooperation. *Humanities Scientific Researches*. 2016;(11). Available at: <https://human.snauka.ru/2016/11/17243> (accessed 03.03.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Dubrovskaya Yu.V. Instruments and Institutions of Inter-Regional Interaction Activation in the Russian Economy. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*. 2017;(4):34–44. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25513/1812-3988.2017.4.34-44>
4. Klimanov V.V., Kazakova S.M., Yagovkina V.A. Tools of Interregional Cooperation in the Public Administration System. *Russian Journal of Regional Studies*. 2021;29(2):250–282. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.115.029.202102.250-282>
5. Leksin V.N., Porfirev B.N. Evaluation of the Effectiveness of Government Programs of Socioeconomic Development Regions of Russia. *Studies on Russian Economic Development*. 2016;27(4):418–428. Available at: <https://ecfor.ru/publication/08-rezultativnost-gosudarstvennyh-programm-razvitiya-regionov/> (accessed 03.03.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Lukin Ye.V. [Interregional Interaction in the System of Regional Economic Development: Theoretical and Practical Approaches]. *Territorial Development Issues*. 2013;(5):1–9. Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1333> (accessed 03.03.2023). (In Russ.)
7. Myamlin A.P. Territorial Division of Labor in the Russian Federation: A Factor that Influences. *Economics and Management*. 2014;(9):13–17. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: RAINPI
8. Kuznetsova O.V. Interregional Cooperation in Russia: Prospects of Regional Governments' Cooperation. *Regional Studies*. 2019;(1):16–25. Available at: <https://smolgu.ru/science/Межрегиональное-сотрудничество-в-России-перспективы-кооперации-региональных-властей.htm> (accessed 03.03.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
9. Gontar N.W. Special Tools for the Development of Regions of Russia as a Resource of Inter-regional Integration. *Journal of Volgograd State University. Economics*. 2020;22(3):42–52. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2020.3.4>
10. Larionova N.A. Agreement on Cooperation between the Subjects of the Russian Federation as a Mechanism of State Regulation of Interregional Relations. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2016;14(7):142–152. Available at: <https://www.fin-izdat.ru/journal/region/detail.php?ID=69200> (accessed 03.03.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Rubtsov G.G., Litvinenko A.N. Role of Inter-Regional Cooperation in Modern Regional Economy of Russian Federation. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti (St. Petersburg State Polytechnical University Journal)*. 2019;12(1):97–110. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18721/JE.12108>
12. Burak P.I., Rostanets V.G., Topilin A.V. [Economic Interaction Associations of the Subjects of the Russian Federation: Systemic Crisis or Search for New Forms of Development?]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. 2017;(10):66–73. Available at: <https://ptpmag.ru/associacii-jekonomicheskogo-vzaimodejstviya-subektov-rossijskoj-federacii-sistemnyj-krizis-ili-poisk-novyh-form-razvitiya/> (accessed 03.03.2023). (In Russ.)
13. Stepanov V.Ye. Status and Functional Features of Representations of Territorial Subjects of the Russian Federation in Moscow. *Social-Economic Phenomena and Processes*. 2018;13(1):43–49. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/1819-8813-2018-13-1-43-49>
14. Sakhieva R.A. Notion, Order of Organization and Functions of the Representatives of the Russian Federation Subjects. *Actual Problems of Economics and Law*. 2016;10(3):116–122. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21202/1993-047X.10.2016.3.116-122>
15. Joenniemi P., Sergunin A. Paradiplomacy as a Capacity-Building Strategy. The Case of Russia's Northwestern Subnational Actors. *Problems of Post-Communism*. 2014;61(6):18–33. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/fn801x30ab/145718873.pdf> (accessed 03.03.2023).
16. Ciesielska-Klikowska J., Kamiński T. Paradiplomacy and its Impact on EU Foreign Policy. *Journal of Contemporary European Research*. 2022;18(1):48–66. <https://doi.org/10.30950/jcer.v18i1.1223>

17. Curyło B. The European Union as a Laboratory of Paradiplomacy in the Context of International and Domestic Determinants of Regions' Foreign Activities. *Przegląd Europejski*. 2019;2019(3):9–28. <https://doi.org/10.5604/01.3001.0013.5838>
18. Tatham M., Thau M. The More the Merrier: Accounting for Regional Paradiplomats in Brussels. *European Union Politics*. 2014;15(2):255–276. <https://doi.org/10.1177/1465116513512539>
19. Basboga K. The Role of Open Borders and Cross-Border Cooperation in Regional Growth across Europe. *Regional Studies, Regional Science*. 2020;7(1):532–549. <https://doi.org/10.1080/21681376.2020.1842800>
20. Marrocu E., Paci R., Rigby D., Usai S. Evaluating the Implementation of Smart Specialization Policy. *Regional Studies*. 2023;57(1):112–128. <https://doi.org/10.1080/00343404.2022.2047915>
21. Nowak P. Cooperation of Enterprises in Innovative Activities on the Example of Polish Regions. *Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy*. 2021;16(4):839–857. <https://doi.org/10.24136/eq.2021.031>
22. Kuczkowski P. Representations of Polish Regions in Brussels with Special Reference to the Regions of Northern Poland. Legal Status and Functioning. *Annals of the Administration and Law*. 2023;23(1):51–66. <https://doi.org/10.5604/01.3001.0016.3777>
23. Böhm H., Boháč A., Wróblewski L. Evaluation of Cross-Border Cooperation in Czechia Since 1993: Euroregions on the Way to Authentic Cross-Border Regions? *Geographical Journal*. 2023;75(3):253–267. <https://doi.org/10.31577/geogrcas.2023.75.3.13>
24. Gridneva O.V., Shapovalov D.A. Professional Commercial Office. *Economic Problems and Legal Practice*. 2017;(6):144–147. Available at: <https://www.urvak.ru/articles/probl-vypusk-6-professionalnoe-kommercheskoe-preds/> (accessed 03.03.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
25. Stroeve P.V., Milchakov M.V., Pivovarova O.V. Regions Supporting the Spatial Development of Russia: Budgetary Aspect. *Finance: Theory and Practice*. 2021;25(2):53–75. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-2-53-75>
26. Stepanov V.E. Representative Offices of the Russian Federation Subjects in the System of State Representative Structures. *Management Issues*. 2020;(1):170–180. Available at: <https://journal-management.com/issue/2020/01/14> (accessed 03.03.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
27. Gimatdinov R.R., Nasyrov I.R. [Institute of Foreign Missions of the Republic of Tatarstan]. *The International Affairs*. 2015;(3):136–149. Available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1227> (accessed 03.03.2023). (In Russ.)
28. Gimatdinov R.R., Nasyrov I.R. On the Question of Evaluation and Improvement Activities of Foreign Representations of the Russian Federation Subordinate Entities. *MGIMO Review of International Relations*. 2018;(2):125–144. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2018-2-59-125-144>

Received 14.03.2023; revised 10.05.2023; accepted 19.05.2023.

About the authors:

Ildar R. Nasyrov, Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Professor, Department of Regional and Digital Humanitaristics, Kazan (Volga Region) Federal University (18 Kremlin St., Kazan 420008, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7117-3636>, Scopus ID: 6603372898, ildar.nasyrov@tatar.ru

Yusup D. Yakubov, Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, Permanent Representative of the Republic of Tatarstan in the Republic of Bashkortostan (3 Karl Marx St., Ufa 450008, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-4766-7042>, yus-yakubov@mail.ru

Contribution of the authors:

I. R. Nasyrov – setting the objectives and tasks of the study; review of the literature on the subject; aggregation the study results; formulation of conclusions and development of practical recommendations.

Yu. D. Yakubov – collection and aggregation of information; data analysis; substantiation the conclusions of the study.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.



УДК 172.15-053.81

doi: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.701-719

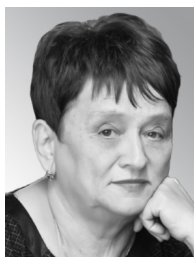
Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Забайкальское казачество как субъект патриотического воспитания молодежи



М. Б. Лига



И. А. Щеткина ✉



Е. Ю. Захарова

*Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Российская Федерация)*

✉ irinasocio@mail.ru

Аннотация

Введение. В современных условиях особое значение приобретает патриотическое воспитание молодежи, реализация которого возможна с использованием потенциала российского казачества. Цель статьи – на основе результатов анализа общественного мнения в Забайкальском крае исследовать отношение населения к казачеству и его роли в патриотическом воспитании молодого поколения.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили данные опроса 500 жителей Забайкальского края, проведенного в 2021–2022 гг. В качестве основного метода использовался опрос в форме анкетирования. В исследовании применялся метод кластерной (территориальной) одноступенчатой выборки. Методология исследования представлена теорией социальной идентичности В. А. Тишкова и педагогической теорией патриотического воспитания В. В. Иванова. Используемые методы помогли определить отношение населения Забайкальского края к казачеству и его роль в патриотическом воспитании молодого поколения.

Результаты исследования. Выявлено, что в Забайкальском крае преобладает положительное отношение к казакам, их традициям и ценностям. Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют, что сегодня в обществе поддерживается процесс возрождения казачества. Показано, что казачество играет важную роль в патриотическом воспитании молодежи.

Обсуждение и заключение. Ценность использования патриотических традиций казачества и необходимость участия казачества в патриотическом воспитании молодежи признают жители Забайкальского края. Полученные результаты могут быть использованы при разработке программ патриотического, духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения на основе традиционных ценностей казачества.

Ключевые слова: патриотизм, национальная идея, казачество, возрождение казачьих традиций, воспитание молодежи, патриотическое воспитание

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лига М. Б., Щеткина И. А., Захарова Е. Ю. Забайкальское казачество как субъект патриотического воспитания молодежи // Регионология. 2023. Т. 31, № 4. С. 701–719. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.701-719>

© Лига М. Б., Щеткина И. А., Захарова Е. Ю., 2023



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Trans-Baikal Cossacks as a Subject of Patriotic Education of Youth

M. B. Liga, I. A. Shchetkina✉, E. Yu. Zakharova
Transbaikal State University (Chita, Russian Federation)
✉ irinasocio@mail.ru

Abstract

Introduction. In modern conditions, patriotic education of young people is of particular importance, the implementation of which is possible using the potential of the Russian Cossacks. The Russian Cossacks have the necessary resources for the formation of youth patriotism, including the presence of their own ideology, ethnopsychological and ethno-cultural features, behavioral models, the system of patriotic education as part of the “Cossack pedagogy”. This potential of the Cossacks should be used in the modern social practice of patriotic education from the younger generation. The purpose of the article is based on the results of the analysis of public opinion in the Trans-Baikal Territory to investigate the attitude of the population to the Cossacks and its role in the patriotic education of the younger generation.

Materials and Methods. The methodology of the study is presented by the theory of social identity of V. A. Tishkov, the pedagogical theory of patriotic education of V. V. Ivanov. Within the framework of the study, the attitude of the Trans-Baikal Territory residents to the Cossacks and the opinion about the potential of the Cossacks in the patriotic education of young people are characterized. The study was conducted in 2021–2022. A survey in the form of a questionnaire was used as the main method. 500 residents of the Trans-Baikal Territory were interviewed. The method of cluster (territorial) single-stage sampling was used in the study.

Results. It is revealed that in the Trans-Baikal Territory, a positive attitude to the Cossacks, their traditions and values prevails. The results obtained in the course of the study indicate that today the process of revival of the Cossacks is supported in society. It is shown that the Cossacks play an important role in the patriotic education of young people.

Discussion and Conclusion. The residents of the Trans-Baikal Territory recognize the value of using the patriotic traditions of the Cossacks and the need for the participation of the Cossacks in the patriotic education of young people. The results obtained can be used in the development of programs of patriotic, spiritual and moral education of the younger generation based on the traditional values of the Cossacks.

Keywords: Patriotism, national idea, Cossacks, revival of Cossack traditions, youth education, patriotic education

Conflict of interests. The authors declare that there is not conflict of interest.

For citation: Liga M.B., Shchetkina I.A., Zakharova E.Yu. Trans-Baikal Cossacks as a Subject of Patriotic Education of Youth. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):701–719. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.701-719>

Введение. Результатом трансформационных процессов, происходящих в России в конце 1990-х гг., стало возрождение различных социальных групп и общественных институтов, сыгравших большую роль в истории нашей страны, определивших во многом будущие векторы ее развития. Одной из таких групп стало казачество, выполняющее различные социальные функции: защиту Отечества, сохранение и трансляцию духовно-нравственных ценностей, патриотизма, формирование и реализацию принципов «казачьей педагогики», содержательный потенциал которой сегодня особенно востребован.

В современных российских условиях чрезвычайно важно правильно выстраивать образовательную и воспитательную политику формирования патриотизма, гражданственности. История цивилизации является ярким примером того, что без патриотизма как государственной идеологии и основы национальной идеи ни одна страна не добивалась успехов в решении стоящих перед ней задач.



О важности воспитания патриотизма, его первостепенной роли в национальной идее нашей страны постоянно говорит Президент Российской Федерации В. В. Путин: «Патриотизм заключается в том, чтобы посвятить себя развитию страны, ее движению вперед. А это совсем не значит, что нужно все время хвататься только за наше героическое прошлое. Нужно смотреть в наше не менее героическое и успешное будущее, и в этом залог успеха»¹.

Примером объединения героического прошлого, активного настоящего и стремления обеспечить благополучное будущее служит российское казачество – уникальное явление, которого не знает ни одна страна. Оно родилось на основе боевого единства и православной веры. Казачество всегда представляло собой социальную группу, объединенную общими целями, традициями, ценностями. В современном социуме в силу специфических особенностей его развития в вопросах патриотического воспитания молодежи актуальным становится обращение к истории казачества, его традициям, ценностям, вере. Такой поворот обусловлен как объективными, так и субъективными факторами. К числу объективных можно отнести саму историю казаков, образцы деятельности и выполняемые социальные роли, отношение к вере, традициям. История казачества – это история нашей страны. Все катаклизмы, революции, войны, воплощение в жизнь новых мировоззренческих установок нашли отражение и свою рефлексию в деятельности казачества. Казачество не отделяло себя от истории России, верой и правдой служа ей, защищая ее границы, осваивая новые земли в Сибири и на Дальнем Востоке. Казаки всегда являлись активными участниками социокультурных, экономических, политических процессов.

Обращение к роли казачества в воспитании подрастающего поколения обусловлено и тем, что сегодня на историческую арену выходит новое поколение – цифровое, формирующее новый мир, новое образование, новое отношение к жизни, людям. Представители этого поколения живут в двух мирах: виртуальном и реальном, они ориентированы на самовыражение и самоактуализацию, нацелены на то, чтобы профессиональная деятельность стала их увлечением, они быстро адаптируются в окружающем их социальном пространстве, прекрасно владеют цифровыми технологиями, для них не существует авторитетов. Молодые люди активно участвуют в жизни страны, формируют интеллектуальный потенциал, создавая стратегический ресурс развития государства.

Однако следует обратить внимание и на ряд негативных тенденций, имеющих место в молодежной среде. Огромное воздействие на современную молодежь оказывает интернет, формируя мировоззрение, восприятие мира. Интернет сегодня – это огромное число различных материалов, не укладывающихся в существующие нормы и правила жизнедеятельности людей. Результатом этого воздействия становится рост преступности, агрессивности, наркомании, социального напряжения, национальной и религиозной нетерпимости среди молодежи, участия молодежи в различных политических акциях.

В связи с этим повышается значимость патриотического воспитания молодого поколения. Одним из его направлений в современных условиях становится

¹ Путин рассказал о национальной идее России [Электронный ресурс] // Новости в России и мире. 2020. 10 мая URL: <https://tass.ru/obschestvo/8438743> (дата обращения: 01.03.2023).

обращение к истории казачества, примерам его патриотизма, верности России. Актуализирует эту проблему и то, что казачество как социальная общность с присущими ей характеристиками (наличие собственной идеологии, этнопсихологические и этнокультурные особенности, поведенческие модели) рефлексировать в себе процессы, идущие в обществе, различные социальные практики. Важный момент, детерминирующий использование опыта, традиций казачества заключается в том, что казаки на всем протяжении своей истории занимали активную позицию в решении многих значимых для России вопросов социально-экономического, политического, военного развития.

В современных условиях основные направления деятельности казачьих обществ сформулированы в Стратегии государственной политики в отношении казачества на 2021–2030 гг. Среди прочих в документе выдвинута задача «...воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма, гражданской ответственности и готовности служению Отечеству с опорой на духовно-нравственные основы и ценности российского казачества...», а также активное привлечение казачества к участию в реализации государственной молодежной политики². Важным моментом, детерминирующим участие казачества в патриотическом воспитании, является работа с детьми, подростками и молодежью, которая велась на всем протяжении становления казака как личности, воина, земледельца, семьянина, гражданина. В педагогике казачества заложен огромный духовно-нравственный, интеллектуальный потенциал, для реализации которого использовались различные технологии: рассказы о прошлом, участие в жизни казачьих станиц, постижение традиций, ценностей, религиозно-нравственных устоев, воинской чести и доблести, которые становились частью мировоззрения казака. Формировалось умение передавать из поколения в поколение чувство патриотизма, верности традициям³.

Проблема патриотизма в современных условиях приобретает особую актуальность и требует обращения к истории нашей страны, ее героическому прошлому, прошлому различных этносов, конфессий, социальных групп, которые показали высокий уровень патриотизма, опыт его воспитания, а их история – это история героического служения родине. Одной из таких групп стало казачество, прошлое которого есть образец проявления патриотизма.

Цель статьи – по материалам проведенного исследования в Забайкальском крае оценить отношение жителей региона к казачеству, выявить потенциал забайкальского казачества в патриотическом воспитании молодого поколения.

Обзор литературы. Происходящие в Российской Федерации процессы общественно-политических и социально-экономических преобразований выдвинули ряд важных, качественно новых задач по созданию суверенного, экономически развитого, цивилизованного, демократического государства, обеспечивающего конституционную свободу граждан, их правовую и социальную защищенность.

² Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации № 505 от 9 авг. 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/63878> (дата обращения: 06.02.2023).

³ Исторические основы геополитического потенциала российского казачества : моногр. / под ред. Л. О. Терновой. М. : ИНФРА-М, 2018. 195 с.



Успешное решение этих задач требует от населения рефлексии происходящего, выработки активной жизненной позиции, практической деятельности в интересах общества и государства, предполагает необходимость формирования у граждан России, прежде всего у молодежи, духовно-нравственных качеств⁴. Особое значение придается воспитанию патриотизма, в становлении которого большую роль играет российское казачество [1–3]. Особое внимание социологи уделяют изучению роли молодежи в возрождении традиций казачества на региональном уровне, исследованию механизмов развития гражданского самосознания молодежи на основе традиционных ценностей казаков [4].

Современные условия роста социальной напряженности повышают опасность этнорелигиозного экстремизма, который негативно влияет на взгляды и ценностные ориентации различных групп российского населения, что обуславливает необходимость социологического анализа роли добровольных общественных формирований, в том числе казачества, для пресечения акций этнонационального экстремизма⁵ [5].

Усиление интереса ученых и российской общественности к истории и культуре забайкальского казачества наблюдается в 1980-е гг. Появляются работы исторического, историко-политического, социально-экономического плана, в которых казаки рассматривались с позиций классического для советской историографии подхода⁶. В 1990-е гг. были опубликованы исследования, свободные от норм классового подхода в изучении казачества, что оказало влияние на увеличение количества краеведческих, публицистических и художественных произведений⁷. Современные авторы занимаются выявлением и описанием конкретных исторических актов, событий и биографий, связанных с деятельностью казаков [6; 7], уделяя особое внимание «советскому казачеству», которое в период войны продемонстрировало свою лояльность власти и патриотическое служение Родине [8]. Широко изучаются вопросы идентичности казаков⁸ [9–11], выполнения ими социально значимых функций по обеспечению безопасности территорий на основе сформированных социально-значимых представлений и принципов [12].

Анализ современной литературы показывает, что существует большой пласт исследований роли казачества в формировании патриотизма. Ученые выделяют следующие аспекты изучения данного направления: выявление социального потенциала казачества в формировании патриотизма [13; 14]; рассмотрение истории и традиций казачества как основы патриотического воспитания молодежи [15]; духовно-нравственное и военно-патриотическое воспитание патриотизма казахской молодежи [16]. Одним из главных механизмов формирования казачеством

⁴ Путин рассказал о национальной идее России...

⁵ Канев М. Н., Назаров В. Л. Привлечение потенциала казачества к профилактике экстремизма // Инновационный потенциал молодежи: спорт, культура, образование. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2022. С. 236–241.

⁶ Вишнякова Н. А. Казачество как социальный феномен [Электронный ресурс] // Огарев-online. 2019. № 14. URL: <http://journal.mrsu.ru/arts/kazachestvo-kak-socialnyj-fenomen> (дата обращения: 02.03.2023).

⁷ Константинова Т. А. Казачество // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Новосибирск : Наука, 2000. Т. 1. С. 213.

⁸ Идентичность и конфликт в постсоветских государствах : сб. ст. / Моск. центр Карнеги, Carnegie endowment for intern. peace; под ред. М. Б. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. М. : Б. и., 1997. 490 с.

патриотизма становится система образования⁹, в которой создан институт казачьей педагогики¹⁰. В ее основу положены высокая гуманность, приверженность православию, общинность, глубокая традиционность, жизненная стойкость и мужество, а также высокий уровень патриотизма и боеготовности казаков, который, как утверждают историки, с одной стороны, обладает четкой структурированностью казачьих общностей, с другой – демократичностью отношений внутри них¹¹.

Ученые изучают российское казачество как социальный феномен¹², исследуют процесс его возрождения как одного из элементов гражданского общества для повышения потенциала взаимодействия казачества и власти [7].

В научной литературе большое внимание уделяется анализу особенностей забайкальского казачества. Основными аспектами изучения являются обсуждение сущности, современного положения¹³ и развития Забайкальского казачьего войска¹⁴.

Труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные исследованию казачества и его роли в формировании патриотизма, представлены тремя направлениями: осуществление попытки изучить казачество, их историю и возрождение¹⁵; изучение вопросов идентичности в целом и казачества в частности [17; 18]; анализ современных проблем патриотизма¹⁶ [17] и роли казачества в его формировании [9].

Большой пласт зарубежной литературы посвящен рассмотрению направлений развития идентичности, ее проблем, а также ресурсов интеграции на основании общих культурных и социальных ценностей на примере различных стран мира. Изучается роль формирования идентичности в становлении современного образования в Китае, основанного на рефлексии западных ценностей в контексте традиционных китайских ценностей¹⁷.

⁹ Иванов В. В. Роль преподавания предмета «История казачества» в гражданском и патристическом воспитании учащихся образовательных учреждений // Потенциал образования для самореализации и развития талантов у молодежи. Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной Году педагога и наставника. Иркутск : ФГБОУ ВО «Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежевского», 2023. С. 47–51.

¹⁰ Тумурхонова Н. В. К вопросу о развитии школьного образования в казачьей среде Забайкалья в XIX – начале XX вв. // Комплексное развитие сельских территорий : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 60-летию экономического факультета ФГБОУ ВО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова». Улан-Удэ : ФГБОУ ВО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В. Р. Филиппова», 2022. С. 215–221.

¹¹ Быкадоров И. Ф. Казаки в Отечественной войне 1812 года. М. ; Б. : Директ-Медиа, 2020. 165 с.; Костомаров Н. И. Казаки: исторические монографии и исследования. М. ; Б. : Директ-Медиа, 2020. 656 с.

¹² Вишнякова Н. А. Казачество как социальный феномен.

¹³ Жуков А. В., Жукова А. А., Филимонов А. В. Идентичность забайкальских казаков : моногр. Чита : ЗабГУ, 2019. 290 с.; Константинова Н. Н. Вклад читинского краеведческого музея в изучение и популяризацию истории и культуры забайкальского казачества // Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Чита : ЗабГУ, 2019. С. 267–271.

¹⁴ Константинова Т. А. Казачество.

¹⁵ Crichton K. The Sound of Cossack Thunder [Электронный ресурс] // The New York Times Magazine : сайт. URL: <https://www.nytimes.com/1993/10/31/magazine/the-sound-of-cossack-thunder.html>; Kononov P. The Cossacks in Australia and Russia's Special Operation in Ukraine [Электронный ресурс] // New Eastern Outlook. 2022, May 8. URL: <https://journal-neo.org/2022/05/08/the-cossacks-in-australia-and-russia-s-special-operation-in-ukraine> (дата обращения: 02.03.2023).

¹⁶ Savelyev A. Peoples of Russia: The Cossacks // Commentary. 1993. Vol. 36, issue 3. Pp. 6–8.

¹⁷ 钱民辉. 中国教育人类学本土研究的不同范式及意识三态观的提出 [Цянь Минхуэй. Различные парадигмы локальных исследований в китайской образовательной антропологии и предложение трехуровневого взгляда на сознание] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.shehui.pku.edu.cn/wap/second/index.aspx?nodeid=2031&page=ContentPage&contentid=9801> (дата обращения: 21.04.2023).



Зарубежные ученые большое внимание уделяют исследованию европейской идентичности [19], роли политики государства по развитию указанных процессов [17]. Важным в изучении становится вопрос о соотношении идентичности и европеизации внешней политики [20]. Л. Менанд отмечает, что актуальными становятся проблемы формирования региональной идентичности на примере США, важную роль в этих процессах занимает становление чувства патриотизма¹⁸. Также анализ современной зарубежной литературы показывает, что широко исследуются проблемы формирования идентичности на Ближнем Востоке [4].

Проведенный обзор научной литературы показывает, что на сегодняшний день изучены аспекты забайкальского казачества как субъекта патриотического воспитания в рамках исторического, педагогического, культурологического подходов. В настоящее время, когда человеческий ресурс становится движущей силой развития социума, актуализируется проблематика проведения социологических исследований казачества, его роли в патриотическом воспитании молодого поколения Забайкальского края через оценку отношения населения разных возрастных групп к казачеству.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили положения теории социальной идентичности, автором которой является отечественный исследователь В. А. Тишков, а также конструкты педагогической теории патриотического воспитания, разработанной В. В. Ивановым.

Эмпирическая база проведенного исследования представлена результатами опроса населения Забайкальского края на тему «Роль забайкальского казачества в патриотическом воспитании молодого поколения», проведенного научным коллективом Забайкальского государственного университета под руководством М. Б. Лига. Полученные результаты позволили оценить мнение жителей Забайкалья о потенциале забайкальского казачества в патриотическом воспитании современной молодежи.

Социологическое исследование было осуществлено методом анкетного опроса. Анкета содержала 41 вопрос. Вопросы были направлены на исследование мнений забайкальцев о сущности патриотизма, отношения к духовно-нравственным основам и ценностям российского казачества, отношения к казачеству, мнений об участии забайкальского казачества в патриотическом воспитании молодежи. География исследования включала в себя 31 муниципальный район и 4 городских округа Забайкальского края. Полевой этап исследования проходил в ноябре 2021 г. – январе 2022 г. Объем выборочной совокупности составил 500 респондентов. От всех респондентов было получено информированное согласие на участие в исследовании и обработку их ответов.

По гендерному признаку среди респондентов преобладают женщины (52 % от общего количества опрошенных), мужчины составили 48 %. Распределение респондентов по возрасту: от 18 до 35 лет – 34 % респондентов; от 36 до 60 лет – 49 %; от 61 года и старше – 17 %. Значительная часть респондентов (39 %) заняты в производственной сфере и сельском хозяйстве; существенную группу (24 %)

¹⁸ Menand L. Patriot Games: The New Nativism of Samuel P. Huntington [Электронный ресурс] // The New Yorker : сайт. 2004. May 17. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2004/05/17/patriot-games> (дата обращения: 31.09.2023).

представляют работники социальной сферы и сферы услуг; 12 % – пенсионеры; 10 % – студенты; 6 % – военнослужащие; 2 % – безработные; еще 7 % выбрали вариант «другое» («сезонная работа», «работа вахтовым методом», «самозанятый» и др.). Этнический состав респондентов характеризуется представителями разных национальностей в пропорциях, соответствующих генеральной совокупности населения Забайкальского края. В соответствии с процедурой выборочного исследования доверительная вероятность (точность) составила 95 %, доверительный интервал (погрешность) – в пределах ± 5 %. Обработка социологической информации осуществлялась с использованием пакета прикладных программ SPSS 17.0, данные округлены до целых.

Результаты исследования. *Отношение жителей Забайкалья к казачеству.* В настоящее время отношение к казачеству весьма противоречиво как среди населения, так и среди самих казаков. Данная ситуация объективно обусловлена положением казаков, отношением к ним государства, а также самой казачьей историей. Отношение респондентов к казачьему движению в Забайкальском крае выглядит следующим образом: более половины респондентов (54 %) относятся к нему положительно или скорее положительно, а 39 – скорее отрицательно и отрицательно, 7 % – затруднились с ответом. Полученные результаты подтверждаются ответами на вопрос об отношении населения к процессу возрождения казачества, фиксируют отношение населения к казачеству в целом. Большая часть участников опроса (56 %) поддерживают возрождение казачества, 29 – не поддерживают, 9 – ничего не знают о данном процессе, затруднились с ответом 6 % респондентов. При этом имеются существенные различия ответов в разных возрастных группах (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы относитесь к казачьему движению в России и Забайкальском крае?» в разных возрастных группах, %¹⁹

Table 1. Distribution of answers to the question “How do you feel about the Cossack movement in Russia and the Trans-Baikal Territory?” in different age groups, %

| Вариант ответа / Response options | Население в целом / General population | Респонденты в возрасте от 18 до 35 лет / Respondents aged 18 to 35 | Респонденты в возрасте от 36 до 60 лет / Respondents aged 36 to 60 years | Респонденты в возрасте от 61 года и старше / Respondents aged 61 and older |
|---|---|--|--|--|
| Положительно / Positive | 40 | 46 | 44 | 30 |
| Скорее положительно / Rather positive | 14 | 15 | 15 | 12 |
| Скорее отрицательно / Rather negative | 23 | 26 | 19 | 24 |
| Отрицательно / Negative | 16 | 12 | 13 | 23 |
| Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer | 7 | 1 | 9 | 11 |

Дифференциация результатов опроса по возрастным группам респондентов показала, что наибольшую поддержку казачества оказывает молодежь, наименьшую – представители старшей возрастной группы.

¹⁹ Здесь и далее в статье таблицы и рисунок составлены авторами.



Противоречивое отношение к казачеству в обществе во многом обусловлено, по мнению респондентов, рядом причин. Опрошенные отмечают, с одной стороны, активное участие казачества в жизни региона, позитивную роль в патриотическом воспитании подростков и молодежи, с другой – излишнее внимание казаков к внешним атрибутам («вычурная форма», «бравлада»), навязывание своих традиций, ценностей, культуры. Таким образом, становится очевидным, что казачество признано большинством населения, однако далеко не все поддерживают развитие казачьего движения.

Важным моментом в определении отношения общества к казачеству является выстраиваемый им диалог с населением. Для изучения этой проблематики респондентам было предложено оценить уровень информированности о деятельности казачьих обществ в Забайкальском крае. Анализ ответов показывает, что 37 % респондентов знают о деятельности казачества очень хорошо (высокий уровень информированности); 25 % опрошенных уровень своей информированности оценивают как средний; почти ничего не знают о работе казачьего движения в Забайкальском крае (низкий уровень информированности) 22 % респондентов; затруднились с ответом 16 % респондентов. Таким образом, значительная часть опрошенных (62 %) имеют представление о деятельности казачества в Забайкальском крае и своем населенном пункте. Уровень информированности о работе казачьих обществ в Забайкальском крае различается среди представителей разных возрастных групп: наиболее высокий уровень отмечается у старших возрастных групп, молодежь явно недостаточно информирована о казачестве (табл. 2). Полученные результаты показывают, что, несмотря на низкую информированность молодежи о деятельности казачьих обществ в Забайкальском крае, молодые люди высказывают поддержку данному сообществу. Этот факт необходимо учитывать при планировании и организации мероприятий по патриотическому воспитанию и просвещению молодежи Забайкалья.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Оцените уровень своей информированности о деятельности казачьих обществ в Забайкальском крае» в разных возрастных группах, %
Table 2. Distribution of answers to the question “Assess your level of awareness about the activities of Cossack societies in the Trans-Baikal Territory” in different age groups, %

| Вариант ответа / Response options | Население в целом / General population | Респонденты в возрасте от 18 до 35 лет / Respondents aged 18 to 35 | Респонденты в возрасте от 36 до 60 лет / Respondents aged 36 to 60 years | Респонденты в возрасте от 61 года и старше / Respondents aged 61 and older |
|---|---|--|--|--|
| Высокий уровень / High level | 37 | 27 | 42 | 42 |
| Средний уровень / Average level | 25 | 23 | 30 | 22 |
| Низкий уровень / Low level | 22 | 23 | 24 | 19 |
| Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer | 16 | 12 | 19 | 17 |

Полученные в ходе исследования данные позволяют оценить, пользуются ли казаки авторитетом среди населения Забайкалья: по мнению трети респондентов (33 %), казаки пользуются высоким авторитетом у населения, 23 % ответили, что

казаки пользуются авторитетом при определенных обстоятельствах, а 27 % отмечают их низкий уровень авторитета. 13 % дали однозначный ответ: «казаки не пользуются авторитетом среди населения региона»; 4 % респондентов затруднились с ответом. Таким образом, большая часть респондентов (56 %) считают, что казаки имеют авторитет среди населения.

Формирование современного представления о казачестве и его роли в российском обществе тесно связано с возрождением казачества, которое началось в 1990-х гг. как историко-культурное движение, ставившее своей целью возрождение культурных и исторических традиций среди населения и потомков казаков. Основными факторами, обусловившими процесс возрождения казачества и его стремление адаптировать историю казачества к современным реалиям, были пробуждение национального сознания, уход с исторической арены такой социальной группы, как советский народ, поиск новой идентичности. Сам процесс возрождения предстает как две взаимосвязанные тенденции: во-первых, это обращение к прошлому казачества, к казачьей истории, во-вторых, это конструирование новых социальных, управленческих и культурных форм. Хотя сегодня многие ученые говорят не о возрождении казачества, а о становлении неказачества²⁰.

Многие ученые, общественные деятели, да и сами казаки считают, что возрождение казачества тормозят само государство и государственная политика в отношении казаков. Среди причин, породивших данную ситуацию, называются разделение казаков на «реестровых» и «нереестровых», недостаточное их привлечение к государственной службе, отсутствие условий для создания поселений казаков, низкий уровень поддержки их инициативы и самостоятельности.

Одной из проблем, тормозящих возрождение казачества, является поиск его идентичности. Кто такие казаки – этнос, социальная группа или сословие? В научной и обыденной практике нет однозначного ответа на данный вопрос. В Стратегии государственной политики в отношении казачества на 2021–2030 гг. дается определение казачеству как социокультурной общности; выделяется цель деятельности казаков – служение Российскому государству и обществу²¹.

При выявлении отношения общества к казачеству важно учитывать социальный статус казаков, который во многом обусловлен самоидентификацией казачества, осуществляющейся на основе этнического, сословно-социального и эмоционально-психологического факторов. Респонденты имели возможность оценить свою принадлежность к этой социальной группе: 39 % респондентов относят себя к казакам (казачкам); 43 % дали на этот вопрос отрицательный ответ, остальные (18 %) затруднились с ответом. При этом респонденты, считающие себя казаками, отметили, что они идентифицируют себя с казачеством на основании следующих критериев: по происхождению (55 %), по долгому сроку жизни на территории, обжитой казаками (34 %), по образу жизни и действий (12 %), по членству в казачьем обществе (15 %); 12 % опрошенных затруднились с ответом. В процессе исследования было выявлено, что треть респондентов (33 %) являются членами казачьих организаций, принимают участие в их мероприятиях

²⁰ Маркедонов С. М. Казачество в общественно-политических исканиях русской радикальной интеллигенции // Гуманитарная мысль Юга России в XX веке. Краснодар, 2000. С. 93–97.

²¹ Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы...



и разделяют духовно-нравственные ценности казачества. Следует обратить внимание на то, что респонденты могли идентифицировать себя по нескольким критериям, предложенным в анкете. Таким образом, среди опрошенных нет строгих субъективных критериев самоидентификации, а большая часть из них относят себя к казакам по происхождению, т. е. по примордиальным основаниям.

В современной науке существует позиция, согласно которой казаки – это этносоциальная группа. Казачество как этносоциальная группа, исходя из определения этноса, должно обладать такими признаками, как наличие обычаев, особого уклада жизни, культуры, но самый главный признак – это этническое самосознание как осознание своего единства. В настоящее время среди выделенных выше признаков сохраняются лишь этническое самосознание, обычаи, традиции.

По мнению Н. А. Вишняковой, казачество можно смело называть этносоциальной группой. Это обосновано тем, что казачеству присущи такие черты, как «...единство территории проживания, автохтонные наследственно-родовые связи, трансляция во времени культурных особенностей и традиций, в том числе и языковых»²². В исследованиях 90-х гг. XX в. получила свое распространение идея признания казаков народом.

В процессе нашего исследования было важно определить отношение населения к проблеме идентификации казаков. Мнения участников по этому вопросу разделились. Так, 43 % респондентов считают, что казаки – это самостоятельный народ России, 34 – сословие, 29 – члены казачьих обществ, внесенных в государственный реестр, 16 – этносоциальная группа, 13 – социокультурная общность, 12 % – культурно-этническая общность (респонденты могли выбрать несколько ответов). Большинство участников опроса отмечают идентификацию казачества как народа и сословия. Полученные результаты показывают, что значительная часть респондентов не выдвигает на передний план этнический критерий идентификации казачества; не популярна идентификация казаков и как социокультурной и культурно-этнической общности.

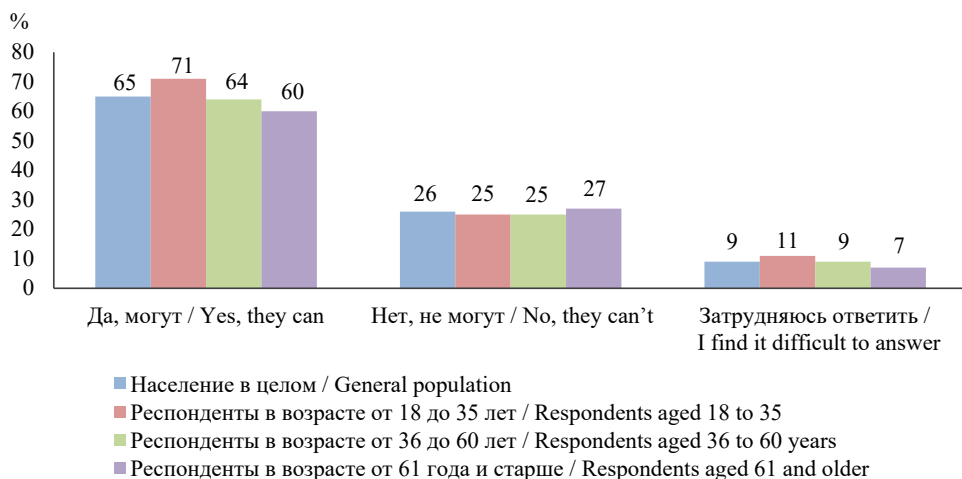
Идентичность казаков рефлексировалась, прежде всего, через оценку объединяющих признаков казачества. Респонденты имели возможность отметить, что именно объединяет казаков. Наиболее популярный вариант «традиции, обычаи, образ жизни» выбрали 34 % опрошенных; «общая история», «общая территория» (24 и 23 % соответственно); 19 % респондентов отмечают вариант «род деятельности». Полученные данные еще раз подтверждают обозначенную выше позицию: в обыденной практике нет строго очерченных критериев, характеризующих идентичность казачества.

Участие забайкальского казачества в патриотическом воспитании молодежи. Значимым аспектом исследования, определяющим основные направления деятельности казачьих организаций, является изучение идей, пропагандируемых забайкальскими казаками. Эта оценка представляет собой взгляд на деятельность казачества со стороны, на реализуемые современными казаками мероприятия, перспективы совершенствования работы казаков. Так, по мнению значительной части опрошенных забайкальцев (58 %), казаки пропагандируют идеи патриотизма.

²² Вишнякова Н. А. Казачество как социальный феномен.

Более половины респондентов (53 %) отмечают, что казачьи организации отстаивают идеи сохранения своей культуры. 34 % участников опроса отмечают, что казаки защищают свои традиционные ценности. 30 % респондентов считают, что для них важна верность воинским традициям, четверть опрошенных (26 %) отмечают значимость в деятельности казаков идей православия. Исходя из полученных данных, можно считать, что у забайкальцев сформировался целостный образ деятельности казачества. Основные идеи, пропагандируемые казачьими организациями, детерминированы целями и задачами, стоящими перед казаками, самой историей казачества, ее конструированием в современных условиях.

В современную эпоху – эпоху качественных преобразований всех сфер жизни общества, самого человека – актуальным становится патриотическое воспитание на исторических традициях, ценностях. Важная роль в реализации этой задачи принадлежит казачеству как защитнику Отечества, гражданину, демонстрирующему примеры героизма, мужества, любви к Родине. Казачество – это «действующее лицо» истории России. В связи с этим респондентам было предложено дать оценку потенциала забайкальского казачества в плане его влияния на патриотическое воспитание молодежи. Большинство респондентов (65 %) однозначно отмечают значительную роль казачьих организаций в патриотическом воспитании подрастающего поколения; четверть опрошенных (26 %) считают, что их деятельность не повлияет на патриотическое воспитание молодежи; затруднились с ответом 9 % респондентов (рисунок). Таким образом, результаты еще раз доказывают, что казаки занимают важное место в современном социуме.



Р и с у н о к. Распределение ответов на вопрос «Могут ли забайкальские казаки оказать влияние на патриотическое воспитание молодежи?» в разных возрастных группах, %

F i g u r e. Distribution of answers to the question “Can Trans-Baikal Cossacks influence on the patriotic education of young people?” in different age groups, %

Участие казачества в патриотическом воспитании молодежи обусловлено самой деятельностью казачьих организаций сегодня. Полученные данные вполне объяснимы: казачьи организации в рамках своих функций занимаются просветительской, духовно-нравственной деятельностью, используя примеры



героического прошлого казаков. Важным фактором обращения к патриотизму казачества является то обстоятельство, что история казачества сочетает традиции свободы и традиции государственности [21; 22].

Сегодня сложились и прошли апробацию различные формы патриотического воспитания на традициях забайкальских казаков: массовые мероприятия, казачьи классы в школах, введение казачьего компонента в учебные планы образовательных учреждений разного уровня, участие в православных праздниках, летние казачьи смены в лагерях и др. Воспитание на традициях патриотизма казачества – это активное участие прошлого в настоящем и будущем, использование исторического потенциала в формировании мировоззрения молодежи, ее ценностных ориентаций. Одним из факторов, определяющих влияние казачества на патриотическое воспитание, является сама многовековая история казачества, сформировавшая такие духовно-нравственные ценности, как любовь к Родине, военной службе, чувство помощи и поддержки, преданность православной вере, прочность семейных отношений.

О необходимости привлечения казачества к мероприятиям по совершенствованию социальной жизни свидетельствуют мнения респондентов: 51 % поддерживают активное участие казачьих организаций в воспитании патриотизма молодежи, а 26 % считают, что казаки уже сегодня берут на себя миссию по воспитанию патриотизма у молодежи Забайкалья, реализуют меры по возрождению патриотических традиций. Учитывая, что духовность является одной из идентификационных характеристик казаков, 24 % видят ответственность казаков в деле возрождения духовных ценностей молодежи. Важность участия казачества в формировании будущего России отмечают 10 % респондентов, а 5 % видят ценность участия казаков в поддержании общественного порядка. Респондентам было также предложено оценить опыт и возможности забайкальских казаков воспитывать чувство патриотизма у молодого поколения. Большинство участников опроса (43 %) положительно оценивают потенциал казачества в патриотическом воспитании молодежи, 38 % отмечают их недостаточный опыт в этом направлении; затруднились с ответом 19 %.

Казаки всегда были патриотами России. На протяжении своей истории, эволюции социального статуса они не только служили Родине, но и создали образцы воспитания молодежи, будущих казаков. Поэтому сегодня актуализируется необходимость обращения к опыту патриотического воспитания казаков. Респондентам было предложено оценить необходимость воспитания молодежи на патриотических традициях казачества. Значительная доля опрошенных (60 %) отмечают важность использования идей патриотизма казачества в воспитании современной молодежи. 26 % выразили сомнение в их необходимости, а 14 % затруднились с ответом. При этом респонденты, поддерживающие значимость воспитания современной молодежи на идеях патриотизма казачества, отмечают, что основной формой развития патриотизма молодых людей является их активное привлечение к деятельности казачьих обществ, участие в реализуемых ими проектах и программах, направленных на сохранение казачьей культуры, традиций, истории казаков. Респонденты справедливо полагают, что только таким образом, на практике, могут быть

восприняты идеи патриотизма. Именно так идеи могут стать действенной формой адаптации забайкальской молодежи в современном социальном пространстве, выработки своего восприятия мира.

Необходимость использования идей патриотизма, основой которого является традиционная культура как совокупность ценностей, традиций, профессиональных умений и навыков казака как воина-защитника и гражданина, объясняется следующими факторами: содержанием самого патриотизма казачества, педагогическими идеями и опытом, накопленными казаками в деле воспитания воина-защитника как основной функции казаков, определяющей их образ жизни и позицию гражданина. Эти две взаимосвязанные идеи пронизывают всю «казачью педагогику», отражают специфику деятельности забайкальского казака, особенности его быта²³.

Педагогическая система казачества включала совокупность прикладных знаний, накопленных казаками и передаваемых молодому поколению, формирование личности казака через изучение фольклора, эпоса, преданий, вовлечение молодежи в социальную практику (игры, различные воинские действия и др.), а также систему духовно-нравственных ценностей. Следует обратить внимание на то, что педагогика казачества реализовывалась не через специальные учебные заведения. Основными субъектами воспитания были семья, казаки-наставники, казачье войско. Казака воспитывали в повседневной жизни и через повседневность. Основой педагогической системы казаков является идея, пронизывающая весь уклад жизни казачества: «Казакom нужно родиться! Казакom нужно стать! Казакom нужно быть!». Все эти моменты подтверждают необходимость использования опыта казаков в патриотическом воспитании молодежи.

Обсуждение и заключение. Возрождение казачества сегодня вызывает множество споров, порождает весьма противоречивые точки зрения: казачество рассматривают как социальный эксперимент, социальный проект, изучают становление неказачества, реконструкцию казачества применительно к новым условиям. Следует отметить, что большинство ученых, политических деятелей, сами казачьи организации, а также значительная часть молодежи поддерживают процесс возрождения казачества. В настоящий момент сложилось неоднозначное представление о казаках как социальной общности, их происхождении и роли в современной социальной практике. Стремление самих казаков к возрождению, с одной стороны, а с другой – деятельность государства по «вписыванию» казаков в социум, становятся актуальным явлением сегодняшнего дня. В процессе решения данной задачи используются самые разнообразные технологии. Как дань прошлому казачества можно расценивать появление государственного реестра казаков, что вызывает неоднозначные реакции самих казаков и населения, создание казачьих общественных организаций, деятельность казачьих классов в образовательных учреждениях, проведение лагерных смен, казачьих фестивалей и др.

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о том, что жители Забайкалья поддерживают возрождение казачества. Казаки – это

²³ Пономаренко С. В. История забайкальского казачества // Вехи истории Бурятии. Улан-Удэ : Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова. 2021. С. 75–94.



сложное, неоднородное, многофункциональное социальное образование, не имеющее строго очерченных доминантных признаков идентификации и самоидентификации, которые в целом носят субъективный характер. Так было в истории, так происходит и сегодня. Раньше любой гражданин по рождению или своему желанию мог стать казаком, а многие из современных казаков причисляют себя к данной группе по происхождению. Если раньше требовалось исповедание православия, то сегодня этот признак самоидентификации стал необязательным [23].

Одним из идентификационных признаков казаков является патриотизм, любовь к Родине, ее защита, что было не раз подтверждено самой историей казачества. Это актуализирует участие казачества в патриотическом воспитании молодежи на примере истории, подвигов казаков на разных этапах своего развития. Молодые люди, проживающие на территории Забайкальского края, уверены, что казаки могут и способны приобщать молодежь к традициям прошлого как значимого условия формирования ее мировоззрения, ценностных ориентаций. Патриотизм казачества носит практический характер и рефлексруется в ценностях казаков. Реализуя идею патриотизма в своей деятельности, казаки становятся субъектом истории. Кроме того, важным моментом, детерминирующим актуальность трансляции патриотизма казаков на современную молодежь, является вера самого казачества в возможность использования казачьих ценностей, традиций в современном обществе. С другой стороны, казачество становится носителем сохраненных духовно-нравственных ценностей, а также воином и гражданином, обладающим специфическим мировоззрением и восприятием мира.

Казачество имеет огромный опыт воспитания патриотизма, накопленный веками. Использование традиций казачества в воспитании патриотизма сегодня предполагает реализацию следующих видов ресурсов:

- содержательные (казачьи ценности, традиции);
- организационные (деятельность казачьих организаций в сфере патриотического воспитания во взаимодействии с другими социальными институтами);
- социально-педагогические (современные социально-педагогические практики казачества)²⁴ [15].

Ценность использования патриотических традиций казачества и необходимость участия казаков в патриотическом воспитании молодежи признают жители Забайкальского края. Казачество сегодня выступает значимым ресурсом в формировании патриотических, духовно-нравственных ценностей, поскольку представляет собой единство духовности и военной силы.

Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении и научном осмыслении феномена патриотизма в условиях полиэтнического общества, процесса формирования чувства патриотизма у молодежи. Перспективы исследования связаны с формированием системы ценностей, идеалов, смыслов современного российского общества в существующих исторических реалиях на основе ценностей патриотизма. Теоретические положения и выводы статьи могут быть полезны краевым и муниципальным органам власти при разработке

²⁴ Иванов В. В. Роль преподавания предмета «История казачества» в гражданском и патриотическом воспитании...

проектов в сфере патриотического воспитания; в деятельности политических организаций, общественных движений Забайкальского края, учителям школ, преподавателям вузов, занимающихся вопросами воспитания молодежи, преподающих дисциплины социогуманитарного профиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Николина В. В. Ценностно-целевые ориентиры воспитания патриотизма в контексте социокультурных трансформаций российского общества // Нижегородское образование. 2021. № 2. С. 13–21. URL: http://nizhobr.nironn.ru/sites/default/files/NO-%20%E2%84%962%282021%29_0.pdf (дата обращения: 31.09.2023).
2. Сергеев О. И. Переселение российского казачества на Дальний Восток в середине XVII – начале XX вв.: основные этапы и их особенности // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. № 37. С. 14–24. <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2022-37-14-24>
3. Сиверская И. В., Болдырева Л. М., Штейнгардт Н. С. Особенности патриотического воспитания в казачьей среде в XVIII – начале XX вв. // Казачество. 2021. № 52. С. 66–71. EDN: YCWVXW
4. Астанкова Е. Н., Мезенцева Е. В. Роль молодежи в возрождении казачества в регионах традиционного проживания казаков: социологическое исследование // Концепт. Спецвыпуск. 2014. № 30. С. 1–8. URL: <https://e-koncept.ru/2014/14852.htm> (дата обращения: 31.09.2023).
5. Найдено В. Н. Пресечение проявлений насильственного этнорелигиозного экстремизма: экспертные оценки // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14, № 1. С. 137–154. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.1.8>
6. Зверев В. А., Пономарев И. И. Сибирское казачье войско: возобновление поколений казаков и неказачьего населения в конце имперского периода // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 148–163. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-4-13>
7. Немгирова С. Н., Манцаева А. А. Потенциал современного казачества // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2018. № 1 (36). С. 55–59. <https://doi.org/10.24411/2071-7830-2018-10009>
8. Рвачева О. В. Создание советского казачества на Юге России в середине 1930-х – начале 1940-х гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. 2014. № 3 (27). С. 81–92. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.3.9>
9. Riabov O. The Symbol of the Motherland in the Legitimation and Delegitimation of Power in Contemporary Russia // Nationalities Papers. 2020. Vol. 48, issue 4. Pp. 752–767. <https://doi.org/10.1017/nps.2019.14>
10. Годовова Е. В., Васильев И. Ю. Обзор современных публикаций, посвященных исследованию этнического состава казачьих войск // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25, № 3. С. 7–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-sovremennyh-publikatsiy-posvyaschennyh-issledovaniyu-etnicheskogo-sostava-kazachih-voysk> (дата обращения: 31.09.2023).
11. Сень Д. В., Швайба Н. И. Международная научно-практическая конференция «Казачество на службе Отечеству» (г. Ростов-на-Дону, 28 ноября 2022 г.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 109–112. URL: <https://izvestiya.sfedu.ru/social-sci/ru/archive/content/2022/SS%204,22.pdf> (дата обращения: 31.09.2023).
12. Михайлова Е. А. Российское казачество: факторы самоидентификации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 130–144. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.09>
13. Голубев В. В. Патриотизм как фактор устойчивости социальных систем экзистенциальный аспект морали российского общества // Инновационная наука. 2021. № 11-2. С. 54–59. URL: <https://aeterna-ufa.ru/sbornik/IN-2021-11-2.pdf> (дата обращения: 31.09.2023).
14. Щупленков О. В. История и традиции казачества – основа патриотического воспитания молодежи // Казачество. 2014. № 8. С. 41–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-i-traditsii-kazachestva-osnova-patrioticheskogo-vospitaniya-molodezhi> (дата обращения: 31.09.2023).



15. Ивченко С. Г., Сайганова Е. В. Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодежи // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11, № 2. С. 106–125. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.643>

16. Дзюбан В. В. Духовно-нравственное и военно-патриотическое воспитание казачьей молодежи // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. № 2. С. 60–64. EDN: PYNQNX

17. Decoding the Dynamics of Social Identity / W. Hall [et al.] // Social Psychological and Personality Science. 2019. Vol. 10, issue 4. Pp. 542–552. <https://doi.org/10.1177/1948550618772582>

18. Smaldino P. E. Social Identity and Cooperation in Cultural Evolution // Behavioural Processes. 2019. Vol. 161. Pp. 108–116. <https://doi.org/10.1016/j.beproc.2017.11.015>

19. Fotou M. Identity and Migration: From the “Refugee Crisis” to a Crisis of European Identity // Political Identification in Europe: Community in Crisis? / eds. by A. Machin and N. Meidert. Bingley : Emerald, 2021. Pp. 21–40. <https://doi.org/10.1108/978-1-83982-124-020211004>

20. Lisbeth A. Role Identity and the Europeanisation of Foreign Policy: A Political-Cultural Approach // Rethinking European Union Foreign Policy / eds. by B. Tonra, T. Christiansen. Manchester University Press, 2004. Pp. 81–91. <https://doi.org/10.7765/9781526137647.00011>

21. Peretyatko A. Y. The Importance of “Thoughts on Being Profitable for the State in the Financial Relation of the System of Contributing Irregular Troops by Special Population Groups, Enjoying for this Military Service Exemptions and Privileges” of N. I. Krasnov in the Legacy of the Author, and Social-Political Life of the Don 1860 // History and Historians in the Context of the Time. 2017. Vol. 15, no. 1. Pp. 4–22. URL: <https://hhct.cherkasgu.press/en/archive.html?number=2017-03-31-23:31:45&journal=18> (дата обращения: 31.09.2023).

22. Spencer R. The Palestinian Delusion: The Catastrophic History of the Middle East Peace Process. New York : Bombardier Books, 2019. 304 p. URL: https://books.google.ru/books/about/The_Palestinian_Delusion.html?id=MguYDwAAQBAJ&redir_esc=y (дата обращения: 31.09.2023).

23. Филимонов А. В. Проблемы сущности и идентичности казачества в исследовательских концепциях истории и этнографии // Гуманитарный вектор. 2017. № 1. С. 42–50. URL: <https://zabvektor.com/wp-content/plugins/zv-magazine-manager/article-information-page.php?article=474&locale=ru> (дата обращения: 31.09.2023).

Поступила в редакцию 22.03.2023; поступила после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 24.05.2023.

Об авторах:

Лига Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета Забайкальского государственного университета (672039, Российская Федерация, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4068-9709>, m-liga@inbox.ru

Щеткина Ирина Анатольевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Забайкальского государственного университета (672039, Российская Федерация, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0532-0524>, irinasocio@mail.ru

Захарова Елена Юрьевна, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Забайкальского государственного университета (672039, Российская Федерация, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9022-3520>, aglena_72@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

М. Б. Лига – обоснование концепции исследования, планирование исследования; обобщение результатов исследования; интерпретация результатов исследования; формулирование выводов.

И. А. Щеткина – проведение полевого исследования, сравнительного анализа; обобщение результатов исследования; интерпретация результатов исследования; разработка дизайна обзорно-аналитического исследования; формулирование выводов.

Е. Ю. Захарова – обоснование концепции исследования, планирование исследования; формулирование выводов; анализ литературы по теме исследования; критический анализ и доработка текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Nikolina V.V. Value Guidelines for the Education of Patriotism in the Context of Social and Cultural Transformations of Russian Society. *Nizhny Novgorod Education*. 2021;(2):13–21. Available at: http://nizhobr.nironn.ru/sites/default/files/NO-%20%E2%84%962%282021%29_0.pdf (accessed 31.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Sergeev O.I. The Resettlement of the Russian Cossacks to the Far East in the Middle of the 17th – Early 20th Centuries: the Main Stages and their Features. *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*. 2022;(37):14–24. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2658-5960-2022-37-14-24>
3. Siverskaya I.V., Boldyreva L.M., Steinhart N.S. Features of Patriotic Education in the Cossack Environment in the 18th and early 20th Centuries. *The Cossacks*. 2021;(52):66–71. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: YCWVXX
4. Astankova E.N., Mezenceva E.V. The Role of Youth in the Revival of the Cossacks in the Regions of Traditionally Inhabited by the Cossacks: A Sociological Study. *Koncept*. 2014;(30):1–8. Available at: <https://e-koncept.ru/2014/14852.htm> (accessed 31.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
5. Najdenko V.N. Suppression of Manifestations of Violent Ethno-Religious Extremism: Expert Assessments. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2023;14(1):137–154. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.1.8>
6. Zverev V.A., Ponomarev I.I. Siberian Cossack Army: Renewal of Generations of Cossacks and Non-Cossack Population at the End of the Imperial Period. *Historical Courier*. 2022;(4):148–163. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-4-13>
7. Nemgirova S.N., Mancaeva A.A. The Potential of Modern Cossacks. *Vestnik Instituta kompleksnyh issledovaniy aridnyh territorij*. 2018;(1):55–59. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2071-7830-2018-10009>
8. Rvacheva O.V. Formation of Soviet Cossacks Community in the South of Russia in the mid-1930s – early 1940s. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2014;(3):81–92. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.3.9>
9. Riabov O. The Symbol of the Motherland in the Legitimation and Delegitimation of Power in Contemporary Russia. *Nationalities Papers*. 2020;48(4):752–767. <https://doi.org/10.1017/nps.2019.14>
10. Godovova E.V., Vasiliev I.Yu. Review of Modern Publications on the Ethnic Composition of the Cossack Armies. *Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology*. 2019;25(3):7–15. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-sovremennyh-publikatsiy-posvyaschennyh-issledovaniyu-etnicheskogo-sostava-kazachih-voysk> (accessed 31.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
11. Sen' D.V., Shvaiba N.I. International Scientific and Practical Conference “Cossacks in the Service of the Fatherland” (Rostov-on-Don, November 28, 2022). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region*. 2022;(4):109–112. Available at: <https://izvestiya.sfedu.ru/social-sci/ru/archive/content/2022/SS%204,22.pdf> (accessed 31.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Mihajlova E.A. Russian Cossacks: Factors of Self-Identification. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2017;(4):130–144. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.09>
13. Golubev V.V. [Patriotism as a Factor in the Stability of Social Systems is an Existential Aspect of the Morality of Russian Society]. *Innovation Science*. 2021;(11-2):54–59. Available at: <https://aeter-na-ufa.ru/sbornik/IN-2021-11-2.pdf> (accessed 31.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
14. Shchuplenkov O.V. [The History and Traditions of the Cossacks are the Basis of the Patriotic Education of Youth]. *The Cossacks*. 2014;(8):41–60. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-i-traditsii-kazachestva-osnova-patrioticheskogo-vospitaniya-molodezhi> (accessed 31.09.2023). (In Russ.)
15. Ivchenkov S.G., Sajganova E.V. Values and their Influence on the Perception of Patriotism among Young People. *Vestnik Instituta sotziologii*. 2020;11(2):106–125. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.643>
16. Dzyuban V. V. Spiritual-Moral and Military-Patriotic Education of the Cossack Youth. *Vestnik of Kostroma State University*. 2012;(2):60–64. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: PYNQNX
17. Hall W., Schmader T., Aday A., Croft E. Decoding the Dynamics of Social Identity. *Social Psychological and Personality Science*. 2019;10(4):542–552. <https://doi.org/10.1177/1948550618772582>



18. Smaldino P.E. Social Identity and Cooperation in Cultural Evolution. *Behavioural Processes*. 2019;161:108–116. <https://doi.org/10.1016/j.beproc.2017.11.015>
19. Fotou M. Identity and Migration: From the “Refugee Crisis” to a Crisis of European Identity. In: Machin A., Meidert N., editors. *Political Identification in Europe: Community in Crisis?* Bingley: Emerald; 2021. p. 21–40. <https://doi.org/10.1108/978-1-83982-124-020211004>
20. Lisbeth A. Role Identity and the Europeanisation of Foreign Policy: A Political-Cultural Approach. In: Tonra B., Christiansen T. *Rethinking European Union Foreign Policy*. Manchester University Press; 2004. p. 81–91. <https://doi.org/10.7765/9781526137647.00011>
21. Peretyatko A.Y. The Importance of “Thoughts on Being Profitable for the State in the Financial Relation of the System of Contributing Irregular Troops by Special Population Groups, Enjoying for this Military Service Exemptions and Privileges” of N. I. Krasnov in the Legacy of the Author, and Social-Political Life of the Don 1860. *History and Historians in the Context of the Time*. 2017;15(1):4–22. Available at: <https://hhct.cherkasgu.press/en/archive.html?number=2017-03-31-23:31:45&journal=18> (accessed 31.09.2023).
22. Spencer R. *The Palestinian Delusion: The Catastrophic History of the Middle East Peace Process*. New York: Bombardier Books; 2019. Available at: https://books.google.ru/books/about/The_Palestinian_Delusion.html?id=MguyDwAAQBAJ&redir_esc=y (accessed 31.09.2023).
23. Filimonov A.V. The Problems of the Cossacks’ Essence and Identity in History and Ethnography Research Concepts. *Humanitarian Vector*. 2017;(1):42–50. Available at: <https://zabvektor.com/wp-content/plugins/zv-magazine-manager/article-information-page.php?article=474&locale=ru> (accessed 31.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)

Received 22.03.2023; revised 15.05.2023; accepted 24.05.2023.

About the authors:

Marina B. Liga, Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Transbaikal State University (30 Alexandro-Zavodskaya St., Chita 672039, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4068-9709>, m-liga@inbox.ru

Irina A. Shchetkina, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Work, Transbaikal State University (30 Alexandro-Zavodskaya St., Chita 672039, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0532-0524>, irinasocio@mail.ru

Elena Yu. Zakharova, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Head of the Department of Philosophy, Transbaikal State University (30 Alexandro-Zavodskaya St., Chita 672039, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9022-3520>, aglena_72@mail.ru

Contribution of the authors:

M. B. Liga – justifying the research concept, planning the research; summarizing the research results; interpreting the research results; formulating conclusions.

I. A. Shchetkina – conducting a field study, comparative analysis; summarizing research results; interpreting research results; developing a survey-analytical research design; formulating conclusions.

E. Yu. Zakharova – justification of the research concept, research planning; formulation of conclusions; literature analysis on the research topic; critical analysis and revision of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.



Мусульманские ценности в восприятии современной татарской молодежи: региональный аспект



М. Ю. Бареев

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация)
bareevmaksim@rambler.ru*

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена малой изученностью влияния религиозных норм и ценностей на повседневную жизнь общества. Процесс духовной интеграции при сохранении национальной социокультурной идентичности татар актуализировал в массовом сознании религиозные ценности, утверждение которых определяет обращение к традиционным для татарского населения Республики Мордовия мусульманским ценностям. Цель статьи – по результатам проведенного исследования определить уровень и характер восприятия мусульманских ценностей современной татарской молодежью Республики Мордовия.

Материалы и методы. Статья базируется на социологическом исследовании «Традиционные мусульманские ценности в восприятии современной татарской молодежи», проведенном автором в октябре 2022 г. В анкетном опросе приняли участие 100 чел. Данный метод позволил с высокой достоверностью воспроизвести «микромодель» генеральной совокупности на основе заранее выбранных квот, отражающих социально-демографические характеристики объекта.

Результаты исследования. Выявлен достаточно высокий уровень восприятия мусульманских ценностей современной татарской молодежью, в частности норм и ценностей, связанных с добрым и брачным поведением, ограничений в питании и манере одеваться, выполнении иных религиозных предписаний. В то же время такие ценностные аспекты, как благотворительность (помощь ближнему), распределение внутрисемейных социальных ролей в соответствии с нормами шариата, носят весьма противоречивый характер и в целом не находят высокого уровня восприятия.

Обсуждение и заключение. Исследование показало, что религия оказывает значимое влияние на многие аспекты жизни молодых татар. Полученные нами данные будут полезны ученым, исследующим религиозные практики, а также преподавателям мусульманских религиозно-просветительских учебных заведений.

Ключевые слова: татарская молодежь, мусульманские ценности, традиции и нормы, ислам, шариат, брачное поведение, татарский язык, национальная идентичность

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бареев М. Ю. Мусульманские ценности в восприятии современной татарской молодежи: региональный аспект // Регионология. 2023. Т. 31, № 4. С. 720–732. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.720-732>

© Бареев М. Ю., 2023



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Original article

Muslim Values in the Perception of Modern Tatar Youth: A Regional Aspect

M. Yu. Bareev

National Research Mordovia State University
(Saransk, Russian Federation)
bareevmaksim@rambler.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the study is due to the small study of the influence of religious norms and values on the daily life of society. The process of spiritual integration while preserving the national socio-cultural identity of the Tatars actualized religious values in the mass consciousness. The approval of which determines the appeal to the traditional Muslim values for the Tatar population of the Republic of Mordovia. The purpose of the article is to determine the level and nature of the perception of Muslim values by the modern Tatar youth of the Republic of Mordovia based on the results of the study.

Materials and Methods. The article is based on the sociological study "Traditional Muslim values in the perception of modern Tatar youth" conducted by the author in October 2022. 100 people took part in the questionnaire survey. This method allowed to reproduce with high reliability the "micro-model" of the general population on the basis of pre-selected quotas reflecting socio-demographic characteristics of the object.

Results. A sufficiently high level of perception of Muslim values by modern Tatar youth has been revealed, in particular norms and values related to premarital and marital behavior, restrictions in nutrition and the manner of dressing, the fulfillment of other religious prescriptions, at the same time such value aspects as charity (helping one's neighbor), the distribution of intra-family social roles in accordance with Sharia norms, they are very contradictory in nature, and generally do not find a high level of perception.

Discussion and Conclusion. The study showed that religion has a very significant impact on many aspects of the life of young Tatars. The data we have obtained will be useful to scholars researching religious practices as well as to teachers of Muslim religious and educational institutions.

Keywords: Tatar youth, Muslim values, traditions and norms, Islam, sharia, marital behavior, Tatar language, national identity

Conflict of interests. The author declares that there is not conflict of interest.

For citation: Bareev M.Yu. Muslim Values in the Perception of Modern Tatar Youth: A Regional Aspect. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):720–732. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.720-732>

Введение. Процессы социальной трансформации, происходящие в российском обществе, так или иначе определяют различные аспекты жизни людей. Исследования социологов, политологов, философов, экономистов прямо указывают на значительные изменения в финансово-экономической, социально-политической и духовной сферах российского общества.

Социально-экономическая нестабильность и внешнеполитическая турбулентность меняют многие установки массового сознания. Эти процессы неразрывно связаны с трансформацией ценностных систем и формированием, по сути, их обновленной иерархии, в том числе и за счет адаптации некоторых религиозных ценностей.

Интеграционные процессы в духовной сфере российского общества и сохранение социокультурной идентичности татар региона актуализировали в общественном сознании религиозные ценности, которые определяются обращением к традиционным для татарского населения Республики Мордовия мусульманским ценностям. Принятие мусульманских ценностей современной татарской молодежью напрямую связано с исламской идентичностью. При этом традиционные

мусульманские ценности являются неотъемлемой составной частью базовых общечеловеческих ценностей, сыгравших значительную роль в истории всей человеческой цивилизации и продолжающие оказывать огромное влияние на самые разные области нашей повседневной жизни.

В исламе, как и в любой мировой религии, можно выделить следующие основные (базовые) ценности: вера, жизнь, продолжение рода, разум, собственность. Обозначенные ценности нашли свое отражение и в нормах шариата. Также наряду с базовыми общечеловеческими в исламе существуют ценности, связанные непосредственно с религиозными предписаниями. Таким образом, мусульманские ценности – это не только базовые жизненные ценности, но и нравственные принципы, нормы и правила жизни в соответствии с законами шариата.

Вся жизнь мусульманина достаточно строго регламентируется нормами. Например, в традиционном (суннитском) исламе существуют вещи, которые обязательны к исполнению, такие как пятикратный намаз, отказ от алкоголя, свинины и пр. Существуют также вещи необязательные, но желательные, например, ношение женщинами хиджаба или бороды для мужчин, знание культуры и традиций своего народа. Существует и то, что запрещено исламом (харам) – сомневаться во всемогуществе Аллаха, давать деньги в рост (лихва), для женщин выходить замуж за немусульманина и т. д. Есть также не запрещенные, но при этом нежелательные вещи, например, мусульманину жениться на немусульманке, праздновать (отмечать) немусульманские праздники, устраивать поминки и пр.

Изучение влияния религиозных ценностей на повседневную жизнь общества в отечественной социологии представлено достаточно скудно, те работы, которые имеются, рассматривают преимущественно христианско-православные ценности, в то время как влияние мусульманских ценностей на массовое сознание и поведение россиян изучено крайне мало, что дополнительно актуализирует данную проблему.

Цель статьи – на основании авторского социологического исследования выявить характер вовлеченности татарской молодежи Республики Мордовия в религиозные (мусульманские) практики, благодаря чему появляется возможность оценить уровень восприятия традиционных мусульманских ценностей объектом исследования.

Обзор литературы. Религиозным ценностям посвящено немало работ философско-богословского характера, в то время как социологический подход в изучении данных ценностей в научных публикациях представлен незначительно.

Исследования религиозных ценностей с позиции философского подхода во многом определили идеи таких ученых-философов, как Платон, Филон Александрийский, И. Кант и др. Основные принципы изучения религии с позиции социологии были заложены М. Вебером, Э. Дюркгеймом, К. Марксом и др.

Одним из первых и, пожалуй, самым известным эмпирическим исследованием ценностей как таковых является работа У. Томаса и Ф. Знанецкого¹, в которой ученые проводят операционализацию самого понятия ценности, а также выявляют две ключевые закономерности: зависимость индивида от социальной организации и наоборот. С именем французского социолога Г. Ле Бра во многом

¹ Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. New York : Alfred A Knopf, 1927.



связано превращение социологии религии в самостоятельную научную дисциплину. В своих работах он сумел убедить научный мир в необходимости изучать не столько доктринальные особенности вероучения, сколько повседневное поведение рядовых верующих².

Вопросы взаимодействия религии и современного общества поднимает британский социолог Б. Тернер. В своем исследовании он анализирует работы достаточно широкого круга социологов, так или иначе занимавшихся вопросами религии; акцентирует антропологическую составляющую в их исследованиях, настаивая на том, что при рассмотрении религии нужно уделять внимание не только описанию религиозных практик, но и их восприятию носителями той или иной конфессии [1]. Вместе с тем Р. Инглхарт отмечает значительный упадок влияния религиозных ценностей в западном мире. По его мнению, с 2007 по 2020 г. почти все страны стали менее религиозны, однако именно в западных странах этот феномен проявляет себя особенно ярко. При этом упадок религии в мире, как отмечает ученый, – одно из самых серьезных явлений за всю историю³.

Влияние религиозных практик на уровень психологического состояния людей исследуют Д. Р. Пейн и С. Дж. Сэндидж. Авторы главным образом изучали связь между религиозной вовлеченностью и депрессией, где была выявлена отрицательная корреляция между ними [2]. Я. А. Шейбле и Ф. Фляйшманн изучают проблемы так называемой гендеризации исламской религиозности. В своей работе они рассматривают гендерные различия в религиозных практиках среди мусульманских меньшинств в Западной Европе и подчеркивают важность учета гендерных различий при изучении религиозности среди мусульманских меньшинств [3].

Среди российских ученых, занимающихся вопросами взаимодействия религии и общества, выделим Л. В. Воронцова, С. Б. Филатова и Д. Е. Фурмана как одних из первых исследователей динамики религиозности массового сознания россиян. Ими предложена интерпретация данных трех социологических опросов, проводившихся с 1990 по 1992 г. в рамках исследования взаимосвязи религиозных и политических взглядов в массовом сознании россиян [4]. Исследователей в первую очередь интересовала глубинная структура массового сознания – во что люди верят или стремятся верить, что для них есть добро и зло, а не меняющийся рейтинг политиков той эпохи.

Влияние этнокультурных архетипов на ценностные ориентации российского общества рассмотрены в работах А. В. Лубского, где российская государственность представлена как организованная форма общества со своей особой национально-государственной идеей, в которой «русский православный культурный архетип в качестве идеала государственной власти санкционировал в первую очередь власть единоличную (ответственную), сильную (авторитетную) и справедливую (нравственную). Этот “образ” власти был ориентирован на умеренный авторитарный идеал, который всегда сочетался с коллективным демократизмом охлократического толка»⁴.

² Le Bras G. *Études de sociologie religieuse*, Paris : Presses universitaires de France, 1956.

³ Инглхарт Р. Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. 238 с.

⁴ Лубский А. В. Какова связь между российской государственностью и русским культурным архетипом? // *Культурология в вопросах и ответах*. М. : Гардарики, 1999. С. 153–158

В работах В. И. Гараджи и Б. В. Дубинина изучены различные аспекты влияния религиозного фактора на повседневную (бытовую) жизнь людей, в том числе формирование духовности, восприятия религиозных норм и др.⁵ [5]. Рассмотрение религии не только как мировоззренческого инструментария или нравственно-эмоционального состояния, но и как фактора, влияющего на разные социальные процессы, можно найти в публикациях М. П. Мchedлова [6] и Ж. Т. Тощенко⁶, среди них взаимоотношение религии с государством, политикой, экономикой, СМИ, пенитенциарной системой, а также с различными социальными группами и сообществами.

Содержание христианских ценностей в массовом сознании (бессознательном) жителей исследует Т. Н. Анциферова [7], определяя характер их воздействия на формирование комплекса ценностных ориентаций современного российского общества. Попытка выявить субъективные оценки религиозных нормативных и ненормативных практик священнослужителями и прихожанами православных храмов была предпринята Е. А. Коваль, С. Г. Ушкиным, А. А. Сычевым и Н. В. Жадуновой [8].

Среди ученых, исследующих проблемы ислама в нашей стране, выделим работы Р. М. Мухаметшина и А. А. Закирова, в которых рассматриваются основные закономерности функционирования ислама и его институтов в мусульманском обществе Республики Татарстан и всего Волго-Уральского региона в XX в. [9; 10]. Учеными анализируются современные процессы в системе религиозных отношений Татарстана, оценивается деятельность Духовного управления мусульман Республики Татарстан, мусульманского духовенства, раскрываются механизмы использования исламского фактора общественно-политическими организациями и движениями. Также авторы дают оценку феномена восприятия религиозного реформизма в общественной мысли мусульман.

Процессы религиозного возрождения среди татарского населения Республики Татарстан рассматривает Л. Каримова. Опираясь на этнографические и социологические исследования татарских женщин-мусульманок, а также дискурсивный анализ историй их жизни, автор утверждает, что в основе возрождения исламской религиозности лежат дискуссии о природе ислама, который должен быть неотъемлемой частью татарской идентичности. Л. Каримова приходит к выводу, что татары-мусульмане осознают значимую роль религиозного образования и соблюдения мусульманских норм для установления и поддержания своей мусульманской идентичности [11].

Проблемы шариата и «традиционного татарского ислама» исследует Р. Гарипова [12]. Концепция «традиционного татарского ислама», не так строго придерживающегося некоторых норм шариата, сформировалась в постсоветский период, когда советская идентичность разрушалась и люди находились в поисках новых убеждений, а национальная татарская идентичность была неотделима от мусульманской идентичности. Идея традиционного татарского ислама, по словам Р. Гариповой, стала реакцией на внешние влияния, которая начала обособлять

⁵ Гараджа В. И. Социология религии : учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. 4-е изд., перераб. и доп. М. : НИЦ ИНФРА-М, 2021. 304 с.

⁶ Тощенко Ж. Т. Религиозная идентичность и бюрократия // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / отв. ред. М. П. Мchedлов. М. : Институт социологии РАН, 2008. С. 62–85.



татарско-мусульманское население России от иностранных мусульманских идентичностей. Вместе с тем Л. Ди Пуппо стремится изучить сдвиги в дискуссиях о «традиционном татарском исламе» в сторону более богословского понимания этого термина. Автор рассматривает это как попытки разработать местную интерпретацию ислама, которая хотя и основана на универсальных религиозных нормах, но не противоречит татарским национальным традициям и светскому современному образу жизни [13].

Анализ современного состояния ислама в России дает также А. В. Машенко. Его работы главным образом посвящены вопросам современного состояния межконфессиональных отношений и перспективам их развития [14], а также идеологической функции ислама в XXI в. и его роли в общественно-политических процессах современной России [15]. В работе Я. З. Гарипова и соавторов проанализированы процессы, связанные с ростом конфессионального и этнического самосознания молодежи, их влияние на межнациональные отношения, политические ориентации, систему ценностей, а также роли этнорелигиозного фактора в ее социализации⁷. Также учеными исследуются ценностные ориентации мусульманской молодежи и процессы конфессиональной социализации в контексте формирования толерантных межконфессиональных отношений⁸ [16].

Несмотря на наличие некоторого числа работ, посвященных этническому самосознанию и конфессиональной социализации татарской молодежи, обзор научной литературы свидетельствует о недостаточной изученности характера вовлеченности татарской молодежи России в религиозные практики и, как следствие, восприятия ими традиционных религиозных (мусульманских) ценностей.

При этом для общественно-политического и научного сообщества несомненный интерес представляют особенности социализации и процесс формирования конфессиональной идентичности современной мусульманской молодежи в России. В качестве примера нами исследована Республика Мордовия как регион, давно зарекомендовавший себя в качестве политически стабильного, отличающегося гармоничными межконфессиональными и межэтническими отношениями, где татары как основные носители ислама являются третьим по численности этносом и составляют более 5 % населения республики.

Материалы и методы. В статье использовались материалы социологического исследования, проведенного автором в октябре 2022 г. Данные, полученные в ходе опроса, позволили оценить не только вовлеченность индивидов в религиозные практики, но и оценить уровень восприятия ими тех или иных религиозных норм и ценностей. В качестве метода сбора социологической информации выступал онлайн-опрос, проведенный с помощью инструмента Google Forms. Выборка квотная, объем составил 100 чел. В рамках данной выборки осуществлялся направленный отбор респондентов татарской национальности в возрасте 18–35 лет.

⁷ Современные этнокультурные процессы в молодежной среде Татарстана : язык, религия, этничность / Я. З. Гарипов [и др.]. Казань : РИЦ «Школа», 2000. 138 с.

⁸ Нуруллина Р. В. Становление конфессиональной идентичности мусульманской молодежи (на материале Республики Татарстан) : специальность 22.00.06 «Социология культуры» : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2010. 23 с.

Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству.

Также критериями квотирования выступали пол респондентов и место их проживания (город/село). Данный подход обусловлен отсутствием основы для формирования вероятностной выборки, поскольку нет официальных статистических данных по общему количеству проживающих в регионе татар в возрасте от 18 до 35 лет. Тем не менее при условии соблюдения параметров квот данный объем выборки вполне достаточен для получения разведывательных данных о предмете исследования, позволяя с высокой достоверностью воспроизвести «микромодель» генеральной совокупности.

Обработка полученных данных осуществлялась в программе Microsoft Excel 2021. При обработке использовались как одномерные, так и двумерные распределения признаков.

В дальнейшем нами планируется проведение более масштабного исследования восприятия традиционных мусульманских ценностей жителями татарской национальности.

Результаты исследования. В распределении приоритетов так называемых базовых жизненных ценностей, как и ожидалось, на первом месте у опрошенных шли «семейное благополучие» и «собственное здоровье», далее – «материальный достаток» и «самореализация». При этом двое респондентов в выборе базовых ценностей в графе «другое» написали «духовность» и «религиозность» в качестве одного из трех важнейших ценностных приоритетов, а один респондент к наиважнейшим базовым ценностям отнес «успех страны».

Большинство (55 %) опрошенных татар хорошо знакомы с традициями и культурой своего народа, чуть менее половины их «немного знают», совсем не знакомы лишь 3 % респондентов. Также большинство опрошенных так или иначе владеют татарским языком (рис. 1). При этом в селе уровень владения татарским языком оказался заметно выше, чем в городе. Все это является свидетельством достаточно сильной национальной идентичности современной татарской молодежи, проживающей в регионе.

Что касается одного из базовых принципов ислама (во всем полагаться на Аллаха), то здесь также зафиксирован весьма высокий показатель: большинство (52 %) опрошенных считают, что «все в руках Аллаха». Однако при этом лишь 10 % респондентов регулярно посещают мечеть, более половины это делают редко или крайне редко.

Благотворительностью регулярно занимаются лишь 28 % респондентов, что является относительно низким показателем по сравнению с аналогичными данными в Республике Татарстан [17]. Между тем благотворительность также является одним из столпов ислама.

Исключительно пищей халяль питаются 41 % опрошенных, данный показатель стал для нас весьма неожиданным (предполагалось, что он будет существенно меньше), при том что в Мордовии не так много магазинов, продающих халяльную продукцию. Также примерно пятая часть (21 %) респондентов хоть и не питается исключительно пищей халяль, однако придерживается ограничений на употребление свинины и алкоголя (рис. 2).

Р и с. 1. Распределение ответов на вопрос о владении татарским языком среди респондентов, %⁹

F i g. 1. Knowledge of the Tatar language, %



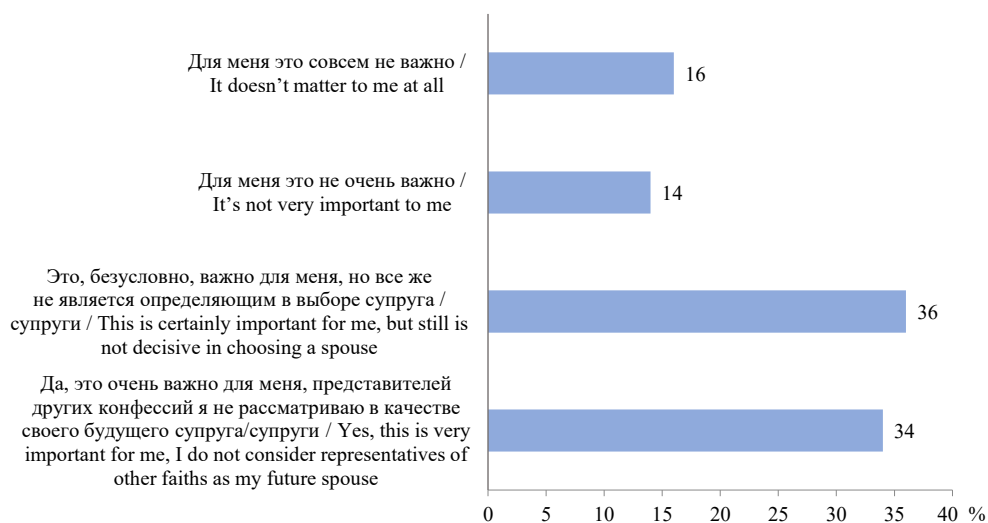
Р и с. 2. Распределение ответов на вопрос о соблюдении ограничений в питании, накладываемых исламом, %

F i g. 2. Distribution of answers to the question about following dietary restrictions imposed by Islam, %

Значительная доля опрошенных старается одеваться в соответствии с нормами, предписанными шариатом. Так, 34 % респондентов оценили свой гардероб на 5 и 4 балла (по 5-балльной шкале) – соответствующим традиционным исламским нормам.

Несмотря на то, что ислам более категоричен в возможности выбора брачного партнера по отношению к женщинам, статистически значимых различий в ответах между не состоящими в браке мужчинами и женщинами на вопрос «Для Вас важно, чтобы будущая жена/муж были с Вами представителями одной веры?» не наблюдалось. В то же время для большинства респондентов это важный фактор в выборе брачного партнера (рис. 3). Гендерных различий в данном вопросе для уже состоящих в браке респондентов также не наблюдалось: доля тех, чей супруг/супруга оказались немусульманами, была приблизительно одинаковой как для мужчин, так и для женщин, но в целом доля тех, чей супруг(а) были мусульманами, была значительно выше (78 % против 22 %).

⁹Здесь и далее в статье рисунки составлены автором.



Р и с. 3. Распределение ответов на вопрос
«Для Вас важно, чтобы будущая жена/муж были с Вами представителями одной веры?», %

F i g. 3. Distribution of answers to the question
“Is it important for you that the future wife/husband are representatives of the same faith as you?”, %

В отношении к интимной близости до заключения брака мнения респондентов разделились приблизительно поровну: одна половина опрошенных относится к этому в целом положительно, другая половина – отрицательно. При этом, по данным ряда социологических опросов [18], исследовавших добрачное поведение молодежи, количество противников добрачных сексуальных отношений минимально, что в целом плохо коррелирует с данными нашего опроса. С одной стороны, выборка нашего опроса не вполне репрезентативна, чтобы делать какие-то однозначные выводы относительно национальных и религиозных различий в моделях добрачного поведения современной молодежи, с другой – накладываемые исламом ограничения в отношении интимной близости до заключения брака (особенно по отношению к девушкам) могли повлиять на структуру распределения ответов, тем более что большинство опрошенных были женщины.

Две трети опрошенных согласились с утверждением, что «руководящую роль в семье должен выполнять мужчина». Данный факт хорошо согласуется с ценностями ислама, где главенствующую роль в семье непременно должен занимать мужчина. С другой стороны, это может являться пережитком патриархального уклада семейных отношений, который существует и по сей день в большинстве стран мира. 16 % респондентов затруднились с ответом на вопрос о руководящей роли мужчины в семье, и только 18 % опрошенных не согласились с данным утверждением (преимущественно женщины).

В традиционном исламе нежелательно, чтобы женщина (жена) в семье работала. Согласно шариату, полностью обеспечивать семью должен мужчина, а на женщину ложатся обязанности по обустройству домашнего быта, приготовлению пищи и воспитанию детей. Однако при ответе на вопрос



«Как Вы считаете, должна ли женщина в семье работать?» никто из респондентов не ответил однозначно «нет, не должна», подавляющее большинство предпочло вариант «если хочет, может работать там, где ей нравится, однако основная обязанность по содержанию семьи должна быть все равно на муже». Вместе с тем 14 % согласились с тем, что «женщина должна также работать и вносить свой вклад в общий семейный бюджет». С одной стороны, это может указывать на определенный уровень эмансипации современных мусульманок в России, с другой – на то, что основную долю ответственности по содержанию семьи, по мнению респондентов, все же должен нести мужчина. Здесь, вероятно, также имеет место пережиток патриархального уклада семейных отношений, который и сейчас существует в большинстве стран мира, особенно в странах с развивающейся экономикой.

Заключительный вопрос исследования был посвящен выявлению мнения респондентов о том, в какой традиции должен воспитываться ребенок в семье: в первую очередь в традициях ислама или светского российского государства. Большинство опрошенных считают, что их дети должны воспитываться в первую очередь в традициях ислама, и лишь чуть более трети (38 %) – в светских традициях российского государства. На наш взгляд, данное распределение указывает на весьма сильное влияние ислама на ценностные установки современной татарской молодежи.

Обсуждение и заключение. Подводя итог нашему исследованию, можем констатировать, что в целом наблюдается достаточно высокий уровень восприятия традиционных мусульманских норм и ценностей современной татарской молодежью, в частности норм и ценностей, связанных с добрачным поведением, выбором брачного партнера, ограничениями в питании и манерой одеваться. В то же время такие ценностные аспекты, как благотворительность (помощь ближнему), распределение внутрисемейных социальных ролей в соответствии с нормами шариата, носят среди респондентов весьма противоречивый характер и в целом, на наш взгляд, не находят высокого уровня восприятия. Существенных различий по большинству ответов между жителями города и села также не выявлено.

Таким образом, традиционные мусульманские ценности оказывают достаточно сильное влияние на многие аспекты жизни современных молодых людей татарской национальности. При сопоставлении проведенного исследования с нашими прошлыми работами [19] можно прийти к выводу, что за последние пятнадцать лет не прослеживаются значимые изменения в восприятии мусульманских ценностей татарами региона.

Результаты, полученные в данном исследовании, способствуют развитию научных представлений о религиозном сознании татарской молодежи и его влиянии на соблюдение традиционных мусульманских норм и практик. Материалы статьи могут быть использованы при составлении учебных курсов для преподавателей мусульманских религиозно-просветительских учебных заведений, в которых будут затрагиваться вопросы нормативного характера. При этом более детального изучения требуют выявление некоторых аспектов брачного и добрачного поведения татарской молодежи, обозначение контуров их этнорелигиозной и гражданской идентичности. Дальнейшая перспектива

подобного рода научных изысканий нами видится в переходе с регионального на межрегиональный уровень (Приволжский федеральный округ), где бы исследовалась татарская молодежь не только Республики Мордовия, но и других регионов плотного проживания татар в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Turner B. S. Religion and Modern Society. Citizenship, Secularisation and the State. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 344 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511975660>
2. Paine D. R., Sandage S. J. Religious Involvement and Depression: The Mediating Effect of Relational Spirituality // Journal of Religion and Health. 2017. Vol. 56, no. 1. Pp. 269–283. <https://doi.org/10.1007/s10943-016-0282-z>
3. Scheible J. A., Fleischmann F. Gendering Islamic Religiosity in the Second Generation: Gender Differences in Religious Practices and the Association with Gender Ideology among Moroccan- and Turkish-Belgian Muslims // Gender and Society. 2013. Vol. 27, issue 3. Pp. 372–395. <https://doi.org/10.1177/0891243212467495>
4. Воронцова Л. В., Филатов С. Б., Фурман Д. Е. Религия в современном массовом сознании // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 81–91. URL: <http://krotov.info/history/20/tarabuk/1995voro.html> (дата обращения: 28.06.2023).
5. Дубин Б. В. Религиозная вера в России 90-х годов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1999. № 1 (39). С. 31–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-vera-v-rossii-90-h-godov> (дата обращения: 28.06.2023).
6. Мчедлов М. П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межцивилизационных контактах // Социологические исследования. 2006. № 10 (270). С. 33–40. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-10/mchedlov.pdf> (дата обращения: 28.06.2023).
7. Анциферова Т. Н. Религия в условиях информатизации социальной реальности // Теория и практика общественного развития. 2018. № 5 (123). С. 73–76. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.5.14>
8. Каноны, обычаи, суеверия: восприятие православных церковных норм и практик священнослужителями и прихожанами Мордовской митрополии Русской православной церкви / Е. А. Коваль [и др.] // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 3 (124). С. 584–603. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.584-603>
9. Мухаметшин Р. М. Становление конфессиональной политики в России: опыт Татарстана // Россия и мусульманский мир. 2011. № 8. С. 40–55 URL: http://inion.ru/site/assets/files/4248/2011_8.pdf (дата обращения: 28.06.2023).
10. Zakirov A. A., Kashaf Sh. R., Mukhametshin R. M. Religious Reformism and Jadidism in the Volga-Ural Region of Imperial Russia (XIX – the Beginning of XX Centuries) // Orientalistica. 2022. Vol. 5, no. 3. Pp. 543–556. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-3-543-556>
11. Karimova L. Muslim Revival in Tatarstan // Nova Religio. 2013. Vol. 17, issue 1. Pp. 38–58. <https://doi.org/10.1525/nr.2013.17.1.38>
12. Garipova R. Shari'a and 'Traditional Tatar Islam': From Flexibility to Protection // Anthropological Journal of European Cultures. 2018. Vol. 27, no. 1. Pp. 105–108. URL: <https://www.jstor.org/stable/26879444> (дата обращения: 28.06.2023).
13. Di Puccio L. The Paradoxes of a Localised Islamic Orthodoxy: Rethinking Tatar Traditional Islam in Russia // Ethnicities. 2019. Vol. 19, issue 2. Pp. 311–334. <https://doi.org/10.1177/1468796819828754>
14. Малащенко А. В. Ислам в России: религия и политика // Исламоведение. 2010. № 3 (5). С. 67–85. URL: <https://islam.dgu.ru/archive.aspx?idS=52> (дата обращения: 28.06.2023).
15. Малащенко А. В. Ислам и коммунизм: две мечты, надежды и две судьбы // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 118–126. URL: <https://ons-journal.ru/s086904990010754-1-1/> (дата обращения: 28.06.2023).
16. Гарипов Я. З., Нуруллина Р. В. Мусульманская молодежь Татарстана: конфессиональная социализация и ценностные ориентации // Социологические исследования. 2011. № 8 (328). С. 123–131. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-8/Garipov.pdf> (дата обращения: 28.06.2023).
17. Ларионова Т. П. Благотворительность в избирательных округах Татарстана и адресная социальная защита населения в 90-х годах XX века: опыт сопоставительного анализа // Вестник



Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 5. С. 318–324. URL: <http://www.vestnik.unn.ru/numera?anum=2758> (дата обращения: 28.06.2023).

18. Белинская Д. В. Отношение к добрачному поведению молодежи XXI в. (на материалах эмпирического исследования) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Обществнные науки. 2015. № 3 (3). С. 70–76. URL: <http://journals.tsutmb.ru/go/2413-6840/2015/3/70-76/> (дата обращения: 28.06.2023).

19. Бареев М. Ю. Ислам в контексте конфессиональной ситуации региона // Регионология. 2007. № 1 (58). С. 231–239. URL: https://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2007_1.pdf (дата обращения: 28.06.2023).

Поступила в редакцию 08.06.2023; поступила после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 17.10.2023.

Об авторе:

Бареев Максим Юрьевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6228-100X>, bareevmaksim@rambler.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Turner B.S. Religion and Modern Society. Citizenship, Secularisation and the State. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511975660>
2. Paine D.R., Sandage S.J. Religious Involvement and Depression: The Mediating Effect of Relational Spirituality. *Journal of Religion and Health*. 2017;56(1):269–283. <https://doi.org/10.1007/s10943-016-0282-z>
3. Scheible J.A., Fleischmann F. Gendering Islamic Religiosity in the Second Generation: Gender Differences in Religious Practices and the Association with Gender Ideology among Moroccan- and Turkish-Belgian Muslims. *Gender and Society*. 2013;27(3):372–395. <https://doi.org/10.1177/0891243212467495>
4. Vorontsova L.V., Filatov S.B., Furman D.E. [Religion in the Modern Mass Consciousness]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1995;(11):81–91. Available at: <http://krotov.info/history/20/tarabuk/1995voro.html> (accessed 28.06.2023). (In Russ.)
5. Dubin B.V. Religious Faith in Russia of the 1990s. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 1999;39(1):31–39. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-vera-v-rossii-90-h-godov> (accessed 28.06.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
6. Mchedlov M.P. [Religious Identity. On New Problems in Intercivilizational Contacts]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2006;(10):33–40. Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-10/mchedlov.pdf> (accessed 28.06.2023). (In Russ.)
7. Antsiferova T.N. Religion in the Information Environment of Social Reality. *Theory and Practice of Social Development*. 2018;(5):73–76. <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.5.14>
8. Koval E.A., Ushkin S.G., Sychev A.A., Zhadunova N.V. Canons, Customs, Superstitions: The Perception of Orthodox Church Norms and Practices by Clergy and Parishioners of the Mordovia Metropolis of Russian Orthodox Church. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(3):584–603. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.124.031.202303.584-603>
9. Mukhametshin R.M. Formation of Confessional Policy in Russia: The Experience of Tatarstan. *Russia and the Muslim World*. 2011;(8):40–55. Available at: http://inion.ru/site/assets/files/4248/2011_8.pdf (accessed 28.06.2023). (In Russ.)
10. Zakirov A.A., Kashaf Sh.R., Mukhametshin R.M. Religious Reformism and Jadidism in the Volga-Ural Region of Imperial Russia (XIX – the Beginning of XX Centuries). *Orientalistica*. 2022;5(3):543–556. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2022-5-3-543-556>
11. Karimova L. Muslim Revival in Tatarstan. *Nova Religio*. 2013;17(1):38–58. <https://doi.org/10.1525/nr.2013.17.1.38>



12. Garipova R. Shari'a and 'Traditional Tatar Islam': From Flexibility to Protection. *Anthropological Journal of European Cultures*. 2018;27(1):105–108. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26879444> (accessed 28.06.2023).
13. Di Puppo L. The Paradoxes of a Localised Islamic Orthodoxy: Rethinking Tatar Traditional Islam in Russia. *Ethnicities*. 2019;19(2):311–334. <https://doi.org/10.1177/1468796819828754>
14. Malashenko A.V. [Islam in Russia: Religion and Politics]. *Islamic Studies*. 2010;(3):67–85. Available at: <https://islam.dgu.ru/archive.aspx?idS=52> (accessed 28.06.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
15. Malashenko A.V. Islam and Communism: Two Dreams, Hopes and Two Destinies. *Social Sciences and Contemporary World*. 2020;(4):118–126. Available at: <https://ons-journal.ru/s086904990010754-1-1/> (accessed 28.06.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
16. Garipov Ya.Z., Nurulina R.V. [Muslim Youth of Tatarstan: Confessional Socialization and Value Orientations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2011;(8):123–131. Available at: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/2011-8/Garipov.pdf> (accessed 28.06.2023). (In Russ.)
17. Larionova T.P. Contemporary Charity in Tatarstan and Targeted Social Protection of Population in 1990s: An Attempt of Comparative Analysis. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2009;(5):318–324. Available at: <http://www.vestnik.unn.ru/ru/nomera?anum=2758> (accessed 28.06.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
18. Belinskaya D.V. Relation to the Premarital Behaviour of the Youth of 21 Century (Based on the Material of Practical Research). *Tambov University Review. Series Social Sciences*. 2015;(3):70–76. Available at: <http://journals.tsutmb.ru/go/2413-6840/2015/3/70-76/> (accessed 28.06.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
19. Bareev M.Yu. Islam in the Context of Regional Confessional Situation. *Russian Journal of Regional Studies*. 2007;(1):231–239. Available at: https://regionsar.ru/sites/default/files/pdf/reg_2007_1.pdf (accessed 28.06.2023). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 08.06.2023; revised 12.10.2023; accepted 17.10.2023.

About the author:

Maxim Yu. Bareev, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6228-100X>, bareevmaksim@rambler.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.



СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES



УДК 316.334.3:328.185

doi: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753

Оригинальная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2413-1407 (Print)

ISSN 2587-8549 (Online)

Парадоксальные формы проявления институционального социального доверия в российских регионах: коррупция и теневая занятость как типы социального доверия



И. А. Юрасов^{1,3}



В. В. Бондаренко¹



С. В. Полутин²



О. А. Зябликова¹ ✉



О. Н. Юрасова³

¹ Пензенский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации (г. Пенза, Российская Федерация)

² Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация)

³ Пензенский государственный университет (г. Пенза, Российская Федерация)
✉ has18068881@rambler.ru

Аннотация

Введение. При недостатке официального институционального доверия населения к органам власти оно перетекает в неформальные, криминальные и полукриминальные социальные сферы, в коррупционные социальные связи и группы и в неформальную экономику, теневую занятость. Цель статьи – провести социологический теоретико-методологический анализ парадоксальных форм институционального социального доверия в российском обществе в виде коррупционных и теневых экономических связей.

Материалы и методы. Эмпирические данные о теневом рынке труда в Российской Федерации были получены в ходе массового опроса и скрытых интервью, проведенных в 2021 г. в 10 областях Российской Федерации и 2 мегаполисах. В ходе исследования были использованы

© Юрасов И. А., Бондаренко В. В., Полутин С. В., Зябликова О. А., Юрасова О. Н., 2023



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

общенаучные, логические методы, применялись структурно-функциональный, социокультурный, антропосоциокультурный, проективный подходы в современной социологии, методика социологического воображения, методология анализа и формирования «мы-групп».

Результаты исследования. Установлено, что такие негативные социальные явления, как бытовая и деловая коррупция, теневая (неформальная) трудовая занятость, являются парадоксальной формой выражения институционального доверия в обществе. Выявлено, что при недостатке базового институционального доверия российского населения к государственной и муниципальной власти социальное доверие перетекает в неформальные, полукриминальные и криминальные сферы. Доказано, что коррупция и неформальная занятость как формы социальной практики становятся формами выражения специфического политического доверия, основанного на сильных социальных связях в российских регионах. Определено, что коррупция и неформальная занятость становятся видом неформальной социальной самоорганизации общества, которые снимают разрыв между политическими общинами элиты и ожиданиями гражданского общества.

Обсуждение и заключение. Коррупция и неформальная экономика становятся парадоксальной формой проявления ситуативного, горизонтального, институционального доверия, основанного на сильных (родственных, своих, дружеских) связях, на социальных связях «мы-группы», на атомизме российского регионального социума. Настоящее исследование может быть практически использовано учеными-социологами, а также юристами, криминалистами и работниками правоохранительных органов Российской Федерации.

Ключевые слова: социальное доверие, социальный парадокс, коррупция, теневая занятость, горизонтальные и вертикальные связи, сильные и слабые социальные связи, «мы-группа»

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам и редакции журнала «Регионология» за ценные рекомендации, замечания и советы, которые помогли улучшить качество текста.

Финансирование. Исследование выполнено за счет средств государственного задания (ВТК-ГЗ-ПИ-48-23) «Разработка методических рекомендаций по повышению институционального доверия к органам власти студенческой молодежи в сетевом информационном пространстве в условиях глобальных культурологических и цифровых трансформаций».

Для цитирования: Парадоксальные формы проявления институционального социального доверия в российских регионах: коррупция и теневая занятость как типы социального доверия / И. А. Юрасов [и др.] // Регионология. 2023. Т. 31, № 4. С. 733–753. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753>

Original article

Paradoxical Manifestations of Institutional Social Trust in Russian Regions: Corruption and Shadow Employment as Types of Social Trust

I. A. Yurasov^{a,c}, V. V. Bondarenko^a, S. V. Polutin^b, O. A. Zyablikova^a ✉, O. N. Yurasova^c

^a Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Penza, Russian Federation)

^b National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)

^c Penza State University (Penza, Russian Federation)

✉ has18068881@rambler.ru

Abstract

Introduction. The paradoxicality of which lies in the fact that with a lack of official institutional trust of the population in the authorities, it flows into informal, criminal and semi-criminal social spheres, into corrupt social ties and groups, and into the informal economy, shadow employment. The purpose of the article is to conduct a sociological theoretical and methodological analysis of the paradoxical forms of institutional social trust in Russian society in the form of corrupt and shadow economic ties.

Materials and Methods. Empirical data on the shadow labor market in the Russian Federation were obtained in the course of mass and expert surveys conducted in 2021 in 10 regions of the Russian Federation and 2 megacities. In the course of preparing this publication, general scientific, logical methods were used,



structural-functional, sociocultural, anthroposociocultural, projective approaches in modern sociology, the method of sociological imagination, the methodology of analysis and the formation of “we-groups”.

Results. In the course of the authors’ research, it was found that such negative social phenomena as domestic and business corruption, shadow (informal) employment are a paradoxical form of expression of institutional trust in society. The paradox of the sociological correlation of corruption and shadow employment with institutional trust only at first glance seems illogical and contrary to sound scientific understanding. As a result of the analysis, the authors have revealed that with a lack of basic institutional trust of the Russian population in state and municipal authorities, social trust flows into informal, semi-criminal and criminal spheres. It has been proved that corruption and informal employment as forms of social practice become forms of expression of specific political trust based on strong social ties (blood related, kindred, friendly) in Russian regions. The authors’ team determined that corruption and informal employment are becoming a type of informal social self-organization of society, which close the gap between the political communications of the elite and the expectations of civil society.

Discussion and Conclusion. Corruption and the informal economy are becoming a paradoxical form of manifestation of situational, horizontal, institutional trust based on strong (blood related, kindred, friendly) ties, on the social ties of “we-groups”, on the atomism of the Russian regional society. This research can be practically used by sociologists, lawyers, criminologists, social psychologists, law enforcement officers of the Russian Federation.

Keywords: social trust, social paradox, corruption, informal employment, horizontal and vertical ties, strong and weak social ties, “we-groups”

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interests.

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers and editors of the Russian Journal of Regional Studies for valuable recommendations, comments and advice that helped improve the quality of the text.

Funding. The study was carried out at the expense of the state task (VTK-GZ-PI-48-23) “Development of methodological recommendations for increasing institutional trust in the authorities of student youth in the network information space in the context of global cultural and digital transformations”.

For citation: Yurasov I.A., Bondarenko V.V., Polutin S.V., Zyblikova O.A., Yurasova O.N. Paradoxical Manifestations of Institutional Social Trust in Russian Regions: Corruption and Shadow Employment as Types of Social Trust. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):733–753. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753>

Введение. Социальное доверие представляет собой сложный общественный феномен, объединяющий многие социальные факторы, рациональные и эмоциональные компоненты, которые самым причудливым образом иерархически организованы [1]. Социальное доверие основано на вере как социально-психологическом феномене.

Цель статьи – провести теоретико-методологический анализ коррупции и неформальной трудовой занятости как проявления парадоксальных форм институционального социального доверия в российском обществе. Согласно авторской гипотезе, коррупционные и теневые экономические связи основываются на «сильных» (родственных, своих, дружеских) связях, на социальных связях «мы-группы», которые формируются на чувстве доверия участников криминальных и полукриминальных связей друг к другу. В ситуации динамического социального равновесия при недостатке формализованных, институциональных форм социального доверия происходит перетекание формальных институциональных форм социального доверия в неформальные сферы.

Мы стремимся решить эту проблему с другой стороны, выявив ментальные, социокультурные, социально-экономические основы формирования коррупционных и неформальных трудовых связей. По нашему предположению, в основе

коррупции и неформальной экономики лежит горизонтальное социальное доверие участников этих криминальных и полукриминальных схем.

Определив горизонтальное социальное доверие как один из источников криминального и полукриминального поведения, можно сформировать предпосылки для создания новых методов и способов борьбы с коррупцией и неформальной занятостью, основанных на управлении институциональным социальным доверием.

Обзор литературы. В социологии существует много трактовок социального доверия. Р. Инглхарт и К. Вельцель выделяют горизонтальное и вертикальное доверие [2]. Они противоположны по направленности социального действия. Горизонтальное доверие формируется между равноправными индивидами, влияет на социальную самоорганизацию, на развитие демократической культуры. Вертикальное, включая доверие политическим институтам, направлено на укрепление иерархических общественных связей и формируется между зависимыми индивидами.

Э. Усландер основывается на положении, что обобщенное межличностное доверие строится на позитивном взгляде на природу человека [3]. С. Змерли считает доверие важной особенностью социальной жизни, которое позволяет более эффективно действовать индивидам в обществе [4]. В. Мишлер и Р. Роуз приходят к мысли, что институциональное доверие рационально обосновано. Оно базируется на оценке эффективности институтов гражданами, а межличностное – более иррационально и основано на эмоциональных компонентах [5]. К. Ньютон не находит связи между социальным и политическим доверием. На эти разные виды доверия влияют разные переменные. Он приходит к выводу, что борьба с социальным неравенством ведет к росту институционального доверия [6]. В. Ванг, К. Ву, исследуя восточную специфику государственного управления, осторожно связывали ценности институционального доверия с коррупционными ценностями в восточных обществах [7; 8]. К. Зондерсков, В. Шляпентох, занимаясь исследованиями политической коррупции и доверия, видели опасность развития на этом фоне нефеодалных, архаических тенденций, когда специфический тип социального доверия в малых социальных группах укрепляет коррупционные связи, и на их основе формируется новый тип нефеодалной социальной структуры¹ [9].

Согласно первичным авторским исследованиям, коррупционные социальные связи являются одними из наиболее прочных и крепких в российских регионах, на их основе формируются новые, специфические архаические связи, основанные на сильных социальных связях (родственных, свойских, дружественных). Эти специфические социальные отношения и связи трансформируют российскую социальную структуру, формируют сословный тип стратификации² [10–13], усиливая тем самым архаичные нефеодалные тенденции в Российской Федерации [14–18].

¹ Shlapentokh V., Joshua W. J. Contemporary Russia as a Feudal Society: A New Perspective on the Post-Soviet Era. Palgrave Macmillan, 2007. 278 p.

² Парсонс Т. Т. Система современных обществ. М. : Аспект Пресс, 1998. 270 с.; Социальные трансформации на рынке труда России: неформальная занятость / И. А. Юрасов [и др.]. М. : ИНФРА-М, 2021. 164 с.



Неформальная экономика, теневая занятость исследовалась Ж. Т. Тощенко [19], А. Портесом [20], членами авторского коллектива [21]. Базовое отличие этой формы экономической занятости от традиционных официальных состоит в сильных неформальных социальных связях, весьма распространенных среди мигрантов и коренного населения, не доверяющего государственной экономической политике.

Многие исследователи (Е. А. Кривоусова, Р. Р. Агишев, О. Н. Барина) отмечали низкий уровень институционального доверия в Российской Федерации и полагали, что он тормозит общественные инициативы, замедляет течение реформ. Причиной низкого доверия, по мнению исследователей, является разрыв между обещаниями властей и ожиданиями населения, хотя в современных российских социальных условиях институциональное доверие при недостатке в одних областях (официальных, доверие к органам власти) перетекает в более дружественные, неформальные сферы, создавая парадоксальные его формы и проявления. В этом случае коррупция и теневая экономическая занятость могут существовать только на основе высокого уровня доверия между участниками этих схем. И эта основа предполагает трансформацию коррупции и неформальной теневой экономики в специфические формы институционального доверия, причем не только в России, но и во всем мире³ [22]. Связь социального доверия и теневого предпринимательства отмечали А. Портес, Р. Патнэм и другие, справедливо утверждая, что теневые неформальные экономические структуры в США формируются на высоком, часто вынужденном уровне доверия мигрантов – участников теневого предпринимательства друг к другу, и при недостатке доверия к новому социальному окружению – недоверию к государственной власти приютившей их страны⁴ [23; 24].

Г. А. Сатаров утверждает, что коррупция формируется в обществах с ускоренной модернизацией, в результате которой проходит автоматический перенос модернизированных социальных институтов в традиционное, архаическое социальное окружение. Коррупция становится своеобразным «зазором между новыми формальными нормами и старыми неформальными нормами и практиками». В них внедряется коррупция как инструмент указанного выше сопротивления. Чем масштабнее институциональные перемены и, следовательно, чем больше зазор между «старым» и «новым», тем больше простор для роста новых форм коррупции⁵.

А. Л. Журавлев, А. В. Юревич отмечают, что коррупция в российском обществе является порождением специфической психологической структуры, основанной на готовности людей давать взятки, и что российская коррупция

³ Кривоусова Е. А. Факторы восприятия коррупции в регионах России // Моделирование экономических процессов методами эконометрики и статистики : тез. XV Междунар. конф. Екатеринбург : ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2021. С. 517–520.

⁴ Bannenberg B., Schauensteiner W. J. Korruption in Deutschland: Portrait Einer Wachstumsbranche. München; Beck, 2004. 227 p.; Wunsch T., Söller C. Korruption in Ost und West: Eine Debatte. Passau; Stutz, 2008. 106 p.; Putnam R. Tuning in, Tuning out: The Strange Disappearance of Social Capital in America // Political Science and Politics. 1995. Vol. 28, issue 4. Pp. 664–683. <https://doi.org/10.2307/420517>

⁵ Сатаров Г. А. Российская коррупция: уровень, структура, динамика : опыт социологического анализа. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2013. С. 64.

является результатом специфических ценностей: агрессивности, толерантности к коррупции, приоритета неформальных социальных отношений над формальными, осторожности в установлении близких связей и др. [25, с. 57].

Таким образом, институциональное социальное доверие является одной из актуальных тем в современных российских социальных условиях, что обуславливает необходимость изучения региональной специфики данной проблемы.

Материалы и методы. В основу методологии и методики настоящего исследования легли: социологическая концептуализация, представляющая собой изучение общественных фактов на теоретическом уровне и последующее создание концептуальной схемы исследования; логические методы научного анализа, основанные на логическом анализе, синтезе, абстрагировании, создании аналогий; социологическое воображение (Ч. Миллз), которое представляет собой способ рассмотрения социологического феномена под определенным углом зрения, основывается на понимании скрытых структур и ресурсов, ограничений, влияющих на общественную жизнь; социокультурный анализ специфики общественных явлений; цивилизационный подход, основывающийся на том, что социокультурные, религиозные, конфессиональные, этнографические особенности детерминируют социальные контексты развития социальных явлений; типологизация; структурно-функциональный подход (Т. Парсонс, Р. Мертон и др.); методология анализа и формирования «мы-групп» (А. Шютц); факторный анализ; эмпирические методы социологических исследований (количественные методы социологических исследований – массовый опрос; качественные методы – скрытые интервью) – отношения жителей России к коррупции и социально-экономические исследования неформального (теневого) рынка.

Оценка уровня коррупции проводилась согласно «Методике проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации № 662 от 25 мая 2019 г. Авторские социальные замеры параметров коррупции носили мониторинговый характер и регулярно проводились в анализируемых регионах с 2019 по 2023 г. В период с 2015 по 2018 г. мониторинг коррупции осуществлялся на основе авторской методологии, целью которой было выявление отношения респондентов к коррупции в регионе и определение наиболее коррупциогенных сфер. В период с 2019 по 2023 г. было опрошено 1 560 респондентов, оценивающих уровень бытовой коррупции, проживающих в 48 субъектах Российской Федерации, и 207 человек из 18 субъектов Российской Федерации, оценивающих уровень деловой коррупции. Количество результативных анкет в области оценки бытовой коррупции составило 1 504, в области деловой коррупции – 191. Генеральная выборка по исследованию составила 1 560, совокупная – 1 284. От всех респондентов было получено информированное согласие на участие в исследовании и обработку полученных ответов.

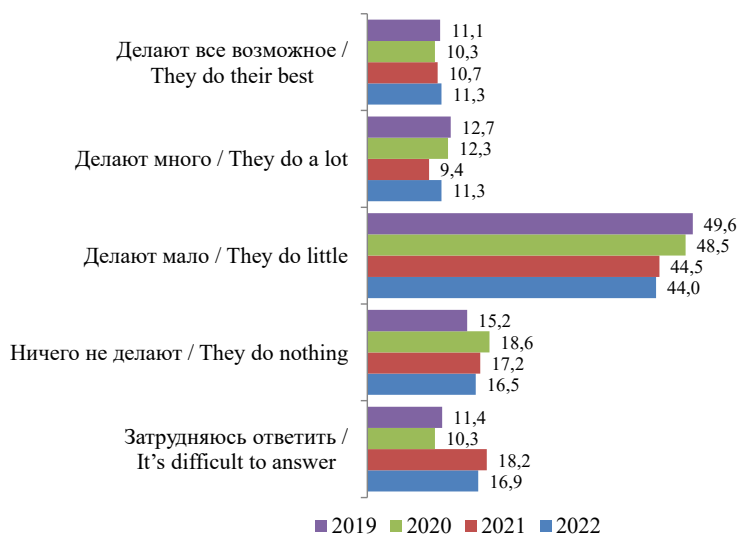
Социологический анализ неформальных экономических практик проводился на основе массовых опросов, скрытых интервью, проведенных в 2020–2021 гг. в 48 субъектах Российской Федерации. Скрытое включенное наблюдение за самозанятыми велось с 2002 по 2021 г. в г. Москве, Санкт Петербурге, Пензе,



Самаре, Оренбурге (n = 1 260). Неструктурированные скрытые интервью проводились с 2009 г. по настоящее время со строителями, водителями, поварами, кондитерами, сиделками (n = 37).

Результаты исследования. Авторский анализ проблем коррупции основывается на позиции Г. А. Сатарова⁶, который предполагает социокультурное объяснение возникновения и развития феномена коррупции. По его мнению, коррупция формируется в обществах с ускоренной модернизацией, в которых возникают два типа общественных практик: старые (традиционные) и новые, к которым люди не успевают привыкнуть. Коррупция становится связующим звеном между старыми и новыми общественными практиками.

В ходе исследования респондентам задавался вопрос об их отношении к органам власти, который был призван выяснить степень доверия людей к данным структурам. Этот вопрос считается «неудобным» для многих респондентов, поэтому обычно доминируют усредненные оценки. Если сконцентрировать анализ на двух полярных оценках деятельности органов власти в части противодействия коррупции, то 16,5 % респондентов считают, что власти вообще ничего не делают, а 11,3 % – что делают все возможное (это на 1,9 % больше по сравнению с 2021 г.). От 44 % до 49 % респондентов считают, что органы власти мало делают для борьбы с коррупцией, что говорит о недоверии этой категории респондентов к органам государственной власти (рис. 1.).



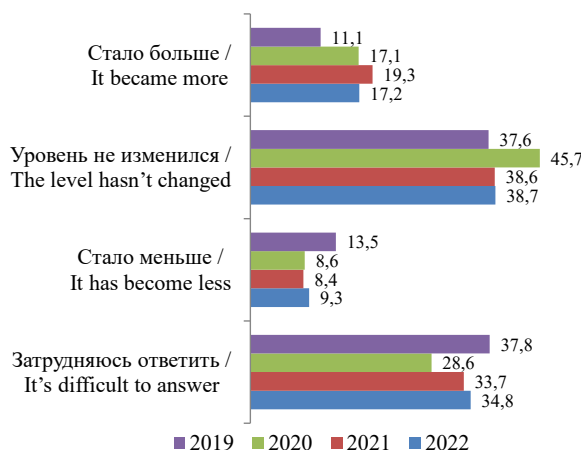
Р и с. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, власти делают для противодействия коррупции все возможное, делают много, делают мало или вообще ничего не делают?», 2019–2022 гг., %⁷

F i g. 1. Distribution of respondents' answers to the question "In your opinion, do the authorities do everything possible to counteract corruption, do a lot, do little, or do nothing at all?", 2019–2022, %

⁶ Сатаров Г. А. Российская коррупция: уровень, структура, динамика: опыт социологического анализа.

⁷ Здесь и далее в статье рисунки и таблица составлены авторами.

По мнению 38,7 % респондентов уровень коррупции в их населенном пункте в последнее время остается неизменным (это на 0,1 % больше по сравнению с 2021 г.). 9,3% опрошенных считают, что коррупционных проявлений за последний год стало меньше (это на 0,9 % больше по сравнению с 2021 г.). При этом 17,2 % опрошенных отмечают рост уровня коррупции (это на 2,1 % меньше по сравнению с 2021 г.). Таким образом, наблюдается положительная динамика в оценке респондентами уровня коррупции в анализируемых регионах (рис. 2).



Р и с. 2. Распределение ответов на вопрос

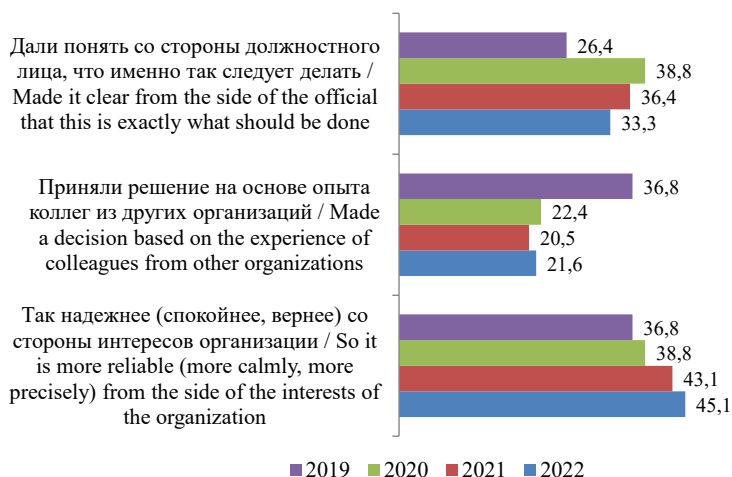
«Как Вам кажется, за год случаев коррупции в вашем городе (поселке, селе) стало больше, меньше или уровень коррупции не изменился?», 2019–2022 гг., %

F i g. 2. Distribution of respondents' answers to the question

“In your opinion, have there been more or less cases of corruption in your city (town, village) over the year, or has the level of corruption not changed?”, 2019–2022, %

Основными причинами, по которым респонденты были бы склонны к оказанию влияния на должностное лицо посредством осуществления неформальных прямых и (или) скрытых платежей, являются надежность со стороны интересов организации (45,1 %) и намеков на взятку от должностного лица (33,3 %), далее следует решение на основе опыта коллег из других организаций (21,6 %). Эти данные позволяют сделать вывод о взаимосвязи коррупции и социального доверия (рис. 3).

Данные рисунка 3 показывают, что примерно половина опрошенных респондентов-предпринимателей (43,1 %) считают коррупцию более верной, надежной, спокойной формой взаимоотношения с властными структурами. Социологическое исследование по восприятию коррупции в регионах России проводилось в соответствии с «Методикой проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации», которая предполагает изучение мнения относительно бизнес-коррупции со стороны исключительно предпринимательского сообщества. В соответствии с полученными выводами авторский коллектив посчитал необходимым провести качественные социологические исследования с целью более глубокого изучения отношения предпринимательского сообщества исследуемых регионов к проблемам коррупции в качестве примера, доказывающего, что социальное доверие является базой формирования коррупционного поведения у некоторых индивидов.



Р и с. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Причина, по которой организация (предприятие, фирма, бизнес) из Вашей отрасли, по размерам схожая с Вашей, была бы склонна к оказанию влияния на должностное лицо посредством осуществления неформальных прямых и (или) скрытых платежей?», 2019–2022 гг., %

F i g. 3. Distribution of respondents' answers to the question "The reason why an organization (enterprise, firm, business) from your industry, similar in size to yours, would be inclined to influence an official through informal direct and (or) hidden payments?", 2019–2022, %

Качественные социологические исследования проводились в форме нарративных глубинных интервью в дистанционном онлайн-режиме с представителями предпринимательского сообщества исследуемых регионов. В интервью на условиях строгой анонимности согласились принять участие 35 чел. При анализе нарративных глубинных интервью с респондентами в исследованных регионах, касающихся проблем коррупции и социального доверия, было выяснено следующее:

1. Все респонденты отметили, что коррупционные схемы позволяют быстрее и эффективнее решать возникшие проблемы.

2. Подавляющее большинство заявили, что коррупционное взаимодействие между участниками коррупционных схем возможно при высоком уровне доверия друг к другу (88,5 %).

3. Все респонденты сделали вывод о том, что при малейшем сомнении в доверительных отношениях между участниками коррупционных схем отказались бы от дачи взятки.

4. Подавляющее большинство участников качественных исследований заявили, что низовая коррупция в регионе их полностью устраивает, что они хотели бы стать постоянными участниками коррупционных схем при условии высокого уровня доверия к партнерам по коррупционным взаимодействиям (82,8 %).

5. Больше половины респондентов отметили, что неформальные криминальные коррупционные схемы являются более гибкими и эффективными по сравнению с громоздкими официальными бюрократическими процедурами (54,2 %).

6. Также подавляющее большинство заявили, что считают невежливым не дать взятку врачам, медицинским работникам, которую они считают специфической формой благодарности (74,2 %).

7. Большинство участников нарративного глубинного интервью предполагают, что сфера медицинских услуг является наиболее коррупциогенной, так как в ней наиболее необходимо социальное доверие между медицинским работником и пациентом (54,2 %).

Таким образом, при недостатке институционального социального доверия население и представители предпринимательского сообщества предпочитают коррупционные схемы потому, что они видятся им наиболее простыми, быстрыми и эффективными. Кажущаяся простота и скорость коррупционных схем может формироваться только на базе высокого уровня доверия участников коррупционных схем.

В таблице представлены результаты анализа ответов на вопросы о причинах ухода респондентов в теневой сектор. Только 9,6 % респондентов исследуемых регионов назвали в качестве причин недоверие власти. Подавляющее большинство отмечали также стремление к получению более высоких доходов, более удобный график работы. Таким образом, по мнению россиян, теневая занятость более результативна. Эффективность и высокая доходность теневой занятости также формируется на основе высокого уровня доверия между участниками теневого рынка. В данном случае общий высокий уровень сильных (родственных) социальных связей теневой экономики становится парадоксальной формой выражения социального доверия между членами теневых трудовых «мы-групп».

Теневая экономика изначально формируется на низовых горизонтальных социальных уровнях. Его основой является высокий естественный или вынужденный уровень социального доверия, без которого невозможно объединение участников в теневые, неформальные группы. Желание независимости может, в свою очередь, постулировать нежелание иметь дело с официальными государственными структурами, и может стать маркером социального институционального недоверия и маркером парадоксального неформального доверия в теневых «мы-группах». Патернализм горизонтальных теневых экономических связей не распространяется на крупные социальные сообщества (государство), а только на близких, родственников, друзей, которым респонденты безусловно доверяют.

87,6 % опрошенных отметили в качестве необходимого и обязательного условия создания теневых форм экономической деятельности полное и абсолютное доверие между участниками теневого рынка труда.

Согласно данным вторичных социологических исследований, россияне достаточно лояльны к теневым доходам (72,9 %). В основе популярности теневых доходов лежат правовой нигилизм россиян и ориентация на прагматические ценности, низкий горизонт жизненного планирования; многие респонденты полагают, что не доживут до пенсии (67,8 %), и эта же часть указывает на небольшой размер пенсионного обеспечения и на невозможность прожить на эти средства⁸.

⁸ Парсонс Т. Т. Система современных обществ.



Т а б л и ц а. Распределение ответов респондентов на вопрос «Почему Вы заняты в этой сфере деятельности?», %
 T a b l e. Distribution of respondents' answers to the question "Why are you employed in this field of activity?", %

| Вариант ответа / Answer option | Регион / Region | | | | | | |
|--|---|--|---|---|---|--|--|
| | Московская область / Moscow region | Ленинградская область / Leningrad Region | Калининградская область / Kaliningrad Region | Ульяновская область / Ulyanovsk Region | Оренбургская область / Orenburg Region | Пензенская область / Penza Region | Самарская область / Samara Region |
| Стремление к получению высоких доходов, обогащению / The desire for high income, enrichment | 45,4 | 47,6 | 58,3 | 20,0 | 49,9 | 53,3 | 30,0 |
| Интересная, творческая работа / Interesting and creative work | 27,3 | 4,8 | – | 20,0 | – | 20,0 | 20,0 |
| Удобный график / Convenient schedule | 27,3 | 42,8 | 16,7 | 20,0 | 16,7 | 17,1 | 30,0 |
| Желание добиться независимости, быть самому себе хозяином / The desire to achieve independence, to be your own master | – | 4,8 | 8,3 | 40,0 | 16,7 | – | 20,0 |
| Потеря или неприемлемость условий прежней работы в госсекторе, в официальной сфере занятости / Loss or unacceptability of the conditions of the previous work in the public sector, in the formal field of employment | – | – | 16,7 | – | 16,7 | – | – |
| Недоверие государству, государственной системе социального, пенсионного обеспечения / Distrust of the state, the state system of social and pension provision | – | – | – | – | – | 9,6 | – |
| Всего / Total | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 | 100 |



На рост популярности теневой трудовой занятости влияет система ценностей российских регионов. В структуру ценностей населения входят ориентиры следующих типов:

1. Семейные ценности (брак, семья, дети, уютный дом).
2. Материальные ценности (достаток, богатство, обустроенный быт).
3. Ценности личностного и духовного развития (познание, просветление, религия, творчество, путешествия).
4. Ценности личностной гармонии (здоровье, счастье, душевное спокойствие).
5. Социальные и гражданские ценности (свобода, независимость, социальная ответственность, демократия, благополучие родной страны).
6. Альтруистические ценности (помощь людям, героизм).
7. Ценности социального статуса (власть, влияние, известность, карьера)⁹.

Первые десять мест в рейтинге получили следующие ценности (в скобках отмечается количество ответов респондентами):

1. Любовь (615).
2. Счастливая семья (568).
3. Творчество, саморазвитие, профессиональное совершенство (368).
4. Дружба (361).
5. Свобода и независимость (252).
6. Успешная карьера, высокий профессиональный статус (244).
7. Путешествия, новые впечатления (232).
8. Здоровье, физическое совершенство (215).
9. Богатство (неограниченные финансовые возможности) (197).
10. Чистая совесть (142).

Первые три ценности – любовь, семья и профессиональное совершенство – являются абсолютно предпочтительными для совокупности, на эти позиции пришлось 42,3 % всех ответов; любовь является важнейшей ценностью для 49,2 % респондентов, счастливая семья – для 45,4 %, творчество, саморазвитие и профессиональная самореализация – для 29,4 %.

Таким образом, семейные ценности, ценности любви, брака могут возникать и формироваться на основе безусловного доверия к партнерам. Это горизонтальное доверие укрепляет теневую занятость, так как она часто выступает в форме семейных эффективных социально-трудовых «мы-групп». В семье, в родственном окружении, которые базируются на сильных социальных связях, люди доверяют друг другу больше. Это еще раз косвенно подтверждает тот факт, что крепкие семейные связи усиливают социальные связи в общественном пространстве, в семейном окружении и семейных предприятиях люди больше доверяют друг другу. Это доверие неформально, неинституционализировано.

На этот факт обращал внимание американский исследователь неформальной экономики А. Портес. Согласно его точке зрения, неформальные экономические связи, кроме повышения доверия, увеличивают управленческую гибкость экономических структур. Чем ближе теневая экономика к модели подлинного рынка,

⁹ Парсонс Т. Т. Система современных обществ; Spina N. Out-Migration and Social Capital // Oxford Textbook of Migrant Psychiatry / ed. by D. Bhugra. Oxford University Press, 2021. Pp. 181–188. <https://doi.org/10.1093/med/9780198833741.003.0020>



тем она эффективнее, тем больше она зависит от социальных связей, которые напрямую связаны с уровнем доверия в социально-экономической системе [20].

Таким образом, данные теоретических и эмпирических социальных исследований доказывают, что наличие коррупционных схем, широкое распространение теневой трудовой занятости основано на социальном доверии между членами групп и представляет собой новую форму социального институционального доверия.

Обсуждение и заключение. Социальное доверие избирательно, иерархично, эмоционально, имеет свою определенную степень выраженности в общественных структурах. Доверие участников коррупционных схем и участников теневого рынка труда формируется благодаря социальному динамическому равновесию, когда в социальной системе существует определенный уровень доверия, но он в результате воздействия специфических социокультурных факторов перетекает из институционального доверия органам власти в доверие между членами неформальных и часто криминальных групп. Так, по мнению Т. Парсонса, социальная система находится в состоянии «социального равновесия», когда институализированы ценности, и поведение индивидов построено сообразно формальным общественным ценностям. Однако ни одна социальная система не может находиться в состоянии идеального равновесия, поэтому процесс социального развития представляется как «подвижное равновесие»¹⁰. По нашему мнению, динамическое общественное равновесие – это специфическое состояние общественной системы, в которой она развивается. При этом в каждый момент времени наблюдается равновесие, когда внешние и внутренние воздействия компенсируются и в системе сохраняются структурные элементы и функциональные связи, и происходит их воспроизводство. Так недостаток институционального доверия общества к власти перетекает в доверие к близким, родным, потенциально полезным людям, которое основывается на сильных социальных связях, которые усиливают неформальное доверие и укрепляют криминальные связи. Атомизм членов общества, разобщенность людей в западном культурном ареоле предполагает низкий уровень горизонтального социального доверия к ближайшему социальному окружению, которое выливается в социальные практики слежки и доносительства за близкими, родственниками и соседями. Низкий уровень горизонтального доверия в странах Запада компенсируется высоким уровнем институционального доверия к государству, к органам государственной и муниципальной власти.

С психологической точки зрения, все виды доверия в обществе, от межличностного до институционального, основаны на вере. Общественная вера напрямую коррелирует с религиозной верой, религиозной идентификацией. Религиозная идентификация представляет собой сложное, многофакторное явление. Различают несколько ее видов: нормативно-конфессиональная, основанная на рациональном знании базовых конфессиональных догматов, на знании конфессиональных основ вероучения, на четком разграничении догматов своей конфессии и других; фольклоризированная, представляющая собой причудливую смесь вероучительных догматов различных конфессий авраамических религий и народного язычества; маргинальная религиозная идентичность, которая формируется смешением

¹⁰ Парсонс Т. Т. Система современных обществ.

конфессиональной религиозной идентичности с политическими, национальными, социальными идентичностями [26].

Согласно нашему исследованию, проведенному в 2019–2020 гг., примерно 75–77 % православных христиан, мусульман, иудеев в Российской Федерации слабо знают основы своего вероучения. Их религиозная идентичность – фольклорная, основанная на народных традициях, суевериях, разделяемых их религиозными «мы-группами». Эта форма идентичности наиболее иррациональна и некритична. Иррационализм и отсутствие критики основывается на высоком уровне горизонтального социального доверия, которые в состоянии укреплять коррупционные и теневые экономические неформальные связи, трансформируя их в новые специфические формы криминального и полукриминального социального доверия. Поэтому фольклоризированная религиозная идентичность негативным образом влияет на институциональное доверие и позволяет ему перетекать из его институциональной формы в межличностное доверие «мы-групп», подкрепленное сильными социальными связями, которые выражаются в коррупционном доверии и доверии участников неформальной экономики¹¹.

Кроме того, тот факт, что коррупция снимает разрыв между обещаниями и ожиданиями и в переходных странах связана с возникновением «зазора» между новыми модернизированными рыночными и демократическими институтами и старыми неформальными практиками социального взаимодействия, делает ее одновременно причиной институционального недоверия и межличностного доверия в криминальных и полукриминальных «мы-группах», которые укрепляют криминальные и неформальные, теневые экономические связи, усложняет институциональную борьбу с коррупцией, так как она благодаря низовому неформальному доверию поддерживается подавляющим большинством членов общества. Кроме того, низовая коррупция в России вполне устраивает обычных членов российского общества. Это доказывает еще раз точку зрения А. Н. Покиды, который утверждает, что «результаты опроса фиксируют противоречивость правового сознания российского населения». С одной стороны, граждане относятся к закону как к важной ценности, считая, что его соблюдать нужно, и подчеркивая его инструментальную сущность: они видят в законе главным образом средство защиты, которое может понадобиться в сложной ситуации и благодаря которому проблема может быть решена в интересах самого гражданина. С другой стороны, граждане вполне допускают нарушение закона, оправдывая это чаще всего тем, что сама власть не соблюдает законы [10, с. 98]. Эти факты, особенно в регионах России, укрепляют горизонтальные сильные социальные связи (связи родства, свойства, дружбы). Это и превращает коррупцию в специфическую форму неформального социального и политического доверия в российских регионах.

Согласно точке зрения П. Штомпки, «мы» – это те, кого мы наделяем доверием, в отношении которых поступаем лояльно и об интересах которых беспокоимся в соответствии с духом солидарности¹².

¹¹ Юрасов И. А., Павлова О. А. Дискурсивное исследование православной религиозной идентичности : моногр. М. : ИНФРА-М, 2020. 259 с.

¹² Штомпка П. Социология социальных изменений / под ред. В. А. Ядова. М. : Аспект-пресс, 1996. 414 с.



Идеи повседневного мышления А. Шюца позволяют выделить базовые предпосылки основания доверия в рамках концепта «мы» и в «мы-группах»:

1) социальное доверие возникает во взаимоотношениях в рамках «мы-группы», сформированной на основе общей системы ценностей и отношений и на похожем понимании образа и ритма жизни, в котором «мои» ожидания в той или иной степени совпадают с ожиданиями «других»;

2) членов «мы-группы» связывают схожие этнические обычаи, национальные и религиозные идентичности, общие моральные обязательства, отличные от тех установок, которые исповедуют представители «они-группы»;

3) поведение членов «мы-группы» осуществляется по типичному способу деятельности, типичным мотивам и установкам типа личности, определяемым исходя из принятой системы идентичностей, похожестей, образа жизни этого сообщества;

4) в процессе формирования и деятельности «мы-группы» аккумулируются и используются базовые знания смыслов и наборов мотивов, управляющих действиями «других», накапливается информация о функционировании «других-групп», позволяющие четко дистанцироваться друг от друга;

5) взаимоотношения в рамках «мы-группы» подчиняются концепции «приемлемого риска», согласно которой признается право ее членов на непредумышленную ошибку, что подразумевает развитие системы взаимного общественного доверия, совершенствования коммуникаций для осуществления обратной связи между гражданами и властью с целью своевременного обнаружения и исправления возможных просчетов¹³.

Функционирование и развитие «мы-групп» и отношений в них невозможны в национальном масштабе, так как не существует общей системы ценностей. В каждой конкретной социальной группе формируется своя специфика ценностных ориентаций. Таким образом, развитие этих групп допустимо в каких-либо определенных общественных сегментах. Такая ценностная особенность определяет основные характеристики «мы-групп»:

1) общий образ будущего в интересах и ценностях группы;

2) похожие ценности и ожидания членов группы;

3) общая этика и мораль;

4) общепринятые формы и стандарты поведения;

5) межличностные отношения в группе на основе доверия и доброжелательности;

6) общая концепция «приемлемого риска», т. е. право на определенные ошибки;

7) накопление знаний приводит к изменениям в составе группы¹⁴ [1; 21].

Таким образом, коррупционные и неформальные группы, занятые в теневой экономике, объединены общей системой криминальных и полукриминальных ценностей, имеют общие моральные установки, общие стандарты поведения, приемлемую общую концепцию допустимого криминального и полукриминального

¹³ Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.

¹⁴ Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу : моногр. М. : Наука, 2018. 350 с.

риска, свою собственную систему управления знаниями, на основании которых складывается атмосфера доброжелательности и формируется специфическое неформальное доверие.

Коррупция в неформальных «мы-группах» становится посредником между обществом и государством. Доверие в коррупционных «мы-группах» приводит к росту ситуативного доверия. Идеи повседневного мышления А. Шюца в «мы-группах» позволяют выделить предпосылки возникновения доверия в рамках конструкта «мы». Коррупция создает и укрепляет региональные неформальные «мы-группы», членов коррупционных «мы-групп» связывают схожие этические обычаи и взаимные моральные обязательства, отличные от тех установок, которые исповедуют представители «они-группы». В этой группе фактор эффективности преобладает над фактором этичности¹⁵ [19].

Коррупция и неформальная занятость, развивающиеся в закрытых и атомизированных российских «мы-группах», формируют новую форму социального доверия, главной социологической спецификой которой является снижение или упадок доверия институционального при росте неформального криминального или полукриминального доверия в «мы-группах». Эта форма социального доверия отличается от институционального тем, что горизонтальное институциональное доверие, знаменующее собой доверие между равноправными индивидами, растет, а вертикальное – падает.

В российском обществе складывается парадоксальная социальная ситуация, когда чем больше растет вертикальное доверие, тем ниже становится горизонтальное, и наоборот. Высокий уровень горизонтального неформального, и часто криминального, доверия и сильные социальные связи укрепляют коррупцию и неформальную занятость и сильно затрудняют борьбу с этими негативными социальными явлениями в российском обществе.

Новое доверие в неформальных «мы-группах» формируется в конкретных, часто криминальных, ситуациях. Эта ситуативность социального доверия укрепляет его, снижая тем самым уровень институционального доверия в обществе.

Ситуативное доверие в конкретной ситуации и базовое (к институтам) аккумулируются в социумах с низким уровнем социального равенства. В обществах с глубоким социальным неравенством люди просто вынуждены больше доверять своим родным и близким, чем власти, в этих обществах больше распространено межличностное доверие в «мы-группах», которое одновременно усиливает неформальную занятость и коррупцию.

Коррупционер в таких обществах с неформальным криминальным доверием имеет, по мнению «мы-групп», все свойства, вызывающие доверие: способ и манеру коммуникации, выражающиеся в уверенном, быстром темпе речи; транслируемую поверхностную ценностную систему, в которой они защищают то, что идет в разрез с их интересами; привлекательность внешнего вида; компетентность; авторитетность.

Специфическое доверие в криминальных группах основывается на принятии того, что взятка более эффективна в социальной практике. В таких «мы-группах»

¹⁵ Штомпка П. Социология социальных изменений.



формируется представление о том, что ресурсы страны и государства ограничены, и для того чтобы получить доступ к этим ресурсам, необходима оплата за то, чтобы именно на тебя обратили внимание и дали возможность государству потратить ограниченные ресурсы на конкретного члена коррупционной группы. В российском обществе существует высокая неформальная политическая инклюзия, выражающаяся в вовлеченности членов общества в управление, а коррупция, по мнению членов коррупционных «мы-групп», дает ощущение политической инклюзии, возможность влиять на принимаемые решения.

Следующим парадоксальным фактом является то, что вытекающее из межличностного доверия криминальных и полукриминальных «мы-групп» социальное доверие предполагает низкое институциональное доверие общества к органам власти, но приводит к высокой политической устойчивости российского общества, в котором благодаря многим факторам, в том числе неформальному доверию в «мы-группах», дополнительным теневым доходам в структурах неформальной экономики, все более или менее устраивает большинство граждан России [1; 19].

Таким образом, коррупция и неформальная, теневая экономика становятся парадоксальной формой проявления ситуативного горизонтального доверия, основанного на сильных родственных, свойских, дружеских связях. На базе этих связей формируются криминальные и полукриминальные «мы-группы», существование и функционирование которых невозможны без сильного ситуативного доверия. Институциональное социальное доверие является постоянной величиной в любых социумах. В состоянии динамического равновесия общества институциональное доверие формируется как доверие к органам власти и как доверие в небольших межличностных «мы-группах» к членам этих групп. В российском обществе при недостатке институционального доверия к органам власти социальное доверие перетекает в криминальные и полукриминальные сферы, облегчая тем самым развитие коррупционных и теневых экономических практик и укрепляя сильные горизонтальные связи. Эта новая форма доверия формируется на атомизме и ценностной ориентации российского регионального социума. Эти социокультурные особенности облегчают коммуникацию в группах и становятся базой неформального доверия, которое не слишком интенсивно распространяется на политические государственные институты. Коррупция и неформальная экономика, основываясь на специфическом горизонтальном неформальном доверии, тормозят модернизацию страны, с одной стороны, а с другой – повышают управленческую гибкость. Отрицательным результатом этих социальных процессов становятся негативная социальная трансформация и увеличение прекариата в социальной структуре.

Настоящее исследование открывает дальнейшие перспективы научного анализа социальных парадоксов, изучения принципов формирования российских «кентавр-идей» в регионах нашей страны. Полученные результаты могут найти практическое применение в области правоохранительной деятельности, криминалистики, а также в плане теоретического приращения социологической, социально-психологической теории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ильичева Л. Е., Кондрашов А. О., Лапин А. В. Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 162–185. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917>
2. Киселев В. О. Доверие к политическим институтам в России: опыт социологического мониторинга // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6 (124). С. 51–64. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.6.05>
3. Uslander E. Trust as an Alternative to Risk // Public Choice. 2013. Vol. 157. Pp. 629–639. <https://doi.org/10.1007/s11127-013-0082-x>
4. Zmerli S., Castillo J. C. Income Inequality, Distributive Fairness and Political Trust in Latin America // Social Science Research. 2015. Vol. 52. Pp. 179–192. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2015.02.003>
5. Mishler W., Rose R. What Are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-communist Societies // Comparative Political Studies. 2001. Vol. 34, issue 1. Pp. 30–62. <https://doi.org/10.1177/0010414001034001002>
6. Newton K., Zmerli S. Three Forms of Trust and Their Association // European Political Science Review. 2011. Vol. 3, issue 2. Pp. 169–200. <https://doi.org/10.1017/S1755773910000330>
7. Wang C.-H. Government Performance, Corruption, and Political Trust in East Asia // Social Science Quarterly. 2016. Vol. 97, issue 2. Pp. 211–231. <https://doi.org/10.1111/ssqu.12223>
8. Wu C., Wilkes R. Local-National Political Trust Patterns: Why China is an Exception // International Political Science Review. 2017. Vol. 39, issue 4. Pp. 1–19. <https://doi.org/10.1177/0192512116677587>
9. Shlapentokh V., Joshua W. J. Trusting the State, Trusting Each Other? The Effect of Institutional Trust on Social Trust // Political Behavior. 2016. Vol. 38. Pp. 179–202. <https://doi.org/10.1007/s1109-015-9322-8>
10. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Правовые ценности современных россиян: приоритеты и противоречия // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 92–99. <https://doi.org/10.31857/S013216250008327-2>
11. Миронова А. А., Татарко А. Н. Психологические причины коррупции: роль тревоги // Экономическая социология. 2022. Т. 22, № 1. С. 11–34. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2021/01/29/1404095647/ecsoc_t22_n1.pdf#page=11 (дата обращения: 02.09.2023).
12. Формирование социальной идентичности молодежи региона: потенциал эстетической информации / В. П. Воробьев [и др.] // Регионология. 2022. Т. 30, № 2. С. 470–491. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.470-491>
13. Воробьев В. П., Ретинская В. Н. Образно-символические аспекты формирования государственной идентичности молодежи в эпоху интернета // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 59–70. <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-1-5>
14. Левичева В. Ф. Институциональные и неформальные практики лоббизма: проблема разделения и интерпретации // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 50–60. <https://doi.org/10.31857/S013216250017165-4>
15. Политическое поле и зона власти: версии идеального типа и опыт эмпирической верификации / И. Л. Недяк [и др.] // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 42–53. <https://doi.org/10.31857/S013216250008323-8>
16. Максимова С. Г., Омельченко Д. А., Ноянзина О. Е. Доверие мигрантов к принимающему сообществу в контексте анализа социальной безопасности в приграничных регионах России // Siberian Socium. 2020. Т. 3, № 2. С. 18–34. <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-2-18-34>
17. Как и почему граждане оценивают свою защищенность от контролируемых государством рисков / Е. И. Добролюбова [и др.] // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 70–81. <https://doi.org/10.31857/S013216250009316-0>
18. Колганов С. В., Глухов П. С. Человеческий потенциал сквозь призму философии русского космизма // Социология. 2022. № 1. С. 277–280. URL: http://soziologi.ru/upload/iblock/6c5/827o6spmix7dpab1s12f49cyokszc87d/Социология_№1_2022.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
19. Тощенко Ж. Т. Эволюция идей социальной структуры российского общества // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 62–73. <https://doi.org/10.31857/S013216250021404-7>
20. Портес А. Неформальная экономика и ее парадоксы // Экономическая социология. 2003. Т. 4, № 5. С. 34–53. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2003-4-5/26593865.html> (дата обращения: 02.09.2023).
21. Юрасов И. А., Танина М. А. Социальное самочувствие жителей провинциального города // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018.



- T. 18, № 3. С. 260–264. URL: <https://soziopolit.sgu.ru/ru/articles/socialnoe-samochuvstvie-zhiteley-provincialnogo-goroda> (дата обращения: 02.09.2023).
22. Агишев Р. Р., Барина О. Н. Коррупция и третий возраст в региональном измерении // Власть. 2022. Т. 30, № 3. С. 208–216. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9069>
23. Riabov O. Gendering the American Enemy in Early Cold War Soviet Films (1946–1953) // Journal of Cold War Studies. 2017. Vol. 19, issue 1. Pp. 193–219. https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00722
24. Dijck J. Governing Digital Societies: Private Platforms, Public Values // Computer Law & Security Review. 2019. Vol. 36. Pp. 15–27. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2019.105377>
25. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Коррупция в современной России: психологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 56–65. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsiya-v-sovremennoy-rossii-psiologicheskii-aspekt> (дата обращения: 02.09.2023).
26. Кравченко С. А., Ракова К. В., Лапин Н. И. Сложность становления новой России. Антропологический подход // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 164–167. <https://doi.org/10.31857/S013216250018037-3>

Поступила в редакцию 27.03.2023; поступила после рецензирования 16.08.2023; принята к публикации 25.08.2023.

Об авторах:

Юрасов Игорь Алексеевич, доктор социологических наук, директор Центра мониторинга социальных процессов Института регионального развития Пензенской области (440046, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Попова, д. 40); профессор кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (440052, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Калинина, д. 336); профессор кафедры государственного управления и социологии региона Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>, jurassow@yandex.ru

Бондаренко Владимир Викторович, доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (440052, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Калинина, д. 336), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6716-1963>, Scopus ID: 57211802151, bond40@bk.ru

Полутин Сергей Викторович, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ регионологии, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, Researcher ID: A-9592-2017, Scopus ID: 57215972235, polutin.sergei@yandex.ru

Зябликова Ольга Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, информатики и общегуманитарных наук Пензенского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (440052, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Калинина, д. 336), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1624-0071>, has18068881@rambler.ru

Юрасова Ольга Николаевна, старший преподаватель кафедры английского языка Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2186-7051>, ol.iurasonova@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

И. А. Юрасов – разработка проблемы и общей методологии исследования; интерпретация эмпирического материала; теоретические выводы.

В. В. Бондаренко – организация и проведение эмпирического исследования в г. Пензе, Мурманске, Москве, Калуге, Курске; первичный анализ эмпирической информации; критический анализ и доработка текста.

С. В. Полутин – литературный обзор по проблеме институционального социального доверия; критический анализ и доработка текста.

О. А. Зябликова – разработка анкеты и гайда интервью; количественный анализ итогов анкетирования.

О. Н. Юрасова – литературный обзор по общим проблемам социального доверия; организация и проведение эмпирического исследования в г. Пензе.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ilyicheva L.E., Kondrashov A.O., Lapin A.V. Trust as a Bridge over the Uncertainty Gap between the Government and Society. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2021;(2):162–185. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917>
2. Kiselev V.O. Trust in Russian Political Institutions: Sociological Monitoring Case Study. *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2020;(6):51–64. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.05>
3. Uslaner E. Trust as an Alternative to Risk. *Public Choice*. 2013;157:629–639. <https://doi.org/10.1007/s11127-013-0082-x>
4. Zmerli S., Castillo J.C. Income Inequality, Distributive Fairness and Political Trust in Latin America. *Social Science Research*. 2015;52:179–192. <https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2015.02.003>
5. Mishler W., Rose R. What Are the Origins of Political Trust? Testing Institutional and Cultural Theories in Post-communist Societies. *Comparative Political Studies*. 2001;34(1):30–62. <https://doi.org/10.1177/0010414001034001002>
6. Newton K., Zmerli S. Three Forms of Trust and Their Association. *European Political Science Review*. 2011;3(2):169–200. <https://doi.org/10.1017/S1755773910000330>
7. Wang C.-H. Government Performance, Corruption, and Political Trust in East Asia. *Social Science Quarterly*. 2016;97(2):211–231. <https://doi.org/10.1111/ssqu.12223>
8. Wu C., Wilkes R. Local-National Political Trust Patterns: Why China is an Exception. *International Political Science Review*. 2017;39(4):1–19. <https://doi.org/10.1177/0192512116677587>
9. Shlapentokh V., Joshua W.J. Trusting the State, Trusting Each Other? The Effect of Institutional Trust on Social Trust. *Political Behavior*. 2016;38:179–202. <https://doi.org/10.1007/s11109-015-9322-8>
10. Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. Legal Values of Modern Russians: Priorities and Contradictions. *Sociological Studies*. 2020;(1):92–99. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250008327-2>
11. Mironova A.A., Tatarko A.N. Psychological Causes of Corruption: The Role of Worries. *Journal of Economic Sociology*. 2022;22(1):11–34. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2021/01/29/1404095647/ecsoc_t22_n1.pdf#page=11 (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Vorobyov V.P., Ivchenkov S.G., Eremina E.V., Retinskaya V.N., Murzina I.A. Formation of the Social Identity of the Youth of the Region: The Potential of Aesthetic Information. *Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(2):470–491. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.119.030.202202.470-491>
13. Vorobyov V.P., Retinskaya V.N. Figurative and Symbolic Aspects of the Youth Identity's Formation in the Era of the Internet. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2022;(1):59–70. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2022-1-5>
14. Levicheva V.F. Institutional and Informal Lobbying Practices: The Problem of Separation and Interpretation. *Sociological Studies*. 2021;(10):50–60. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250017165-4>
15. Nedyak I.L., Pavlova T.V., Patrushev S.V., Filippova L.E. Political Field and Zone of Power: Varieties of the Ideal Type and Attempt at Empirical Verification. *Sociological Studies*. 2020;(1):42–53. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250008323-8>
16. Maksimova S.G., Omelchenko D.A., Noyanzina O.E. Migrants' Trust in the Host Community in the Context of the Analysis of Social Security in the Border Regions of Russia. *Siberian Socium*. 2020;3(2):18–34. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2019-3-2-18-34>
17. Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. How Citizens Evaluate Safety from State-Controlled Risks and Why. *Sociological Studies*. 2020;(7):70–81. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250009316-0>
18. Kolganov S.V., Glukhov P.S. Human Potential Through the Prism of the Philosophy of Russian Cosmism. *Sociology*. 2022;(1):277–280. Available at: <http://soziologi.ru/upload/iblock/6c5/827o6spmix7dpab1s12f49cyokszc87d/Социология №1 2022.pdf> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
19. Toshchenko Zh.T. Evolution of Ideas of the Social Structure of Russian Society. *Sociological Studies*. 2022;(10):62–73. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250021404-7>
20. Portes A. The Informal Economy and Its Paradoxes. *Economic Sociology*. 2003;4(5):34–53. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2003-4-5/26593865.html> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)



21. Yurasov I.A., Tanina M. A. Social Wellbeing of Residents of the Provincial Cities Case. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2018;18(3):260–264. Available at: <https://soziopolit.sgu.ru/ru/articles/socialnoe-samochuvstvie-zhiteley-provincialnogo-goroda> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
22. Agishev R.R., Barinova O.N. Corruption and the Third Age in the Regional Dimension. *The Authority*. 2022;30(3):208–216. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i3.9069>
23. Riabov O. Gendering the American Enemy in Early Cold War Soviet Films (1946–1953). *Journal of Cold War Studies*. 2017;19(1):193–219. https://doi.org/10.1162/JCWS_a_00722
24. Dijk J. Governing Digital Societies: Private Platforms, Public Values. *Computer Law & Security Review*. 2019;36:15–27. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2019.105377>
25. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Corruption in Contemporary Russia: The Psychological Aspect. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2012;(2):56–65. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/korruptsiya-v-sovremennoy-rossii-psihologicheskii-aspekt> (accessed 02.09.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
26. Kravchenko S.A., Rakova K.V. Lapin N.I. Complexity of the Formation of a New Russia. Anthroposociocultural Approach. *Sociological Studies*. 2022;(2):164–167. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250018037-3>

Submitted 27.03.2023; revised 16.08.2023; accepted 25.08.2023.

About the authors:

Igor A. Yurasov, Dr. Sci. (Sociol.), Director of the Center for Monitoring Social Processes of the Institute for Regional Development of the Penza Region (40 Popova St., Penza 440046, Russian Federation); Professor of the Department of Management, Informatics and General Humanities, Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (33b Kalinina St., Penza 440052, Russian Federation); Professor of the Department of Public Administration and Sociology of the Region, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>, jurassow@yandex.ru

Vladimir V. Bondarenko, Dr. Sci. (Econ.), Professor of the Department of Management, Informatics and General Humanities, Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (33b Kalinina St., Penza 440052, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6716-1963>, Scopus ID: 57211802151, bond40@bk.ru

Sergey V. Polutin, Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Director of the Research Institute of Regional Studies, Head of the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, Scopus ID: 57215972235, Researcher ID: A-9592-2017, polutin.sergei@yandex.ru

Olga A. Zyblikova, Can. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Management, Informatics and General Humanities, Penza Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (33b Kalinina St., Penza 440052, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1624-0071>, has18068881@rambler.ru

Olga N. Yurasova, Senior Lecturer of the Department of English, Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2186-7051>, ol.iurasova@yandex.ru

Contribution of the authors:

I. A. Yurasov – development of the problem and the general methodology of the study; interpretation of empirical material; theoretical conclusions.

V. V. Bondarenko – organization and conduct of empirical research in Penza, Murmansk, Moscow, Kaluga, Kursk; primary analysis of empirical information; critical analysis and revision of the text.

S. V. Polutin – literature review on the problem of institutional social trust; critical analysis and revision of the text.

O. A. Zyblikova – development of a questionnaire and an interview guide; quantitative analysis of the survey results.

O. N. Yurasova – literary review on general problems of social trust; organization and conduct of empirical research in Penza.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.



В поиске баланса: забота о семье и профессиональная занятость женщин в период отпуска по уходу за ребенком

К. В. Фофанова¹✉В. А. Дорогайкина²

¹ Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
(г. Саранск, Российская Федерация)

² Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права
в научно-технической сфере (г. Москва, Российская Федерация)
✉ kateri02@yandex.ru

Аннотация

Введение. В предыдущие десятилетия отпуск по уходу за ребенком традиционно воспринимался как период с четкой функциональной нагрузкой, не выходящей за пределы заботы о семье, однако современные женщины пытаются совмещать заботу о семье и профессиональную занятость. Цель статьи – изучить практику совмещения заботы о семье и профессиональной занятости в период отпуска по уходу за ребенком до трех лет.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили: гендерный подход, объясняющий основания дисбаланса социальных ролей, выполняемых женщиной в период отпуска по уходу за ребенком; социокультурный подход, описывающий гендерные отношения как культурно-символический конструкт и помогающий понять процесс конструирования моделей поведения женщин в период отпуска по уходу за ребенком; институциональный подход, позволяющий выделить действие норм и функций, регулирующих период отпуска по уходу за ребенком. Статья основывается на эмпирических данных, полученных в 2019–2022 гг. среди женщин Республики Мордовия. Исследование выстраивалось на основе качественно-количественной стратегии: применялись методы полуструктурированного интервью и анкетного опроса.

Результаты исследования. Были выявлены различные варианты совмещения заботы о ребенке и профессиональной занятости, выделены группы женщин, демонстрирующие разные модели «погружения в материнство», определены условия, позволяющие женщине совмещать заботу о ребенке с профессиональной деятельностью. Определено, что время отпуска по уходу за ребенком женщинами воспринимается не только как возможность для выполнения материнской роли, но и как ресурс для профессиональной самореализации. Обоснована необходимость нового осмысления значения отпуска по уходу за ребенком, существенно расширяется понимание этого периода в жизни женщины и семьи в целом.

Обсуждение и заключение. Поиск баланса – ключевая проблема для женщины в отпуске по уходу за ребенком. Перспективы дальнейшего исследования связаны с изучением практик поиска баланса в период отпуска по уходу за ребенком в других регионах, отличающихся от Республики Мордовия более высоким уровнем жизни, большими возможностями для самореализации, с иной инфраструктурой для материнства и детства, а также с более детальным учетом типов семей и женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком.

© Фофанова К. В., Дорогайкина В. А., 2023



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Ключевые слова: баланс семьи и карьеры, гендерный контракт, «двойная занятость», отпуск по уходу за ребенком до трех лет, карьерные стратегии женщин, совмещение профессиональных и семейных ролей

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Фофанова К. В., Дорогайкина В. А. В поиске баланса: забота о семье и профессиональная занятость женщин в период отпуска по уходу за ребенком // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 4. С. 754–769. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.754-769>

Original article

In Search of Balance: Family Care and Professional Employment of Women During Parental Leave

K. V. Fofanova^a✉, V. S. Dorogaykina^b

^a National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)

^b Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology
(Moscow, Russian Federation)

✉ kateri02@yandex.ru

Abstract

Introduction. In previous decades, parental leave was traditionally perceived as a period with a clear functional load that does not go beyond family care. While modern women in this period are trying to combine family care and professional employment. The purpose of the paper is to study the practices of combining family care and professional employment during the period of parental leave for up to three years.

Materials and Methods. The methodological basis of the study has consisted of: a gender approach explaining the reasons for the imbalance of social roles performed by a woman during parental leave; a socio-cultural approach describing gender relations as a cultural and symbolic construct and allowing to understand the process of constructing models of behavior of women during parental leave; an institutional approach that allows to highlight the action of norms and functions, regulating the period of parental leave. The article is based on empirical data obtained in the period 2019–2022 among women of the Republic of Mordovia. The study was based on a qualitative and quantitative strategy: the method of semi-formalized interviews and a questionnaire survey conducted in 2022 were used.

Results. The article has shown that the time of parental leave is perceived by women not only as an opportunity to fulfill the maternal role, but also as a resource for professional self-realization. The paper substantiates the need for a new understanding of the meaning of parental leave, significantly expands the understanding of this period in the life of a woman and a family as a whole.

Discussion and Conclusion. As a result of the study, various options for combining child care and professional employment were identified, groups of women demonstrating different models of “immersion in motherhood” were identified, conditions were determined that allow a woman to combine child care with professional activity. The article shows that the time of parental leave is perceived by women not only as an opportunity to fulfill the maternal role, but also as a resource for professional self-realization. The article substantiates the need for a new understanding of the meaning of parental leave, significantly expands the understanding of this period in the life of a woman and a family as a whole.

Keywords: family and career balance, gender contract, “dual employment”, parental leave for up to three years, women’s career strategies, combining professional and family roles

Conflict of interests. The authors declare that there is no conflict of interest.

For citation: Fofanova K.V., Dorogaykina V.S. In Search of Balance: Family Care and Professional Employment of Women During Parental Leave. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):754–769. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.754-769>

Введение. Меры современной социальной политики в сфере материнства и детства сфокусированы на обеспечении условий для реализации ответственного и заботливого поведения родителей и опекунов по отношению к ребенку, прежде всего на поддержке практик «правильного и хорошего материнства» [1]. Так, в соответствии со ст. 256 Трудового кодекса Российской Федерации, женщине предоставляется отпуск по уходу за ребенком до 3 лет, что дает ей возможность в течение всего этого периода сосредоточиться исключительно на ребенке и семье. Отметим, что согласно этой статье, отпуск имеет гендерно нейтральный характер, т. е. может использоваться не только матерью, но и «отцом ребенка, бабушкой, дедом, другим родственником или опекуном, фактически осуществляющим уход за ребенком»¹. Расширение круга лиц, которым предоставляется отпуск, сделало его более сбалансированным в гендерном плане, хотя на практике он по-прежнему остается преимущественно материнским: «доля мужчин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до полутора лет, от общего количества лиц, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до полутора лет, в среднем по России составляет 2,01 %»². В Республике Мордовия в 2019 г. на 100 тыс. чел. населения пришлось 13 отцов (104 человека на регион), находящихся в отпуске по уходу за ребенком, в то время как на 10 тыс. чел. населения приходится 79 матерей³.

Отпуск по уходу за ребенком в соответствии с российским законодательством разбивается на два этапа: до полутора лет и с полутора до трех лет. На первом этапе женщине выплачивается ежемесячное пособие по уходу за ребенком, которое составляет 40 % от средней заработной платы за последние два года. Статистические данные показывают, что большая доля женщин не используют полный период отпуска (3 года) и выходят на работу после полутора лет. За период 2019–2021 гг. «в среднем в отпуске по уходу за ребенком до полутора лет находилось 723,6 тыс., 682,9 тыс. и 665,1 тыс. женщин соответственно, а в отпуске по уходу за ребенком до трех лет – 578,8 тыс., 577,5 тыс. и 569,1 тыс., во втором квартале 2022 г. в отпуске по уходу за ребенком до полутора лет находилось 642,4 тыс. женщин, от полутора до трех лет – 533,2 тыс.»⁴. Согласно статистическим данным, с 2015 г. идет снижение числа женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до полутора лет. За последние три года число женщин, находящихся в отпуске до полутора лет, сократилось почти на 60 тыс. и в отпуске до трех лет – более чем на 10 тыс. Данная тенденция непосредственно связана со снижением рождаемости: если «в 2015 г. коэффициент рождаемости в среднем по России был 13,3, то в 2021 г.

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ [Электронный ресурс] : Принят Государственной Думой 21 дек. 2001 г. (ред. от 19 дек. 2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 марта 2023 г.). Ст. 256. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 15.03.2023).

² Отпуск по уходу за ребенком взяли более 13,7 тыс. мужчин в пилотных регионах проекта ФСС [Электронный ресурс] // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6190434> (дата обращения: 10.03.2023).

³ Численность женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком [Электронный ресурс] // ЕМИСС : сайт. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59531> (дата обращения: 16.03.2023).

⁴ Половину дать отцам: как решить вечную проблему баланса работы и материнства [Электронный ресурс] // Forbes : сайт. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/454185-polovinu-dat-otcam-kak-resit-vecnuu-problemu-balansa-raboty-i-materinstva> (дата обращения: 10.03.2023).



снизился до 9,6»⁵ [2]. При этом не стоит исключать и долю женщин, по определенным причинам не оформляющих отпуск по уходу за ребенком.

Статистические данные и повседневная практика показывают, что «женщины не только остаются главными поставщиками заботы и выполняют большую часть домашней работы» [3]. В последнее время набирает силу и другая тенденция – молодые мамы в период отпуска по уходу за ребенком обращаются к профессиональной занятости. Если в предыдущие десятилетия отпуск традиционно воспринимался как период с четкой функциональной нагрузкой, не выходящей за пределы заботы о семье, то современные женщины в этот период все чаще пытаются совмещать заботу о семье и профессиональную занятость. Изменение стандартов потребления и повышение требований к качеству жизни, отсутствие возможности одному работающему родителю обеспечить достойный уровень жизни семьи, постоянно изменяющийся рынок труда, появление новых форм занятости, потребность в самореализации, активизация установок на саморегуляцию своего жизненного пути и т. д. меняют отношение семьи и женщины к отпуску по уходу за ребенком.

Цель статьи – проанализировать изменения, происходящие в сфере гендерных отношений в семьях с детьми, выявить стратегии поиска баланса между совмещением семейных обязанностей с профессиональной занятостью женщин в период отпуска по уходу за ребенком до трех лет, что позволит оценить институциональные меры социальной поддержки семьи.

Обзор литературы. Несмотря на большое количество исследований, посвященных проблемам семьи, материнства и гендерных ролей, практики совмещения заботы о семье и профессиональных стратегий, реализуемых в период отпуска по уходу за ребенком, остаются малоизученными. В основном исследования касаются проблем молодых семей, практик совмещения женщиной различных ролей в целом, без учета особенностей того или иного жизненного периода женщины и семьи⁶. Поэтому актуальным становится исследование практик совмещения заботы о семье и профессиональной самореализации, восприятие отпуска по уходу за ребенком как периода не только заботы о ребенке, но и осмысления и своеобразного «переформатирования» профессиональных стратегий.

В современных исследованиях проблема совмещения женщиной семейных и профессиональных ролей анализируется через понятие «гендерный контракт», введенное феминистками, критиковавшими теорию общественного договора (И. Хирдман, К. Пэйтман). Гендерный контракт рассматривается «как правила взаимодействия, права и обязанности, определяющие разделение труда по признаку пола в сферах производства и воспроизводства, и взаимно

⁵ Рождаемость по данным Росстат [Электронный ресурс] // Статистика и показатели : сайт. URL: <https://rosinfostat.ru/rozhdaemost/> (дата обращения: 10.03.2023).

⁶ Антипова А. А., Крюкова А. В. Изучение социальных проблем молодой семьи в историческом ракурсе // Изучение социальных проблем, вызванных семейно-демографической ситуацией в России, методами социальных наук (к 25-летию кафедры социальной работы МГУ им. Н. П. Огарёва) : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. / под общ. ред. проф. Л. И. Савинова. Саранск, 2021. С. 31; Касаркина Е. Н. Молодая семья как объект и субъект социальной помощи в современной семейно-демографической ситуации России // Там же. С. 54; Сычев А. А. Институт семьи в контексте социокультурных вызовов миграционной политике // Взаимодействие семьи с другими социальными институтами как возможность преодоления социокультурных угроз в России : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Саранск, 2020. С. 42.

ответственные отношения между женщинами и мужчинами»⁷. А. Роткирх и А. Темкина отмечали, что «в современном обществе гендерные контракты зависят от разделения труда в оплачиваемой сфере занятости, в приватной сфере и между ними; эти сферы... зависят от социальной политики государства (в первую очередь поддержки родительства/материнства), наличия рыночных регуляторов, структуры семьи и пр.»⁸. Гендерный контракт – это «некое соглашение между агентами с разными властными позициями в публичной и приватной сферах»⁹. Применительно к отпуску по уходу за ребенком использование концепта «гендерный контракт» открывает новые возможности для социологической интерпретации баланса между заботой о семье и профессиональной занятостью женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком. При таком подходе отпуск рассматривается не только как институциональная мера поддержки семьи с детьми до 3 лет, но и как период поиска баланса между функциями материнства и профессиональной деятельностью, время переоценки профессиональных и карьерных планов, возможность самореализации и получения новых профессиональных навыков.

Группа социологов в рамках исследования «Родительство 2.0» выявила новый тренд среди современной молодежи, которая «готовится к материнству, в том числе накапливая определенные ресурсы для амортизации выпадения из профессии»¹⁰. Публичный дискурс успеха и многофункциональности мотивирует современную женщину успевать сразу везде, отказываясь от традиционной стратегии «или/или», используя стратегии поиска баланса между одновременным совмещением нескольких ролей в условиях отпуска по уходу за ребенком. С опорой на точку зрения В. А. Штроо и Е. А. Кольцовой сделаем ремарку, что само понятие «баланс» в данном контексте «выглядит искусственным, поскольку за ним не стоит единого феномена» [4].

Проблема баланса, как правило, рассматривается через понятия уравнивания, стабилизации, гармонизации. В рамках классической социологии целью баланса является равновесие. Согласно В. Парето, его можно достичь только в том случае, когда улучшение происходит не за счет ухудшения другого [5], а Т. Парсонс определял социальное равновесие через систему, в которой различные группы как части общества поддерживают баланс доходов и взносов¹¹. С позиций структурно-функционального подхода Т. Парсонса данный баланс достигается за счет действия социальных институтов, выполняющих роль организаторов «связей» в социальных отношениях. Опираясь на общие положения структурно-функционального подхода, отпуск по уходу за ребенком можно рассматривать как некий ценностно-нормативный комплекс, регулирующий социальное поведение родителей и определяющий статусно-ролевую

⁷ Rantalaiho L. Sukupuolisopimus ja Suomen malli // Naistenhyvinvointivaltion. Tampere, 1994.

⁸ Роткирх А., Темкина А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход / Сер. «Труды факультета политических наук и социологии». СПб. : Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2007. С. 169–200.

⁹ Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии : учеб. пособие. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.

¹⁰ Родительство 2.0 / А. Авдеева [и др.]. М. : Альпина Паблишер, 2021. 164 с.

¹¹ Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева ; науч. ред. перевода М. С. Ковалева. М. : Аспект-Пресс, 1997. 270 с.



структуру отношений внутри семьи. В период отпуска по уходу за ребенком ряд сторон «гендерного контракта» проблематизируется, и женщина вынуждена искать способы сбалансировать роли с учетом «некоторых (нередко многих) объективных условий, и их субъективной интерпретации» [6].

К. Голдин, лауреат Нобелевской премии по экономике 2023 г., пишет: «Время – великий уравниватель. Все мы располагаем одинаковым его количеством, и нам приходится делать трудный выбор при его распределении. Фундаментальной проблемой для женщин, пытающихся достичь баланса между успешной карьерой и счастливой семьей, являются временные конфликты. Инвестиции в карьеру часто требуют значительных затрат времени на раннем этапе, именно в те годы, когда “нужно” заводить детей. Семья также требует значительного вложения времени. Этот выбор имеет динамические последствия, и у нас мало возможностей исправить неправильные решения» [7, р. 6].

Отпуск по уходу за ребенком отражает смещения как в политике равенства в целом, вскрывает деривационные ситуации и необходимость поиска стратегий оптимального баланса между семьей и профессиональной занятостью. Современные исследования показывают, что он может быть эффективным механизмом смягчения противоречий между семейными обязанностями и трудовой деятельностью [8], позволяя поддержать относительно стабильный уровень дохода семьи [9]. Имеются данные о том, что оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком положительно влияет на рождаемость [10], помогает значительно улучшить психическое и физическое здоровье матери и ребенка [11]. Например, показано его влияние на увеличение случаев кормления грудью [12] и снижение госпитализации младенцев [13]. Кроме того, использование отпуска отцами способствует укреплению семьи, улучшая отношения как между отцом и ребенком [14], так и между родителями [15].

Эмпирические исследования, проведенные в разных странах и регионах, демонстрируют проблемы, с которыми сталкиваются современные семьи с детьми, и механизмы, позволяющие сократить гендерный разрыв в различных социокультурных условиях и с учетом разных моделей социальной политики. Так, в Финляндии предлагаются меры, способствующие равномерному распределению отпусков по уходу за ребенком между родителями [16]. В Канаде меры социальной политики направлены на создание возможности включения женщины с ребенком в рынок труда при помощи гибкого графика работы [17]. В Швеции существуют специальные квоты, стимулирующие отцов использовать отпуск по уходу за ребенком [18]. Хорошие результаты показало использование шведской модели в Южной Корее, продемонстрировав эффективность учета международного опыта [19]. Тем не менее проблема дисбаланса далека от окончательного разрешения. Анализ этой проблемы на примере Республики Мордовия посвящено данное исследование.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили: гендерный подход, объясняющий основания дисбаланса социальных ролей, выполняемых женщиной в период отпуска по уходу за ребенком¹² [2; 3];

¹² Роткирх А., Темкина А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России; Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии.

социокультурный подход, описывающий гендерные отношения как культурно-символический конструкт и способствующий пониманию процесса конструирования моделей поведения женщин в период отпуска по уходу за ребенком¹³; институциональный подход, позволяющий выделить действие норм и функций, регулирующих период отпуска по уходу за ребенком¹⁴.

Исследование опиралось на принцип дополнительности и сравнительный анализ при работе с количественными и качественными данными, полученными в ходе исследования. Для анализа практик поиска баланса между заботой о семье и профессиональной занятостью использовались идеи М. Вебера о «понимающей социологии» и социальном действии, объясняющими процесс «переживания» и конструирования смыслов и значений тех или иных стратегий женщин в поиске баланса¹⁵.

В работе применялись статистические данные и нормативно-правовые документы, регламентирующие отпуск по уходу за ребенком до трех лет¹⁶.

При анализе поиска баланса в период отпуска по уходу за ребенком использовались теоретические разработки отечественных и зарубежных ученых, заложивших основы теорий социологии семьи и обладающих определенным объяснительным потенциалом в отношении изменений, происходящих в сфере семейных отношений¹⁷ [2; 3].

При выработке дизайна исследования мы исходили из того, что современные матери становятся более активными и инициативными при выборе жизненных стратегий и выстраивании профессиональных траекторий, проявляют себя как ведущий «субъект ориентирования и конструирования собственной жизни»¹⁸. В качестве гипотезы выступает предположение, согласно которому, несмотря на видимую гендерную чувствительность отпуска по уходу за ребенком, разбалансировка институциональных мер происходит на уровне возможностей семьи, которая балансирует между заботой о семье и профессиональной самореализацией. Эмпирическое исследование проводилось в период 2019–2022 гг. среди женщин г. Саранска и выстраивалось на качественно-количественной стратегии: применялся метод полуструктурированного интервью ($n = 25$) и анкетного опроса, проведенного в 2022 г. ($n = 100$). Выборка – целевая, опрашивались женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком. Выбор метода полуструктурированного интервью был связан с тем, что он позволил, с одной стороны, зафиксировать новые практики и варианты жизненных стратегий женщин в период отпуска по уходу за ребенком, с другой – сопоставить полученную информацию с данными анкетного опроса. Результаты

¹³ Роткирх А., Темкина А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России; Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии.

¹⁴ Парсонс Т. Система современных обществ.

¹⁵ Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 495–546.

¹⁶ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ; Численность женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком; Рождаемость по данным Росстат.

¹⁷ Антипова А. А., Крюкова А. В. Изучение социальных проблем молодой семьи в историческом ракурсе; Родительство 2.0 / А. Авдеева [и др.]; Савинов Л. И. Социальные процессы, включенные в трансформацию традиционных ценностей семьи // Социальные процессы современной России : междунар. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2020. С. 495–498.

¹⁸ Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М. : Мысль, 1991. 299 с.



анкетного опроса репрезентативны для той целевой группы, которая участвовала в опросе и в целом отражает тенденции, характерные для данной группы по исследуемой проблеме.

Результаты эмпирического исследования показали высокую важность профессиональной занятости для молодых мам как в период отпуска по уходу за ребенком, так и в перспективе. Предыдущее поколение женщин также находилось в условиях «двойного контракта», но период отпуска по уходу за ребенком воспринимался как некий тайм-аут в профессиональной жизни. Постепенное выравнивание прав, уровня образования и профессиональных достижений женщин сократили «шансы на сохранение традиционного порядка распределения ролей» [5].

Все респонденты были проинформированы о целях исследования и выразили готовность к сотрудничеству.

Исследование имеет пилотажный характер, так как в нем принимали участие только женщины Республики Мордовия, преимущественно проживающие в г. Саранске, и экстраполировать полученные данные на другие регионы без учета региональной специфики представляется некорректным.

Результаты исследования. Применение качественного метода исследования – интервью – позволило зафиксировать ориентированность женщин на профессиональную занятость в период отпуска. Рассматриваемая группа женщин неоднородна по возрасту, по уровню образования, доходу и по ряду других факторов, что сказывается на восприятии как самого отпуска, так и на характере распределения времени и ресурсов в этот период. Отметим, что женщины, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком отличаются потребностями, интересами, ценностными установками. В рамках данного исследования мы ограничились выявлением общего тренда на поиск баланса между заботой о семье и профессиональной деятельностью, для большей репрезентации требуется выделение подгрупп женщин, отражающих существующие различия между ними по социально-демографическим, профессиональным, социально-экономическим, стилевым характеристикам.

В рамках качественного этапа исследования были отобраны различные случаи, «указывающие на категории и их свойства, с целью обнаружения их и концептуальной связи между ними»¹⁹. Мы изучили опыт и практики женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, основываясь на принципах теоретической выборки, поэтому отбирали женщин с различным уровнем образования и дохода различными стилем жизни, увлечениями, профессиональным опытом. Разный опыт женщин позволил выявить различные варианты совмещения заботы о ребенке и профессиональной занятости.

Интервью показали, что современные женщины полностью не исключают ориентации на профессиональную деятельность. Некоторые женщины в ходе интервью определяли себя как «просто мама», отмечали, что не думают в настоящее время о работе, демонстрируя модель «полного погружения в материнство», исключая профессиональную занятость («С рождением сына решила – пусть теперь весь мир подождет. Полная отдача ребенку. И это

¹⁹ Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / пер. с англ. Т. С. Васильевой. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

не из-за того, что книжек каких-то не читалась, нет. Ну, в конце концов, для чего же я его родила. Деньги нужны всегда, не спорю, реализации, конечно, хочется, но когда ты уже поработала, то понимаешь, если нет собственного бизнеса, а работаешь по найму, то толка вкладываться и выкладываться нет»). Женщины при этом активно рассказывали о своих увлечениях, новых знаниях, навыках, компетенциях, которые они приобрели и приобретают в период отпуска по уходу за ребенком, например, изучают литературу по психологии, занимаются духовными практиками, проходят обучение по созданию блога, фотографии и т. д. Информантки неоднократно акцентировали внимание на том, что «перерыв в профессиональной деятельности способствует переосмыслению карьеры, позволяет более объективно оценить ее недостатки и достоинства» [20].

Интервью также показали, что есть женщины, которые в период отпуска целенаправленно ищут источник дохода (работа на телефоне, заполнение карточек для интернет-магазинов, копирайтинг). Была выделена группа женщин, ориентированных на монетизацию своих хобби (изготовление игрушек и бижутерии, приготовление кондитерских изделий, вязание одежды, макияж и т. д.): «Всегда любила шить, сначала брала заказы изредка в свободное время, потом в декретах полностью решила этим заняться»; «Примерно в 7–8 Тимуриных месяцев я и стала заниматься макияжем. Хоббипрактика»; «У меня возникла идея начать шить красивые подушечки для малышек. Мне всегда нравилось делать всякие такие мимишные подушечки, еще в детстве сама шила куклам. Вот шью подушечки-сплюшки всякие разные, и облачка, и слоников, и цветочки, да любые, потом стала чехлы на стульчики для кормления шить, тоже веселые такие, очень хорошо заказывают их у меня, а совсем для крох стала шить презыватели для зубов, гирлянды».

Некоторые женщины в период отпуска решили изменить направление своей профессиональной деятельности и попробовать себя в новом качестве, воспользовавшись перерывом, связанным с уходом за ребенком. Например, в интервью женщины рассказывали, что кардинально меняли свою сферу деятельности: из бухгалтерии уходили в журналистику, из экономики – в массаж, из маркетинга – в дизайн («Я хотела кардинально сменить деятельность, бросить бухучет и заняться тем, о чем давно мечтаю. Телевидением!»); «До декрета работала в банке. Сначала нравилось, но потом поняла: это не то, что мне нужно, совсем тяжело работалось, работаешь как автомат. И вот в отпуске решила попробовать поменять свою работу, освоила массаж, получила сертификат. Клиенты пошли, интересно работать, осваивать новые техники. Решила не останавливаться, а идти в медицину. Поступила сейчас в медколледж. Не все нравится, как преподают, но это мое, ощущаю себя по-другому».

Наконец, достаточно четко выделяется группа женщин, которые в период отпуска совмещают свою основную профессиональную занятость с заботой о семье, практически не выходя из профессионального поля (преподаватели, психологи, художники): «Полностью в декрет уйти не могу, надо и статьи писать, и не выпадать из профессионального поля, есть дипломники, обязательства



разные». Это подтверждает исследование М. Годованной и А. Темкиной, показавшее, что женщины творческих профессий придерживаются модели «интенсивно-расширенного материнства» [1].

Таким образом, складываются различные варианты совмещения заботы о семье и профессиональной занятости. Интервью зафиксировали различное отношение женщин к профессиональной самореализации в данный период – это и стремление сохранить себя в профессии (сохранение имеющихся знаний и умений), и поиск новых профессиональных траекторий, предполагающих формирование новых компетенций и навыков: «Сейчас в долгожданном декрете, изучаю книги по психологии. И так мне это нравится! Вот думаю связать свою жизнь с помощью детям. Образование у самой техническое, но не хочу возвращаться в профессию»).

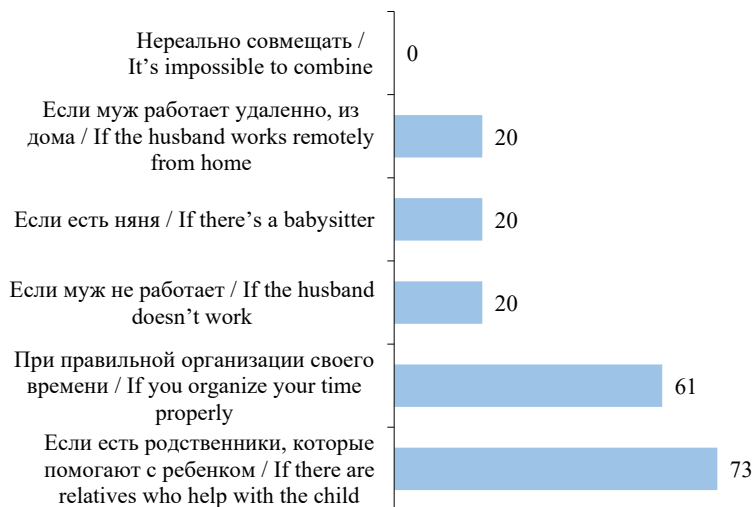
В интервью женщины проговаривали различные комбинации жизненных планов и стратегий, но в целом прослеживается тенденция на восприятие отпуска как периода перемен, переосмысления жизненных целей: «Декрет – это новый поворот в жизни, главное – умело им распорядиться»; «Как все-таки по-разному проходит у всех декрет. Для кого-то – это “день сурка”, а кто-то кардинально переосмысливает и меняет свою жизнь».

Женщины готовы меняться и менять вид профессиональной занятости, работать и переучиваться во время отпуска по уходу за ребенком. Они пробуют новые сферы использования своих знаний и умений, ищут различные варианты подработки и профессиональной самореализации.

Поиск баланса – ключевая проблема для женщины в отпуске по уходу за ребенком. В интервью женщины неоднократно отмечали, что «жизнь вся зависит от ребенка», «ну если спит хорошо, то время есть», «какие могут быть еще дела, если ребенок болеет, плачет постоянно». Многие респонденты рассказывали об использовании времени «по остаточному принципу», что подтверждает выводы М. Годованной и А. Темкиной: «На фоне интенсивной эмоциональной и физической вовлеченности в воспитание детей матери сталкиваются со снижением шансов на реализацию в профессиональной, социальной и гражданской сферах, со своеобразным «материнским штрафом» [1]. В те периоды, когда выполнение профессиональных и семейных обязанностей становится сложно или невозможно совместить, возникает ситуация «морального стресса», последствиями которого может стать эмоциональное выгорание и неспособность поддерживать долгосрочные отношения [21].

Результаты анкетного опроса показали, что 40 % женщин в период отпуска по уходу за ребенком в первую очередь идентифицируют себя с домохозяйками. При этом они не только заботятся о ребенке и решают бытовые вопросы, но и не забывают о профессиональной деятельности, нередко имеют подработки. 33 % женщин говорят о совмещении ролей «домохозяйки и деловой женщины», 7 % – относят себя к «деловым женщинам», и только 20 % женщин считают себя «просто мамами». Таким образом, 80 % женщин в той или иной степени включены в социальные практики, видоизменяющие сущностные характеристики отпуска, подтверждающие вывод о том, что занятость в период отпуска становится «опривыченным действием людей» [6].

Все опрошенные женщины полагают, что во время отпуска по уходу за ребенком реально совмещать семейные заботы и профессиональную занятость (предложенный в анкетном опросе вариант «нереально совмещать» не был выбран ни одной из опрошенных) (рисунок).



Р и с у н о к. Распределение ответов на вопрос об условиях, при которых женщина во время отпуска по уходу за ребенком может совмещать семью и занятость, %²⁰

F i g u r e. Distribution of answers to the question about the conditions under which a woman can combine family and employment during parental leave, %

61 % респондентов считают важным условием достижения баланса тайм-менеджмент. Его важность подтверждается и в интервью: «стала более организованной»; «читаю книги по тайм-менеджменту»; «накупила себе всяких полезных штук, чтобы планировать день и организовывать пространство»; «заялась расхламлением, сразу стало больше времени, все теперь по местам, нет ничего лишнего, сразу все раздаю, продаю, выкидываю».

73 % женщин считают, что во время отпуска по уходу за ребенком реально совмещать семейные заботы и профессиональную занятость, при условии что есть те, кто помогают с ребенком. Иными словами, они полагают, что баланс между семьей и профессиональной занятостью чаще всего достигается более традиционными способами – путем договоренностей «с родственниками и наемными работниками (преимущественно женщинами)» [3]. Это подразумевает помощь со стороны бабушек и дедушек (так считают 73 % опрошенных), а также услуг нянь, домработниц, клинингового сервиса (27 %). Последнее могут себе позволить семьи с достаточно высоким уровнем жизни или женщины, которые за время, потраченное на уборку дома, прогулку с детьми, способны заработать больше: «У меня няня гуляет с ребенком, а я в это время успеваю принять какое-то число клиенток»; «Уборкой дома не занимаюсь, приходит женщина к нам, готовит еду, убирается, я не трачу время на эти вещи, а занимаюсь своей любимой работой и от ребенка отдыхаю».

²⁰ Рисунок составлен авторами статьи. Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.



Рождение ребенка меняет жизнь семьи в целом, новый график и ритм жизни приводят к ролевой разбалансировке и поиску новых способов организации жизни. 47 % респондентов считают, что совмещение заботы о семье с другими интересами создает основу для конфликтных ситуаций, вместе с тем 33 % – успешно справляются с совмещением ролей. При этом достаточно большая группа женщин (20 %) затруднились с ответом. Можно предположить, что эту часть составили те женщины, которые не смогли отразить причины имеющихся трудностей и проблем. Интервью показали, что чем выше образование, карьерные достижения, культурный капитал женщины до рождения ребенка, тем сложнее выстраивать сбалансированную модель, так как и ребенок, и профессия требуют больших инвестиций времени и сил. Выработка стратегий и формирование жизненных практик крайне индивидуализированы, но общие тенденции ориентированы на остаточный минимум, если осталось время от ребенка, то можно и поработать. Такую модель, конечно, назвать сбалансированной сложно.

Обсуждение и заключение. Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что время отпуска по уходу за ребенком рассматривается женщинами не только как возможность для выполнения материнской роли, но и как ресурс для профессиональной самореализации. Несмотря на большую нагрузку, связанную с воспитанием ребенка, современные женщины находятся в постоянном поиске баланса между семьей и профессиональной занятостью, выстраивая индивидуальные траектории, подстраивая их под свои возможности и условия. Ориентация на совмещение заботы о семье и профессиональной деятельности не является только следствием реализации установок на более высокий уровень жизни. Исследование показывает, что профессиональная ориентация нужна современной женщине для самореализации, поэтому поиск баланса – ключевая проблема для женщины в отпуске по уходу за ребенком.

Эмпирический материал показал, что способы поиска баланса разнообразны и учитывают как внутренние (рациональная организация жизни), так и внешние (помощь со стороны нянь и родственников) факторы. Современные женщины стараются снизить риски от конфликта ролей, используя индивидуализированные способы организации времени. Описанные нами варианты совмещения заботы о ребенке и профессиональной деятельности не претендуют на полную репрезентативность, не являются жестко фиксированными. Скорее, они становятся отражением изменений, происходящих в современной семье, в ролевом и статусном взаимодействии молодых матерей. Эти изменения требуют нового осмысления отпуска по уходу за ребенком, его значения в жизни женщины и семьи в целом.

Перспективы дальнейшего исследования изучаемой темы связаны с выявлением практик поиска баланса в период отпуска по уходу за ребенком в других регионах, отличающихся от Республики Мордовия более высоким уровнем жизни, большими возможностями для самореализации, с иной инфраструктурой для материнства и детства, а также с более детальным учетом типов семей и женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком.

Достижение баланса в период отпуска по уходу за ребенком осложняется обстоятельствами, связанными как с гендерным неравенством, так и с региональным фактором.

Материалы данной научной статьи могут быть востребованы органами государственной власти, местного самоуправления, занимающимися вопросами социальной, демографической политики, проблемами социальной поддержки молодых семей с детьми, в том числе для разработки мер, направленных на переоценку значимости баланса заботы и профессиональной деятельности в период отпуска по уходу за ребенком, что является «живым» инструментом для установления баланса интересов семьи и общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Годованная А., Темкина А. Мать – ты навечно, но и художница – всегда: творчество в условиях интенсивно расширенного материнства // *Laboratorium: Журнал социальных исследований*. 2017. Т. 9, № 1. С. 30–61 URL: <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/633> (дата обращения: 10.03.2023).
2. Илюхина О. О., Фофанова К. В. Установки молодежи на семью и деторождение в Республике Мордовия // *Огарев-Online*. 2017. № 5 (94). URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/ustanovki-molodezhi-na-semyu-i-detorozhdenie-v-respublike-mordoviya> (дата обращения: 16.03.2023).
3. Чернова Ж. Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики // *Журнал исследований социальной политики*. 2011. Т. 9, № 3. С. 295–318. URL: <https://jsps.hse.ru/article/view/3510> (дата обращения: 21.03.2023).
4. Штроо В. А., Кольцова Е. А. Work Life Balance, или есть ли жизнь после работы? // *Психология в экономике и управлении*. 2012. № 2. С. 30–37. URL: <http://journalpsy.bgu.ru/reader/article.aspx?id=19185> (дата обращения: 10.03.2023).
5. Парето В. Италия в экономическом отношении // *Социология*. 2006. № 1. С. 200–225.
6. Луков В. А., Кириллина В. Н. Гендерный конфликт: система понятий // *Знание. Понимание. Умение*. 2005. № 1. С. 86–101. EDN: IKPPER
7. Coldin C. *Career & Family: Women's Century-Long Journey Toward Equity*. Princeton : Princeton University Press, 2021. 344 p. URL: <https://press.princeton.edu/books/hardcover/9780691201788/career-and-family> (дата обращения: 16.03.2023).
8. Petts R. J., Kaufman G., Mize T. D. Parental Leave-Taking and Perceptions of Workers as Good Parents // *Journal of Marriage and Family*. 2022. Vol. 85, issue 1. Pp. 261–279. <https://doi.org/10.1111/jomf.12875>
9. Petts R. J., Knoester C. Are Parental Relationships Improved if Fathers Take Time off of Work after the Birth of a Child? // *Social Forces*. 2019. Vol. 98, issue 3. Pp. 1223–1256. <https://doi.org/10.1093/sf/soz014>
10. Golightly E., Meyerhofer P. Does Paid Family Leave Cause Mothers to Have More Children? Evidence from California // *Journal of Labor Research*. 2022. Vol. 43. Pp. 203–238. <https://doi.org/10.1007/s12122-022-09329-y>
11. Bullinger L. R. The Effect of Paid Family Leave on Infant and Parental Health in the United States // *Journal of Health Economics*. 2019. Vol. 66. Pp. 101–116. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2019.05.006>
12. Hamad R., Modrek S., White J. S. Paid Family Leave Effects on Breastfeeding: A Quasi-Experimental Study of U.S. Policies // *American Journal of Public Health*. 2019. Vol. 109, no. 1. Pp. 164–166. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2018.304693>
13. Pihl A. M., Basso G. Did California Paid Family Leave Impact Infant Health? // *Journal of Policy Analysis and Management*. 2019. Vol. 38, issue 1. Pp. 155–180. <https://doi.org/10.1002/pam.22101>



14. Doucet A., McKay L. Fathering, Parental Leave, Impacts, and Gender Equality: What/how are we Measuring? // International Journal of Sociology and Social Policy. 2020. Vol. 40, no. 5/6. Pp. 441–463. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-04-2019-0086>

15. Petts R. J., Carlson D. L., Knoester C. If I [Take] Leave, Will You Stay? Paternity Leave and Relationship Stability // Journal of Social Policy. 2019. Vol. 49, issue 4. Pp. 829–849. <https://doi.org/10.1017/S0047279419000928>

16. De Laat K., Doucet A., Gerhardt A. More than Employment Policies? Parental Leaves, Flexible Work and Fathers' Participation in Unpaid Care Work // Community, Work & Family. 2023. Vol. 26, issue 5. Pp. 562–584. <https://doi.org/10.1080/13668803.2023.2271646>

17. Fathers' Parental Leave Uptake in Belgium and Sweden: Self-Evident or Subject to Employment Characteristics? / L. Marynissen [et al.] // Social Sciences. 2019. Vol. 8, no. 11. Article no. 312. <https://doi.org/10.3390/socsci8110312>

18. Kuitto K., Salonen J., Helmdag J. Gender Inequalities in Early Career Trajectories and Parental Leaves: Evidence from a Nordic Welfare State // Social Sciences. 2019. Vol. 8, no. 9. Article no. 253. <https://doi.org/10.3390/socsci8090253>

19. Kim Y., Lundqvist A. Parental Leave Reforms in South Korea, 1995–2021: Policy Translation and Institutional Legacies // Social Politics. 2023. Vol. 8. Article no. jxad008. <https://doi.org/10.1093/sp/jxad008>

20. Римащевская Н. М., Малышева М. М., Пискакова-Паркер М. П. Баланс профессиональных и семейных ролей отцов как залог устойчивости семьи и общества // Народонаселение. 2017. № 2. С. 28–41. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/view/6536> (дата обращения: 10.03.2023).

21. Алексуткина В. С., Фофанова К. В. Влияние отпуска по уходу за ребенком на карьерные стратегии женщин // Социальные нормы и практики. 2020. № 1 (3). URL: <https://snpractice.ru/?p=1015> (дата обращения: 10.03.2023).

22. Сычев А. А. Индивидуальные и коллективные измерения морального стресса // Человек. 2023. Т. 34, № 4. С. 170–180. <https://doi.org/10.31857/S023620070027359-1>

Поступила в редакцию 03.04.2023; поступила после рецензирования 11.05.2023; принята к публикации 23.05.2023.

Об авторах:

Фофанова Катерина Владиславовна, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2344-8986>, kateri02@yandex.ru

Дорогайкина Валерия Сергеевна, лаборант-исследователь центра развития инфраструктуры науки Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере (127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 20а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8573-1464>, v.aleksutkina@riep.ru

Заявленный вклад авторов:

К. В. Фофанова – научное руководство; постановка научной проблемы исследования; формулирование научной гипотезы исследования; определение целей исследования; критический анализ результатов исследования и доработка текста.

В. С. Дорогайкина – сбор и первичный анализ данных; разработка методологии исследования; сбор, систематизация и обработка аналитической информации; подготовка первоначального варианта текста; критический анализ и доработка текста.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Godovannaya A., Temkina A. “You Are a Mother Forever, but an Artist for Good, As Well”: Creative Work in the Context of Intensive-Extensive Mothering. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2017;9(1):30–61. Available at: <https://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/633> (accessed 10.03.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Ilyukhina O.O., Fofanova K.V. The Attitudes of Young People to Starting a Family and Childbearing: A Study of the Republic of Mordovia. *Ogarev-Online*. 2017;(5). Available at: <https://journal.mrsu.ru/arts/ustanovki-molodezhi-na-semyu-i-detorozhdenie-v-respublike-mordoviya> (accessed 16.03.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
3. Chernova Zh. Who Should Care for whom and under which Conditions? Gender Analysis of Care Regimes and Family Policy. *The Journal of Social Policy Studies*. 2011;9(3):295–318. Available at: <https://jsps.hse.ru/article/view/3510> (accessed 21.03.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Shtroo V.A., Koltsova E.A. Work Life Balance, or is there Life After Work? *Psychology in Economics and Management*. 2012;(2):30–37. Available at: <http://journalpsy.bgu.ru/reader/article.aspx?id=19185> (accessed 10.03.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
5. Pareto V. [Italy in the Economic Sense]. *Sociology*. 2006;(1):200–225. (In Russ.)
6. Lukov V.A., Kirillina V.N. [Gender Conflict: System of Concepts]. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2005;(1):86–101. (In Russ.) EDN: IKPPER
7. Coldin C. Career & Family: Women’s Century-Long Journey Toward Equity. Princeton: Princeton University Press; 2021. Available at: <https://press.princeton.edu/books/hardcover/9780691201788/career-and-family> (accessed 16.03.2023).
8. Petts R.J., Kaufman G., Mize T.D. Parental Leave-Taking and Perceptions of Workers as Good Parents. *Journal of Marriage and Family*. 2022;85(1):261–279. <https://doi.org/10.1111/jomf.12875>
9. Petts R.J., Knoester C. Are Parental Relationships Improved if Fathers Take Time off of Work after the Birth of a Child? *Social Forces*. 2019;98(3):1223–1256. <https://doi.org/10.1093/sf/soz014>
10. Golightly E., Meyerhofer P. Does Paid Family Leave Cause Mothers to Have More Children? Evidence from California. *Journal of Labor Research*. 2022;43:203–238. <https://doi.org/10.1007/s12122-022-09329-y>
11. Bullinger L.R. The Effect of Paid Family Leave on Infant and Parental Health in the United States. *Journal of Health Economics*. 2019;66:101–116. <https://doi.org/10.1016/j.jhealeco.2019.05.006>
12. Hamad R., Modrek S., White J.S. Paid Family Leave Effects on Breastfeeding: A Quasi-Experimental Study of U.S. Policies. *American Journal of Public Health*. 2019;109(1):164–66. <https://doi.org/10.2105/AJPH.2018.304693>
13. Pihl A.M., Basso G. Did California Paid Family Leave Impact Infant Health? *Journal of Policy Analysis and Management*. 2019;38(1):155–180. <https://doi.org/10.1002/pam.22101>
14. Doucet A., McKay L. Fathering, Parental Leave, Impacts, and Gender Equality: What/how are we Measuring? *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2020;40(5/6):441–463. <https://doi.org/10.1108/IJSSP-04-2019-0086>
15. Petts R.J., Carlson D.L., Knoester C. If I [Take] Leave, Will You Stay? Paternity Leave and Relationship Stability. *Journal of Social Policy*. 2019;49(4):829–849. <https://doi.org/10.1017/S0047279419000928>
16. De Laat K., Doucet A., Gerhardt A. More than Employment Policies? Parental Leaves, Flexible Work and Fathers’ Participation in Unpaid Care Work. *Community, Work & Family*. 2023;26(5):562–584. <https://doi.org/10.1080/13668803.2023.2271646>
17. Marynissen L., Mussino E., Wood J., Duvander A.-Z. Fathers’ Parental Leave Uptake in Belgium and Sweden: Self-Evident or Subject to Employment Characteristics? *Social Sciences*. 2019;8(11):312. <https://doi.org/10.3390/socsci8110312>
18. Kuitto K., Salonen J., Helmdag J. Gender Inequalities in Early Career Trajectories and Parental Leaves: Evidence from a Nordic Welfare State. *Social Sciences*. 2019;8(9):253. <https://doi.org/10.3390/socsci8090253>
19. Kim Y., Lundqvist A. Parental Leave Reforms in South Korea, 1995–2021: Policy Translation and Institutional Legacies. *Social Politics*. 2023;8: jxad008. <https://doi.org/10.1093/sp/jxad008>
20. Rimashevskaya N.M., Malysheva M.M., Pisklakova-Parker M.P. Balancing Fathers: Matching Professional and Family Roles as a Cornerstone of Society’s Sustainability. *Population*.



2017;20(2):28–41. Available at: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/view/6536> (accessed 10.03.2023). (In Russ., abstract in Eng.)

21. Aleksutkina V.S., Fofanova K.V. Impact of Parental Leave on Women's Career Strategies. *Russian Good Journal*. 2020;(1). Available at: <https://snpractice.ru/?p=1015> (accessed 10.03.2023). (In Russ., abstract in Eng.)

22. Sychev A.A. Individual and Social Dimensions of Moral Stress. *Chelovek*. 2023;34(4):170–180. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S023620070027359-1>

Submitted 03.04.2023; revised 11.05.2023; accepted 23.05.2023.

About the authors:

Katerina V. Fofanova, Dr. Sci. (Sociol.), Professor of the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University (68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2344-8986>, kateri02@yandex.ru

Valeria S. Dorogaykina, Laboratory Assistant-Researcher at the Center for the Development of Science Infrastructure, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in the Scientific and Technical Sphere (20a Dobrolyubova St., Moscow 127254, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8573-1464>, v.aleksutkina@riep.ru

Contribution of the authors:

K. V. Fofanova – scientific guidance; formulation of the scientific problem of research; formulation of the scientific hypothesis of research; definition of research objectives; critical analysis of research results and revision of the text.

V. S. Dorogaykina – collection and primary analysis of data; development of research methodology; collection, systematization and processing of analytical information; preparation of the initial version of the text; critical analysis and revision of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.



Креативные стратегии развития современных городов: особенности, сущность понятия и подходы к их пониманию

Е. А. Панина¹ ✉А. В. Леонтьева²Е. С. Франченко³

¹ Майкопский государственный технологический университет
(г. Майкоп, Российская Федерация)

² Адыгейский государственный университет (г. Майкоп, Российская Федерация)

³ Кубанский государственный технологический университет
(г. Краснодар, Российская Федерация)

✉ len_le@mail.ru

Аннотация

Введение. Креативные стратегии являются стратегиями активизации развития городского пространства, построены на инновационных проектах, как правило, с акцентом на активное развитие местной культуры, сохранение исторического наследия и опыта, развитие уникальности города, а также могут включать идеи «умного города». В городских пространствах стратегии реализуются по разному сценарию, поскольку города имеют отличающиеся культурные и инфраструктурные контексты. Цель статьи – проанализировать подходы к пониманию креативных стратегий в градостроительной деятельности и управлении городскими пространствами, изучить опыт ряда креативных городов Российской Федерации, что позволит разработать мероприятия в рамках креативной стратегии как наиболее универсального и перспективного подхода к городской креативности.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили результаты трудов авторов, изучающих различные аспекты и подходы к разработке и использованию креативных стратегий в рамках городской среды, занимающихся поиском перспективных универсальных стратегий, способствующих развитию потенциала культурной, социальной, экономической сферы креативного города. Диагностика состояния городской культурной среды, оценка креативной активности крупнейших российских городов, оценка креативных возможностей и угроз, обоснование приоритетов развития городской креативной среды выполнены на основе применения ретроспективного анализа, сравнения, синтеза, аналогии, обобщения. Подобный анализ способствует разработке мероприятий в рамках креативной стратегии по преодолению слабых сторон как препятствия и блокировке значимых угроз для развития городской среды.

Результаты исследования. Определены особенности современных креативных стратегий, построенных на основе концепции нового урбанизма. Дана сравнительная характеристика индексов креативности городских пространств, проанализированы проблемы их использования. Исследован опыт создания и реализации проектов креативного городского пространства российских городов. Проведен комплексный анализ внутренних и внешних факторов, существенных вызовов и значимых угроз для активного развития креативной сферы г. Краснодара, позволяющий разработать ряд мероприятий в рамках креативной стратегии.

© Панина Е. А., Леонтьева А. В., Франченко Е. С., 2023



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



Обсуждение и заключение. Исследование позволило определить подходы к пониманию креативных стратегий, построенных на инновационных идеях, творческом подходе к решению проблем с акцентом на развитие искусства, местной культуры, сохранении исторического наследия и уникальности городских пространств. Выводы и предложения по данному исследованию могут быть использованы в качестве универсальной матрицы для разработки мероприятий в рамках креативной стратегии развития современного городского пространства.

Ключевые слова: креативная стратегия, индекс креативности, креативная активность, городское культурное пространство, креативный класс

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Панина Е. А., Леонтьева А. В., Франченко Е. С. Креативные стратегии развития современных городов: особенности, сущность понятия и подходы к их пониманию // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 4. С. 770–787. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.770-787>

Original article

Creative Strategies for the Development of Modern Cities: Features, Essence of the Concept and Approaches to their Understanding

E. A. Panina^a ✉, A. V. Leontyeva^b, E. S. Franchenko^c

^a Maykop State Technological University (Maykop, Russian Federation)

^b Adyghe State University (Maykop, Russian Federation)

^c Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

✉ len_le@mail.ru

Abstract

Introduction. Creative strategies are strategies for activating the development of urban agglomeration, built on innovative projects, usually with an emphasis on the active development of local culture, the preservation of historical heritage and experience, the development of the uniqueness of the agglomeration, and may also include the ideas of a “smart city”. In agglomerations, creative strategies are implemented according to different scenarios, since urban spaces have different cultural and infrastructural contexts. The purpose of this article is to analyze approaches to understanding creative strategies in urban planning and urban space management; to consider the experience of a number of creative cities of the Russian Federation, including the city of Krasnodar, which will allow developing a number of measures within the framework of creative strategy as the most universal and promising approach to urban creativity.

Materials and Methods. The presented research is based on the results of the works of authors studying various aspects and approaches to the development and use of creative strategies within the urban environment, engaged in the search for promising universal strategies that contribute to the development of the potential of the cultural, social, economic sphere of the creative city. Diagnostics of the state of the urban cultural environment, assessment of the creative activity of the largest Russian cities, identification of threats and justification of priorities for the development of the urban creative environment are based on the use of retrospective analysis, comparison, synthesis, analogy, generalization.

Results. The features of modern creative strategies based on the concept of new urbanism are identified and analyzed. A comparative characteristic of the indices of creativity of urban spaces is given, the problems of their use are analyzed. The experience of creating and implementing projects of creative urban space of Russian cities is analyzed. A comprehensive analysis of internal and external factors, significant challenges and significant threats to the active development of the creative sphere of the city of Krasnodar has been carried out, which makes it possible to develop a number of measures within the framework of the creative strategy as the most promising approach to urban creativity.

Discussion and Conclusion. The study allowed us to identify approaches to understanding creative strategies based on innovative ideas, a creative approach to solving problems with an emphasis on the development of art, local culture, preservation of historical heritage and the uniqueness of urban spaces. The conclusions and suggestions of this study can be used as a universal matrix for the development of activities within the framework of a creative strategy for the development of modern urban space.

Keywords: creative strategy, creativity index, creative activity, urban cultural space, creative class

Conflict of interests. The authors declare that there is not conflict of interest.

For citation: Panina E.A., Leontyeva A.V., Franchenko E.S. Creative Strategies for the Development of Modern Cities: Features, Essence of the Concept and Approaches to their Understanding. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):770–787. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.770-787>

Введение. Современный город в сознании общества воспринимается как пространство возможностей и проблем одновременно. Возможности ограничены правилами поведения в городских пространствах, в рамках которых приняты на основе консенсуса общие новые идеи для всех субъектов градостроительной деятельности – население, инвесторы, власть. Одновременно это территории, где концентрируются экологические, социальные и экономические проблемы. Современные условия резкой активизации процесса урбанизации приводят к необходимости поиска и разработки идей по решению возникающих проблем качественного улучшения жизни в городских агломерациях во многих странах, в том числе в Российской Федерации.

Креативные стратегии развития современных городов, в том числе идеи умных городов, являются одними из самых востребованных подходов к градостроительной деятельности, которые способны увеличить туристские потоки, глобально решить многие экологические и экономико-социальные проблемы территории. Существует широкое разнообразие подходов к пониманию креативных стратегий развития городских агломераций, как в разных странах, так и в международных организациях.

Цель статьи – проанализировать различные подходы к пониманию креативных стратегий в развитии современных городских пространств и управлении городским культурным и инфраструктурным потенциалом; оценить опыт ряда городов Российской Федерации, использующих в градостроительной деятельности креативные стратегии, в частности города Краснодар, что позволит разработать ряд мероприятий в рамках креативной стратегии как наиболее универсального и перспективного подхода к городской креативности.

Обзор литературы. Различные аспекты и подходы к использованию креативных стратегий, идей «умного города» были изучены и проанализированы такими учеными и специалистами, как А. В. Вейнмейстер [1], Ю. Н. Гамбеева [2], В. А. Макеев [3], Д. Мэсси¹.

По мнению Ч. Лэндри, термин «креативный город» является понятием, сосредоточенным на потенциале индустрии культуры, который позволяет сделать городское пространство особенным и уникальным². Кроме того, он утверждал, что идея креативного города должна строиться на основе развития потенциала людей, организаций через науку, искусство, технологии или социальную сферу, что усилит индивидуальность города. Р. Флорида в своих трудах популяризировал понятие «креативный класс», утверждая, что креативные люди (ученые, инженеры, художники, музыканты, дизайнеры) являются рычагом экономиче-

¹ Massey D. *Cities in the World* // *City Worlds* / ed. by D. Massey, J. Allen, S. Pile. London : Routledge, 1999. 196 p.

² Лэндри Ч. *Креативный город*. М. : Классика-XXI, 2011. 397 с.



ского развития города³. По его мнению, для привлечения креативного класса, необходимо развивать три фактора «Т»: технологии, талант и толерантность.

Дж. Поттс аргументирует свои предложения в пользу комплексного подхода к креативности пространства – использование социального, культурного и экономического аспектов понимания креативности города как дополнения к конкретному социально-историческому контексту. Ученый выделил следующие основные креативные стратегии: уважение к культурному и историческому наследию города, экономическое развитие с приоритетным учетом маркетинга места и местной конкуренции, социальная интеграция, акцент на культурную индустрию и творчество [4].

Идеи создания и реализации проектов креативного городского пространства находили свое отражение и в российской практике. Яркими примерами использования моделей развития креативного города является опыт таких городов, как Мышкин и Пермь, при этом в Мышкине модель построена на подходе Ч. Лэндри, а в Перми – на подходе Р. Флориды. В г. Мышкине проект был успешно реализован, акценты ставились на культурно-историческую уникальность и на местные ресурсы, результатом стали туристская специализация города и превращение его в успешный туристский бренд. В г. Перми акцент ставили на нишу культурной столицы Европы. Для реализации проекта были привлечены дорогостоящие столичные кадры, однако население выступило в качестве пассивного потребителя культурного городского продукта. Результаты проекта в Перми оказались спорными, и он был закрыт [5; 6].

В широком значении под креативными стратегиями многие авторы понимают стратегии развития городов, построенные на инновационных идеях, творческом подходе к решению проблем с акцентом на развитие искусства, культуры, сохранение исторического наследия и уникальности городских пространств [5; 7–9]. Проанализировав существующие многочисленные подходы авторов по поводу понятия «креативная стратегия», мы приходим к выводу, что под креативной стратегией понимаются некие мероприятия, позволяющие сформировать перформативно-активное дискурсивное городское пространство, способное к самообновлению, расширяющее возможности гражданских инициатив. По мнению исследователей, креативные города в рамках стратегий развития рассматриваются как урбанизированные пространства, которые могут обеспечить высокое качество жизни горожан и возможности для реализации их творческого потенциала [10–13]. В исследованиях Д. Мэсси, Р. Лэнга отмечено, что креативные стратегии содержат решение целого ряда проблем: формирование устойчивой городской общности, а именно «креативный класс»⁴; в трудах Т. А. Джум, Е. Л. Заднепровской, Т. Н. Поддубной, Ф. Р. Хатит подчеркнута усиление культурного и туристского имиджа города [14–19]; в работах зарубежных ученых акцентируется внимание на развитии туристской инфраструктуры города как части успешного бренда городской территории [20; 21]; в разработках Т. Н. Суминой, Н. А. Лебедевой видим поддержку местной мифологии

³ Florida R. The Rise of the Creative Class. New York : Basic Books, 2002.

⁴ Massey D. Cities in the World; Lang R. E. Edgeless Cities: Exploring the Elusive Metropolis. Washington : Brookings Institutions Press, 2003. 154 p.

и распространения символики памятных мест [6; 22]. В исследованиях ученых также большое внимание уделено развитию индивида в городской цифровой среде⁵ [23–26].

Следует отметить, что современные урбанистические концепции не являются универсальными инструментами для развития городского пространства, а служат теоретической основой для возрождения и оживления отдельных городов. Использование концепций креативных, умных, зеленых городских пространств в стратегиях развития одновременно могут приводить как к превращению города в комфортную среду для горожан, так и к отдельным негативным аспектам развития города.

Материалы и методы. В качестве теоретической базы данной работы послужили публикации авторов и специалистов, изучающих вопросы разработки и реализации креативных стратегий в городской среде, выявляющих перспективные направления, способствующие повышению имиджа современных городов, комфортности и безопасности. Информационную основу исследования составили официальные статистические данные Росстата, расчеты НИУ ВШЭ по данным систем «СПАРК-Интерфакс» и «Fira-Proo» относительно развития городской креативной среды:

- исследование равномерности распределения креативных индустрий в Российской Федерации;

- анализ роли российских городов, вне зависимости от их масштабов, в общей численности занятых в креативных индустриях.

Изучен опыт оценки городского пространства российскими специалистами на основе индекса креативного капитала, который построен на блоках: город, люди, бизнес, власть, бренды [2; 7–9; 23]. Подчеркнута уникальность данной методологии в оптимизации показателей в зависимости от численности населения и масштабов городов: использование методологии привело к разрушению стереотипа о том, что регионы отстают от столицы в сфере экономики.

В оценке характеристик индексов креативности городских пространств отмечены преимущества и недостатки подобных агрегатов: часто не предоставляют полной информации о методологии и показателях; невозможно проверить данные опытным путем; тесная привязка к региональным особенностям городского пространства и т. д. Для оценки функционирования городской среды в городе Краснодаре, выделения возможностей и угроз, аргументации приоритетов его развития в рамках креативной стратегии использовались общенаучные методы исследования. Ретроспективный анализ позволил изучить опыт активизации развития российских и зарубежных городов на основе использования креативных стратегий, разработок международных ассоциаций (проекты «Креативные Города», «Европейская культурная столица», «Сеть Креативных Городов ЮНЕСКО»). Комплексный анализ способствовал объективной оценке вклада в креативный капитал г. Краснодара таких показателей, как креативность жителей, социокультурная активность, здравоохранение и социальная поддержка. Проведенный

⁵ Gamidullaeva L. A., Chernetsov M. V., Chistilina E. V. Inter-Organisational Networks and Innovation Intermediation in the Digital Age // Vision 2020: Sustainable Economic development, Innovation Management, and Global Growth: proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference (IBIMA 2017). Madrid, 2017. P. 3354–3363.



обзор мнений ученых свидетельствует о том, что фундаментом креативного городского пространства являются творчески-креативные индустрии, активно использующие инновации, разумные технологии, институциональную интегрированность. Кроме того, комплексный анализ позволил выявить особенности сильных и слабых сторон города как внутренних факторов роста (сдерживания) развития городской среды, а также возможности как внешних факторов роста, угрозы для развития городского пространства. Метод обобщения на основе комплексного анализа позволил сформировать ряд предложений по активизации мероприятий в рамках креативной стратегии с целью развития современного городского креативного пространства.

Результаты исследования. Креативные стратегии, построенные на основе концепции нового урбанизма, провозглашают городское пространство общественным, общим и комфортным для всех. Перечислим десять принципов «разумного урбанизма»:

- баланс гармонии городских традиций и культурно-исторического наследия;
- человеческий масштаб: комфортное проживание лиц в городской среде;
- матрица возможностей: город должен быть пространством для личностного, социально-экономического развития;
- баланс с природой: города как центры агрегации людей, производств, транспорта не должны действовать вопреки природе;
- использование разумных технологий в устранении проблем, которые могут возникать из-за использования различных ресурсов;
- баланс между потреблением энергии, времени и прочих ресурсов и повышением комфорта жизни, безопасности, производительности;
- специализация мест в пространственной системе города для социального взаимодействия с целью личного досуга, общественной активности;
- региональная интеграция: город является частью социально-экономической и культурной среды региона, с которым он связан ресурсами и коммуникациями, поэтому должен реализовывать соответствующую политику развития пригородных территорий;
- сбалансированность городского движения;
- институциональная интегрированность: наличие прозрачного и эффективного городского креативного менеджмента, построенного с учетом инициатив местного сообщества.

Подобные принципы активизации развития креативных городов использовались в опыте ряда городов разных стран или международных ассоциаций. Примерами подобного опыта могут быть следующие креативные проекты:

- «Креативные Города» (2008 г.). Данный проект включает перечень инструментов, онлайн-площадок, которые стимулируют развитие инноваций, позволяют обмениваться новаторскими идеями в рамках сотрудничества городов. В проекте принимали участие 15 стран: Венгрия, Великобритания, Дания, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Российская Федерация, Словакия, Словения, Украина, Финляндия, Чешская Республика, Швеция, Эстония;
- «Европейская культурная столица» (1985 г.). В проект включались города, которые разрабатывали и представляли годовую программу культурных меро-

приятий с целью привлечения международного интереса, развития городского пространства: Афины (Греция), Генуя (Италия), Краков (Польша), Линц (Австрия), Стамбул (Турция), Печ (Венгрия), Эссен (Германия) и др.;

– «Сеть Креативных Городов ЮНЕСКО» (2005 г.). Проект разработан на основе Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном многообразии, а также предложений Всемирного альянса Культурного многообразия 2002 г. В международной программе участвовало 246 городов по семи направлениям – от гастрономии до цифрового искусства и музыки. Санкт-Петербург был включен в данное креативное пространство по направлению гастрономии, Казань – по направлению музыки, Каргополь – по направлению декоративно-прикладного искусства.

Разными международными организациями и странами были разработаны индексы креативности, с помощью которых анализируется феномен креативности, исследуются показатели оценки экономического влияния креативной индустрии на экономическую и культурную жизнь стран и городов. В таблице 1 представлены индексы креативности, которые являются наиболее актуальными для определенных территорий, при этом они имеют ряд недостатков, из-за которых не могут носить универсальный характер.

Таблица 1. Индексы креативности и причины их ограниченного использования⁶

Table 1. Creativity indices and the reasons for their limited use

| Индекс / Index | Краткая характеристика / Brief description |
|--|--|
| F-ECI (Florida's Creativity Index) – Европейский индекс креативности | Первый индекс креативности, разработанный именно для европейских стран, анализировались только 14 европейских стран |
| SV-CCI (Silicon Valley's Creative Community Index) – индекс креативности сообщества Силиконовой долины | Подчеркивает важность культуры для креативности, технического прогресса и социальной связанности, построен на личных интервью и опросе, разработан для Силиконовой долины, поэтому его трудно использовать в других регионах |
| HKCI (Hong Kong Creativity Index) – индекс креативности Гонконга | Включает в себя 88 показателей, которые делают индекс более эффективным, однако большое количество показателей затрудняет сбор данных и их анализ |
| CZCI (Czech Creativity Index) – Чешский показатель креативности | Представляет анализ пространственных вопросов путем тестирования индексов кластеризации и пространственной автокорреляции, применялся только в Чехии |
| CICE (Composite Index of the Creative Economy) – комплексный индекс креативной экономики | Предлагает инновационный метод для определения веса: эндогенный весовой, ведет к снижению числа показателей и индикаторов |
| J-CCI (Creative City Index) – индекс креативного города | Индекс включает в себя 78 показателей, которые разделены на две основные категории: «фундаментальные» и «текущие» факторы, не предоставляет полной информации о методологии и показателях |
| ECI (European Creativity Index) – Европейский креативный индекс | Оптимальный набор показателей; определяет источники данных; невозможно проверить опытным путем данные |
| L-CCI (Landry's Creative City Index) – индекс креативного города по Ч. Лендри | Используются как внутренняя, так и внешняя оценка, а также онлайн-исследования, методология и показатели не раскрываются общественности |
| CCI-CCI (Creative City Index) – креативный индекс города | Собирает лучшее из всех предыдущих индексов и добавляет несколько новых показателей, игнорирует важный аспект: развитие предпринимательства |
| GCI (The Global Creative Index) – глобальный индекс креативности | Охватывает 82 страны; усовершенствованное измерение толерантности, ограниченное количество показателей |

⁶ Таблица составлена авторами статьи.



Как видим, многие индексы имеют специфический характер, т. е. могут использоваться по отношению к определенным территориям, иметь ограниченное количество показателей, не раскрывать методологию исследований и др.

К наиболее значимым российским разработкам подобных индексов можно отнести Индекс креативного капитала городов (2017 г.), разработанный командой Calvert Journal и PWC, и Индекс креативной специализации городов (2021 г.), созданный сотрудниками ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. Индекс креативности, предложенный для российских городов, построен на интуитивных, методологически не проработанных основаниях. Индекс креативной специализации городов дает оценку потенциала креативности с точки зрения материальной инфраструктуры и инвестиций. Отметим, что пока не разработан индекс креативности города, который бы давал оценку креативности с уклоном на ментальность, символизм и предрасположенность местного населения города.

2021 г. был объявлен ООН Международным годом креативной экономики в целях устойчивого развития. В этом же году в Российской Федерации была утверждена Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г.⁷ В ней предложен и обоснован алгоритм поддержки мегаполисов, других городов и негородских территорий; дана трактовка понятия «креативная индустрия» – индустрия с высокой добавленной стоимостью, построенная на интеллектуальном фундаменте результатов профессиональной, научной и других видов деятельности.

Кроме того, в 2021 г. в России стартовали программы по развитию креативной экономики, городских кластеров и творческих индустрий. В период с ноября 2021 г. по март 2022 г. был организован национальный метафорум «Креативные города», в котором приняли участие представители 117 городов. На метафоруме были представлены уникальные проекты развития городских территорий, к примеру, г. Байкальск представил креативную концепцию развития кластера Архитектон; г. Хотьково – проект города как арт-объекта и т. д.

В нашей стране предложена единственная в мире премия, охватывающая все креативные отрасли, – премия Russian Creative Awards. Она присуждается субъекту Российской Федерации, инновационные предложения которого оказались наиболее эффективными и знаковыми для развития креативной экономики региона. В 2022 г. победителем стала Республика Саха (Якутия), финалистами – Нижегородская, Тюменская области, Красноярский край, Республика Татарстан.

Специалисты компании PwC и фонда Calvert 22 разработали рейтинг креативной активности (2019 г.), верхние строчки которого заняли города Москва, Санкт-Петербург, Казань. В первой десятке также оказались Екатеринбург, Владивосток, Новосибирск, Тюмень, Краснодар, Калининград, Великий Новгород. Специалисты оценивали городские пространства на

⁷ Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года от 20 сентября 2021 г. [Электронный ресурс] // Правительство России : [сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVlxBCjIAAtAya8FAVDUfPpdf> (дата обращения: 15.03.2023).

основе индекса креативного капитала, который построен на следующих блоках: город (инфраструктура), люди (человеческий капитал), бизнес (деловая среда), власть (политика), бренды (имидж). Уникальность данной методологии заключается в оптимизации показателей в зависимости от численности населения и масштабов городов. Применение данной методологии привело к интересным результатам: разрушен стереотип о том, что регионы отстают от Москвы и Санкт-Петербурга в сфере экономики. Города Тюмень, Челябинск, Красноярск, Новосибирск лидируют по благосостоянию креативного класса; Казань – на первом месте по общей образованности горожан; Уфа, Казань, Новосибирск – города с самой современной креативной инфраструктурой; Калининград имеет больше креативных компаний и проектов, чем Санкт-Петербург; Казань, Тюмень и Красноярск имеют более сильную поддержку со стороны местных властей, чем Москва. Кроме того, по степени развития образовательной среды для креативного человеческого капитала первые строчки заняли города Калининград, Владивосток, Казань, по научно-исследовательским компетенциям – Новосибирск.

В 2021 г. Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ провел исследование равномерности распределения креативных индустрий в Российской Федерации. Оно подтвердило, что креативные индустрии – явление городское. Отмечено, что масштаб города не всегда моделируется с величиной индекса креативной активности. Так, из 16 российских городов-миллионников в топ-20 рейтинга вошли только семь городов: Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Краснодар, Новосибирск, Нижний Новгород, Казань⁸. Анализ роли российских городов вне зависимости от их масштабов в общую численность занятых в креативных индустриях показал, что в городах-миллионниках более высокий индекс креативной активности по сравнению со средним по выборке в сферах: в архитектуре – на 58 %, в информационных технологиях и рекламе – на 57 %, в дизайне и звукозаписи – на 24 и 23 % соответственно⁹.

Далее более подробно остановимся на креативной активности Краснодара. В указанном выше рейтинге город занял седьмое место. Наибольший вклад в креативный капитал города внесли следующие показатели: креативность жителей, социокультурная активность, здравоохранение и социальная поддержка. В данном случае можем утверждать, что г. Краснодар в креативном развитии руководствовался моделью развития Ч. Лэндри, поскольку использовался, в первую очередь, потенциал местного человеческого капитала. Город обладает значительными возможностями для повышения креативной активности с точки зрения культуры и творческой индустрии, поскольку имеет большой культурный потенциал, о чем свидетельствуют данные таблиц 2 и 3.

⁸ Креативная специализация российских городов. Научный дайджест. Спецвыпуск / НИУ «Высшая школа экономики»; Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала. М., 2022. С. 7.

⁹ Там же. С. 9.

Таблица 2. Основные показатели культуры по Краснодарскому краю¹⁰

Table 2. Main indicators of culture in the Krasnodar Territory

| Показатель / Indicator | Годы / Years | | | | | |
|--|--------------|-------|-------|-------|-------|-------|
| | 2010 | 2015 | 2018 | 2019 | 2020 | 2021 |
| Число профессиональных театров, ед. / Number of professional theaters, units | 5 | 5 | 5 | 7 | 7 | 7 |
| Численность зрителей, тыс. чел. / Number of viewers, thousand people | 451 | 572 | 536 | 563 | 146 | 222 |
| Число спектаклей, проведенных театрами, ед. / The number of performances held by theaters, units | 1 346 | 1 443 | 1 419 | 1 495 | 368 | 1 309 |
| Число музеев, ед. / Number of museums, units | 59 | 61 | 61 | 61 | 61 | 63 |
| Число посещений музеев, тыс. чел. / Number of museum visits, thousand people | 2 201 | 2 211 | 2 700 | 2 849 | 1 080 | 2 025 |
| Организации культурно-досугового типа, ед. / Cultural and leisure type organizations, units | 1 142 | 1 095 | 1 088 | 1 086 | 1 087 | 1 086 |
| Число библиотек, ед. / Number of libraries, units | 1 109 | 846 | 818 | 820 | 1 045 | 1 045 |

Большая часть показателей по количеству единиц числа театров, музеев, организаций культурно-досугового типа в Краснодарском крае приходится на город Краснодар. В 2020–2021 гг. наблюдалось значительное падение зрительской активности, что объясняется ограничениями посещений общественных мест в связи с противоковидными мероприятиями. К наиболее известным театральным и концертным организациям относятся Краснодарский академический театр драмы имени М. Горького, Краснодарский музыкальный театр, Концертный зал Государственного академического Кубанского казачьего хора, Молодежный театр и т. д. В городе расположены музеи с широчайшим экспозиционным потенциалом: Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник имени Е. Д. Фелицына, Краснодарский краевой художественный музей имени Ф. А. Коваленко, Литературный музей и т. д. Культурные ресурсы города представлены также библиотечными организациями с универсальными и уникальными с точки зрения историчности и научности фондами: библиотека имени Н. А. Некрасова, Краснодарская краевая универсальная научная библиотека имени А. С. Пушкина и др.

Кроме того, в Краснодаре большое внимание уделяется развитию современного искусства и бизнес-пространства в рамках творческой индустрии (табл. 3).

Таблица 3. Творческие организации современного искусства и бизнес-пространства¹¹

Table 3. Creative organizations of contemporary art and business space

| Креативное пространство / Creative spaces | Краткая характеристика / Brief description |
|---|--|
| 1 | 2 |
| Креативный кластер «Колос» / Creative cluster “Ear” | Городское пространство для работы, отдыха и культурных событий / Urban space for work, leisure and cultural events |
| Арт-пространство «Свои» / Art space “Theirs” | Городская локация для реализации театральных проектов / Urban location for realization of theater projects |

¹⁰ Источник: Сохина А. В. Экскурсионная деятельность культурно-исторической направленности для семейной аудитории на примере Краснодарского края // Тезисы докладов L научной конференции студентов и молодых ученых вузов Южного федерального округа (февраль – март 2023 г., г. Краснодар). Краснодар : КГУФКСТ, 2023. Часть 2. С. 264.

¹¹ Таблица составлена авторами статьи.



Окончание табл. 3 / End of table 3

| 1 | 2 |
|---|---|
| Креативная территория «Пространство» / Creative territory “Space” | Локация для проведения культурных и деловых мероприятий / Location for cultural and business events |
| Пространство «Графит» / Space “Graphite” | Локация для проведения фотосессий, мастер-классов, камерных мероприятий, кинопоказов, выставок / Location for photo shoots, master classes, chamber events, movie screenings, exhibitions |
| Арт-лофт «Павильон» / Art-loft “Pavilion” | Локация, оформленная в индустриально-кирпичной романтике, состоящая из четырех арт-пространств / Location decorated in industrial-brick romance, consisting of four art spaces |
| Галерея Ларина / Larin Gallery | Одно из главных арт-пространств Краснодара, организовываются экспериментальные выставки / One of the main art spaces in Krasnodar, experimental exhibitions are organized |
| Бизнес-пространство «Коворкинг “Платформа”» / Business-space “Coworking ‘Platform’” | Локация для организации мастер-классов, бизнес-курсов, онлайн- и офлайн-конференций / Location for organizing master classes, business courses, online and offline conferences |
| Арт-центр «Бронзовая лошадь» / Art-center “Bronze horse” | Лофт для проведения различных мероприятий, сочетающих современное искусство и антиквариат / Loft for various events combining contemporary art and antiques |
| Художественная галерея «Доротея» / Art gallery “Dorothea” | Модное арт-пространство современного искусства, проведения лекций и мастер-классов / Trendy art space for contemporary art, lectures and master classes |
| Бизнес-пространство «Коворкинг “Blocs”» / Business space “Coworking ‘Blocs’” | Бизнес-локация с современными смарт-офисами, конференц-залами; проводятся мастер-классы / Business location with modern smart offices, conference rooms; workshops are held |
| Частный музей «Особняк» / Private museum “Mansion” | Обстановка музея – попурри из предметов антиквариата, картин и фотографий известных горожан, ремесленных изделий / The museum’s furnishings are a potpourri of antiques, paintings and photographs of famous townspeople, and handicrafts |
| Торговое пространство Harrison Art / Retail space “Harrison Art” | Локация является местом продажи художественных материалов, а также пространством для выставок, кинопоказов, лекций, книжных базаров / Location is a place to sell art materials as well as a space for exhibitions, film screenings, lectures, and book bazaars |
| Галерея «АртСоюз» / Gallery “ArtUnion” | Галерея является центром современного искусства, картин кубанских художников и мастеров декоративно-прикладного искусства / The gallery is a center of contemporary art, paintings by Kuban artists and masters of arts and crafts |

Как видим, культурный потенциал Краснодара широк и разнообразен, учтены культурные и бизнес-интересы различных социальных групп потребителей. При этом отметим, что культура выполняет ряд эффективных функций для города:

- культурный объект или продукт может выступать символом территории;
- культурные события могут обеспечивать привлекательность территории;
- культура способствует повышению креативности и усилению идентичности города.

Человеческий капитал является основным движущим фактором формирования городского креативного пространства, поэтому необходимо уделять большое внимание проблемам развития креативного класса, для чего необходимо удовлетворять потребности данного класса по таким сферам, как:



– городская инфраструктура (безопасность; транспортная развитость; экология; качественное здравоохранение; современные онлайн-платформы; комфортные зоны отдыха и коммуникаций; работа с гражданскими инициативами);

– бизнес-среда (возможности профессионального роста в креативных сферах; рабочие места в культурной сфере; креативные кластеры);

– культурно-образовательная среда (система образования всех уровней; активная культурно-досуговая городская деятельность; активная выставочно-ярмарочная деятельность в сфере делового и событийного туризма).

Комплексный анализ внутренних и внешних факторов, существенных вызовов и значимых угроз для активного развития креативной сферы г. Краснодара показал следующее:

1) Сильные стороны города как внутренние факторы роста:

– административный центр региона, лидирует в сфере успешно реализованных мегапроектов: зимние Олимпийские игры 2014 г.; Чемпионат мира по футболу 2018 г.; этапы Формулы-1; Крымский мост;

– уникальное транспортное расположение: центр транспортной сети края (пересечение 6 автомагистралей), в том числе на близком расстоянии находятся 7 морских портов;

– город является лидером Южного полюса роста: по рейтингу RCI – 5 место из 85; по рейтингу «Эксперт РА» – 1А;

– высокая доля численности трудоспособного населения;

– высокая обеспеченность торговыми и складскими площадями на душу населения;

– значительный культурный и научный потенциал.

2) Слабые стороны города как препятствия для развития городской среды:

– дефицит социальной инфраструктуры;

– износ и нехватка мощностей инженерных сетей;

– высокая транспортная загруженность города.

3) Возможности города как внешние факторы роста:

– формирование агломерационного эффекта;

– дальнейшее развитие сегмента промышленных площадок, индустриальных парков, которые привлекут дополнительные инвестиции в городской бюджет;

– строительство транспортных развязок, которые разгрузят центральную часть города;

– строительство транспортного хаба, что позволит увеличить рынки сбыта различных производств;

– создание условий для привлечения высокотехнологичного бизнеса.

4) Наиболее значимые угрозы для развития города:

– рост диспропорций в экономической сфере;

– уменьшение инвестиционной привлекательности;

– рост численности населения опережает темпы городской инфраструктуры;

– транспортный коллапс;

– снижение качества человеческого капитала за счет понижения качества образовательных и культурных услуг, привлечение низкопрофессиональных кадров извне;

– экологическое истощение территории;

– рост конкуренции в сфере делового туризма со стороны городов края и Республики Крым.

Таким образом, в ходе анализа выявлены особенности сильных и слабых сторон города как внутренних факторов роста (сдерживания) развития городской среды, а также возможности как внешние факторы роста, угрозы для развития городского пространства.

Обсуждение и заключение. Необходимо отметить, что многие российские и зарубежные индексы креативности имеют достаточно узкоспециализированный характер, ограничены количеством показателей, могут применяться только по отношению к отдельным городским пространствам, часто авторы не раскрывают методологию исследований. Индекс креативной специализации городских пространств оценивает потенциал креативности с точки зрения материальной инфраструктуры и инвестиционной привлекательности. Если рассматривать индекс креативности, который предложен для российских городов, то он построен больше на интуитивных, методологически не проработанных основаниях. Отметим, что пока не разработан индекс креативности города, который бы давал оценку креативности с уклоном на ментальность, символизм и предрасположенность местного населения города, т. е. тот индекс, который бы объективно оценивал креативность Краснодара, поскольку город обладает серьезными возможностями для повышения креативной активности с точки зрения культурных возможностей и возможностей творческой индустрии.

Для преодоления слабых сторон, которые могут стать препятствиями для развития городской среды, и блокировки значимых угроз для г. Краснодара в креативную стратегию необходимо включать следующие мероприятия:

- развитие творческого сообщества в городском пространстве в рамках кластеров (место взаимодействия профессионалов в творческих центрах-площадках);
- создание многообразия творческих мест активности (рабочих хабов) в рамках креативного кластера (творческого сообщества);
- поощрение и внедрение гражданских инициатив творческого характера горожан в области инвестиционно-строительных проектов (в рамках девелопмента) культурного пространства;
- формирование притягивающего образа города для туристов с помощью инструментов имиджирования;
- более активное участие культурных, научно-образовательных, спортивных городских учреждений и организаций в выставках креативной тематики, в обмене опытом реализации креативных проектов; активизация делового туризма на базе городской индустрии гостеприимства, организация семинаров, конференций по проблемам культурной сферы, гастрономических, релаксационных, спортивных событий и др.;
- активизация создания комплекса технико-программных средств в рамках «безопасного города – умного города»;
- активизация рекламирования мест городской исторической памяти (курс памяти), городской культуры (к примеру, «город-джаз»).



Креативный город – это оптимальная среда существования креативного класса и функционирования креативного сектора, в котором значительное внимание должно уделяться инфраструктуре и имиджу культурных звеньев, развитию социальной структуры и творческих кластеров. Акцент на активном развитии городского культурного пласта ведет к опосредованному экономическому эффекту – росту доходов в смежных отраслях, в первую очередь в туризме, созданию престижных рабочих мест, диверсификации экономической базы городского пространства. Кроме того, развитие культурных звеньев ведет к значительному социальному эффекту – усилению гражданской сплоченности и росту гражданской гордости, уменьшению преступности. Экономический и социальный эффекты от активного развития городского культурного пространства ведут к улучшению имиджа города, что в свою очередь способствует привлечению дополнительных инвестиционных потоков, притоку креативного класса, созданию благоприятной среды для предпринимательства. Креативный город часто сравнивают с «живым организмом», которому присуще активное саморазвивающееся начало, это город-перформанс.

Таким образом, в данном исследовании мы суммировали различные теоретические представления о креативной стратегии развития современных городов: особенности, сущность понятия и подходы к их пониманию. На наш взгляд, креативная стратегия развития городского пространства в ближайшем будущем станет основой социально-экономической жизни агломерации в целом. Результаты могут использоваться для исследовательской и экспертно-аналитической деятельности представителями научного сообщества, муниципальных ведомств и др. Перспективным направлением для дальнейшей работы может стать попытка разработки универсального индекса креативности, в том числе учитывающего ментальность, символизм и предрасположенность местного населения города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вейнмейстер А. В., Иванова Ю. В. «Культурные индустрии» и «креативные индустрии»: границы понятий // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 1 (26). С. 38–48. URL: https://old.culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2017/ijcr_1-26-2017_full.pdf (дата обращения: 15.03.2023).
2. Гамбеева Ю. Н., Смей В. М. Роль креативных индустрий в социально-экономическом развитии территории // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 6 (452). С. 89–96. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10610>
3. Макеев В. А. Социальные особенности формирования городской среды // Человек. Социум. Общество. 2022. № 1. С. 10–14. URL: <https://education-art.ru/wp-content/uploads/2022/07/%D0%A7%D0%A1%D0%9E-2022-1.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).
4. Potts J., Cunningham S. Four Models of the Creative Industries // International Journal of Cultural Policy. 2008. Vol. 14, issue 3. Pp. 233–249. <https://doi.org/10.1080/10286630802281780>
5. Пономарева А. М., Игнатова Т. В. Разработка матрицы инновационно-креативного развития города на основе индексного метода // Вопросы регулирования экономики. 2018. Т. 9, № 3. С. 37–47. <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2018.9.3.037-047>
6. Сумина Т. Н. Творческие/креативные индустрии как вариант модернизации сферы культуры и искусства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3 (47). С. 30–36. EDN: **PBZIEL**



7. Ахметзянова Д. Н. Пространство современного города: от модернизма к эмпатическому повороту // Вестник Омского государственного педагогического университета. 2022. № 4 (37). С. 9–13. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-37-9-13>
8. Касаткина С. С. Творческие индустрии городов как потенциал реализации культурной политики государства // Вестник Омского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (34). С. 21–26. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-34-21-26>
9. Комаров В. М., Акимова В. В., Волошинская А. А. Стратегии городского развития в России и мире: сравнительный анализ // ЭКО. 2021. № 4. С. 150–171. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-4-150-171>
10. Vasin S., Gamidullaeva L., Finogeev A. Managing Stimulation of Regional Innovation Subjects' Interaction in the Digital Economy // International Journal of Economics and Business Administration. 2019. Vol. 7, issue 4. Pp. 295–306. <https://doi.org/10.35808/ijeba/344>
11. Соловьев М. С., Латкин В. В. Креативные индустрии как сектор культуры // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 5. С. 10–12. URL: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2017/06/Mezhdunarodnyj-ZHurnal-5.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).
12. Штомпель Л. А. Города, создающие нас: трансформация «культуры участия» // Градостроительное право. 2020. № 3. С. 35–38. EDN: CNUYZP
13. Хестанов Р. З. Креативные индустрии – модели развития // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 3. С. 173–196. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-3-173-196>
14. Перспективные бизнес-концепции в ресторанной индустрии / Т. А. Джум [и др.] // Экономика устойчивого развития. 2022. № 1 (49). С. 37–40. https://doi.org/10.37124/20799136_2022_1_49_37
15. Джум Т. А., Поддубная Т. Н., Заднепровская Е. Л. Ресторанный бизнес в условиях новой парадигмы // Экономика устойчивого развития. 2021. № 4 (48). С. 43–47. https://doi.org/10.37124/20799136_2021_4_48_43
16. Современные особенности инновационных стратегий развития предприятий гостиничного бизнеса / Е. Л. Заднепровская [и др.] // Новые технологии. 2022. Т. 18, № 1. С. 106–114. <https://doi.org/10.47370/2072-0920-2022-18-1-106-114>
17. Перспективы развития яхтинга как фактора привлекательности региона / Т. Н. Поддубная [и др.] // Теория и практика физической культуры. 2022. № 5. С. 43–45. URL: <http://www.teoriya.ru/en/node/15513> (дата обращения: 15.03.2023).
18. Using the Electronic Information and Educational Environment of the Tourism Industry Workers / T. N. Poddubnaya [et al.] // Amazonia Investiga. 2020. Vol. 9, no. 28. Pp. 249–259. URL: https://www.researchgate.net/publication/340856244_Using_the_electronic_information_and_educational_environment_of_the_university_in_the_training_of_tourism_industry_workers (дата обращения: 15.03.2023).
19. Хатит Ф. Р., Поддубная Т. Н., Заднепровская Е. Л. Тенденции развития сталкер-туризма среди молодежи в контексте современных социокультурных трансформаций // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия I: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 2 (259). С. 131–139. URL: <http://vestnik.adygnet.ru/files/2020.2/6278/131-139.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).
20. Mpanje D., Gibbons P., McDermott R. Social Capital in Vulnerable Urban Settings: An Analytical Framework // Journal of International Humanitarian Action. 2018. Vol. 3, issue 1. Article no. 4. <https://doi.org/10.1186/s41018-018-0032-9>
21. Pablo-Romero M. P., Molina J. A. Tourism and Economic Growth: A Review of Empirical Literature // Tourism Management Perspectives. 2013. Vol. 8. Pp. 28–41. <https://doi.org/10.1016/j.tmp.2013.05.006>
22. Лебедева Н. А., Митин И. И. От города к экзополису? Городской культурный ландшафт в гуманитарной и критической географии // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1 (36). С. 197–220. <https://doi.org/10.31249/chel/2019.01.00>
23. Формирование социального капитала городских сообществ в условиях цифровизации урбанизированной среды / В. П. Бабинцев [и др.] // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 1. С. 166–181. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.166-181>
24. Мухаметов Д. Р. Развитие человеческого капитала в «умных городах» России: сети и «живые лаборатории» // Мир новой экономики. 2020. Т. 14, № 2. С. 16–24. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-16-24>
25. Караяннис Э., Григорудис Э. Четырехзвенная спираль инноваций и «умная специализация»: производство знаний и национальная конкурентоспособность // Форсайт. 2016. Т. 10. № 1. С. 31–42. <https://doi.org/10.17323/1995-459x.2016.1.31.42>



26. Яницкий О. Н. Общество и индивид в информационной среде // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 2 (7). С. 99–110. <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2020-10206>

Поступила в редакцию 05.04.2023; поступила после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 10.07.2023.

Об авторах:

Панина Елена Александровна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник управления научной деятельностью Майкопского государственного технологического университета (385000, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Кооперативная, д. 80/6), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4998-5333>, len_le@mail.ru

Леонтьева Александра Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и социальной психологии Адыгейского государственного университета (385000, Российская Федерация, г. Майкоп, ул. Курганная, д. 303), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4084-1539>, alex_pan_2008@mail.ru

Франченко Евгений Сергеевич, кандидат технических наук, доцент кафедры общественного питания и сервиса Кубанского государственного технологического университета (350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, д. 2), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4400-6394>, zamdekfood2013@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Е. А. Панина – формулирование научного аппарата исследования; подготовка аннотации, списка литературы; сбор статистических данных и подготовка наглядного материала; критический анализ и доработка текста статьи.

А. В. Леонтьева – анализ психологических концепций креативных индустрий; обоснование статистических данных; формулирование заключения; оформление текста.

Е. С. Франченко – анализ теоретической базы; сбор фактологического материала; подготовка первоначального варианта статьи; формулирование общих выводов; критический анализ и доработка текста.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

- Weinmeister A.V., Ivanova Yu.V. “Cultural Industries” and “Creative Industries”: The Concepts Boundary. *International Journal of Cultural Research*. 2017;(1):38–48. Available at: https://old.culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2017/ijcr_1-26-2017_full.pdf (accessed 15.03.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
- Gambееva Yu.N., Smey V.M. The Role of Creative Industries in Socio-Economic Development of the Territory. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;(6):89–96. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10610>
- Makeev V.A. Social Features of the Formation of the Urban Environment. *Chelovek. Socium. Obshchestvo*. 2022;(1):10–14. Available at: <https://education-art.ru/wp-content/uploads/2022/07/%D0%A7%D0%A1%D0%9E-2022-1.pdf> (accessed 15.03.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
- Potts J., Cunningham S. Four Models of Creative Industries. *International Journal of Cultural Policy*. 2008;14(3):233–249. <https://doi.org/10.1080/10286630802281780>
- Ponomareva A.M., Ignatova T.V. Design of the Innovative and Creative Development Matrix of City on the Basis of Index Method. *Journal of Economic Regulation*. 2018;9(3):37–47. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17835/2078-5429.2018.9.3.037-047>
- Suminova T.N. [Innovatory/Creative Industries as a Variant of Modernization of the Sphere of Culture and Art]. *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2012;(3):30–36. EDN: PBZIEL
- Akhmetzyanova D.N. The Space of a Modern City: From Modernism to an Empathic Turn. *Modern City Space: From Modernism to the Empathic Turn*. 2022;(4):9–13. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-37-9-13>

8. Kasatkina S.S. Creative Industries of Cities as a Potential for the Implementation of the Cultural Policy of the State. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*. 2022;(1):21–26. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-34-21-26>
9. Komarov V.M., Akimova V.V., Voloshinskaya A.A. The Urban Development Strategies in Russia and Worldwide: Comparative Analysis. *ECO*. 2021;(4):150–171. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-4-150-171>
10. Vasin S., Gamidullayeva L., Finogeev A. Management of Stimulating Interaction of Regional Innovative Entities in the Digital Economy. *International Journal of Economics and Business Administration*. 2019;7(4):295–306. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.35808/ijeaba/344>
11. Soloviev M.S., Latkin V.V. Creative Industries as a Sector of Culture. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2017;(5):10–12. Available at: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2017/06/Mezhdunarodnyj-ZHurnal-5.pdf> (accessed 15.03.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
12. Shtompel L.A. Cities Creating Us: Transformation of the Participation Culture. *Town-Planning Law*. 2020;(3):35–38. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: CNUYZP
13. Khestanov R.Z. Creative Industries – Models of Development. *Sociological Review*. 2018;17(3):173–196. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-3-173-196>
14. Jum T.A., Tamova M.Y., Poddubnaya T.N., Zadneprovskaya E.L. Promising Business Concepts in the Restaurant Industry. *Economics of Sustainable Development*. 2022;(1):37–40. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.37124/20799136_2022_1_49_37
15. Jum T.A., Poddubnaya T.N., Zadneprovskaya E.L. Restaurant Business in the Conditions of a New Paradigm. *Economics of Sustainable Development*. 2021;(4):43–47. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.37124/20799136_2021_4_48_43
16. Zadneprovskaya E.L., Poddubnaya T.N., Panina E.A., Jum T.A. Modern Features of Innovative Strategies for the Development of Hotel Business Enterprises. *New Technologies*. 2022;18(1):106–114. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.47370/2072-0920-2022-18-1-106-114>
17. Poddubnaya T.N., Zadneprovskaya E.L., Kumpilova A.R., Sidarkov D.S. Prospects for the Development of Yachting as a Factor of Attractiveness of the Region. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2022;(5):43–45. Available at: <http://www.teoriya.ru/en/node/15513> (accessed 15.03.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
18. Poddubnaya T.N., Zadneprovskaya E.L., Jum T.A., Khatit F.R. Using the Electronic Information and Educational Environment of the Tourism Industry Workers. *Amazonia Investiga*. 2020;9(28):249–259. Available at: https://www.researchgate.net/publication/340856244_Using_the_electronic_information_and_educational_environment_of_the_university_in_the_training_of_tourism_industry_workers (accessed 15.03.2023).
19. Khatit F.R., Poddubnaya T.N., Zadneprovskaya E.L. Stalker Tourism Development Trends Among Young People in the Context of Sociological Research. *The Bulletin of the Adyghe State University: Internet Scientific Journal*. 2020;(2):131–139. Available at: http://vestnik.adygnet.ru/files/2020_2/6278/131-139.pdf (accessed 15.03.2023).
20. Mpanje D., Gibbons P., McDermott R. Social Capital in Vulnerable Urban Conditions: An Analytical Basis. *Journal of International Humanitarian Activity*. 2018;3(1):4. <https://doi.org/10.1186/s41018-018-0032-9>
21. Pablo-Romero M.P., Molina J.A. Tourism and Economic Growth: A Review of Empirical Literature. *Prospects of Tourism Management*. 2013;8:28–41. <https://doi.org/10.1016/j.tmp.2013.05.006>
22. Lebedeva N.A., Mitin I.I. From City towards Exopolis? Urban Cultural Landscape in Critical Geography & Geohumanities (Open Access). *Human being: Image and Essence. Humanitarian Aspects*. 2019;(1):197–220. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31249/chel/2019.01.00>
23. Babintsev V.P., Khripkova D.V., Khripkov K.A., Velikh P.K. Formation of the Social Capital of Urban Communities in the Context of Digitalization of the Urban Environment. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(1):166–181. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.166-181>
24. Mukhametov D.R. Development of Human Capital in Russian “Smart” Cities: Networks and ‘Living labs’. *The World of New Economy*. 2020;14(2):16–24. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2020-14-2-16-24>
25. Karayannis E., Grigoridis E. Quadruple Innovation Helix and Smart Specialization: Knowledge Production and National Competitiveness. *Foresight*. 2016;10(1):31–42. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1995-459x.2016.1.31.42>



26. Yanitsky O.N. A Society and Individual in the Information Environment. *Issues of Economic Theory*. 2020;(2):99–110. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2587-7666-2020-10206>

Received 05.04.2023; revised 29.06.2023; accepted 10.07.2023.

About the authors:

Elena A. Panina, Cand. Sci. (Sociol.), Associate Professor, Senior Researcher of Scientific Activity Management, Maykop State Technological University (80/6 Kooperativnaya St., Maykop 385007, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4998-5333>, len_le@mail.ru

Alexandra V. Leontyeva, Cand. Sci. (Ped.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Social Psychology, Adyghe State University (303 Kurgannaya St., Maykop 385000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4084-1539>, alex_pan_2008@mail.ru

Evgeniy S. Franchenko, Cand. Sci. (Engr.), Associate Professor of the Department of Public Catering and Service, Kuban State Technological University (2 Moskovskaya St., Krasnodar 350072, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4400-6394>, zamdekfood2013@yandex.ru

Contribution of the authors:

E. A. Panina – formulation of the scientific apparatus of the study; preparation of an abstract, a list of references; collection of statistical data and preparation of visual material; critical analysis and revision of the text of the article.

A. V. Leontieva – analysis of psychological concepts of creative industries; substantiation of statistical data; formulation of conclusions; text design.

E. S. Franchenko – analysis of the theoretical base; collection of factual material; preparation of the initial version of the article; formulation of general conclusions; critical analysis and revision of the text.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.



ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Редакция журнала «Регионология» публикует оригинальные научные исследования, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы. **В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати).** Мониторинг несанкционированного цитирования осуществляется с помощью систем «Антиплагиат» и CrossCheck.

Журнал приветствует статьи, имеющие потенциально высокий импакт-фактор и/или содержащие материал о значительных достижениях в указанных направлениях. Особое внимание следует уделить качеству перевода. Желательно, чтобы он был выполнен носителем английского языка.

При подготовке статьи к публикации в журнале «Регионология» необходимо учесть следующие пункты.

1. Указать **УДК**.

2. **Заголовок статьи** должен кратко и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного исследования. *Приводится на русском и английском языках.*

3. **Аннотация** (200–250 слов.) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. В ней должны быть четко обозначены следующие составные части:

1) Введение (Introduction);

2) Материалы и методы (Materials and Methods);

3) Результаты исследования (Results);

4) Обсуждение и заключение (Discussion and Conclusion).

Приводится на русском и английском языках.

4. **Ключевые слова** (5–10) являются поисковым образом научной статьи. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. *Приводятся на русском и английском языках.*

5. **Благодарности.** В этом разделе следует упомянуть людей, помогавших автору подготовить настоящую статью, организации, оказавшие финансовую поддержку. Хорошим тоном считается выражение благодарности анонимным рецензентам. *Приводятся на русском и английском языках.*

6. **Основной текст** статьи излагается на русском или английском языках.

1) Введение – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности.

2) Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделить нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт и т. д.).

4) Результаты исследования. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. *Все названия, подписи и структурные элементы графиков,*



таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках. Рисунки могут быть представлены в растровом или векторном формате с разрешением не ниже 300 dpi. Они должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Все графические данные помещаются в текст статьи, а также высылаются дополнительно в виде отдельных файлов.

5) Обсуждение и заключение. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

7. **Список литературы** (оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008). Ссылаться нужно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включенных в глобальные индексы цитирования. Желательно использовать 30–40 источников. Из них за последние 3 года – не менее 20, иностранных – не менее 15. Следует указать DOI или адрес доступа в сети Интернет. *Оформляется на русском и английском языках.*

8. **Информация об авторах.** Ф.И.О., должность и ученое звание, организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), ORCID ID, Researcher ID, Scopus ID, электронная почта, телефон, почтовый адрес для отправки авторского экземпляра. *Приводится на русском и английском языках.*

9. **Вклад соавторов.** В конец рукописи необходимо включить примечания, в которых разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. *Приводится на русском и английском языках.*

10. Авторам необходимо прислать свое фото отдельным файлом для публикации в журнале – качественный лицевой портрет в формате *jpg или *tif с разрешением не менее 300 точек (формат 10x15 см).

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Важным этапом в процессе отбора статьи является рецензирование. В журнале «Регионоведение» принято «двойное слепое» (рецензент и автор не знают имен друг друга) рецензирование статей. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации или о ее отклонении. В случае несогласия автора статьи с замечаниями рецензента его мотивированное заявление рассматривается редакционной коллегией.

Допускается свободное воспроизведение материалов журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии со ст. 1273 и 1274 гл. 70 ч. IV Гражданского кодекса РФ. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

Журнал распространяется по подписке, заявкам высших учебных заведений, учреждений образования и отдельных лиц. Подписной индекс – 73335.

Наименование журнала в базе данных Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор. Тел.: +7 (8342) 24-48-88.

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора. Тел.: +7 (8342) 32-81-57.

Гордина Светлана Викторовна – ответственный секретарь. Тел.: +7 (8342) 48-14-24.



INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *AntiPlagiat* and *CrossCheck* systems.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.
2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and



resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the *GOST R 7.0.5–2008* standard. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *.jpg or *.tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10x15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Dmitry E. Glushko – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Svetlana V. Gordina – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 48 14 24.

Регионология

Редактор *Е. С. Суркова*.
Компьютерная верстка *Е. П. Гординой*.
Перевод *А. А. Сомкина*.
Выпускающий (редактор по выпуску) *Е. П. Гордина*.
Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова*.

Подписной индекс – 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Реестровая запись ПИ № ФС77-85159 от 27 апреля 2023 г.

Подписано в печать 14.12.2023. Дата выхода в свет 29.12.2023. Формат 70х100 1/16. Усл. печ. л. 14,95. Тираж 1 000 экз. I завод – 150 экз. Заказ № 815. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.



Russian Journal of Regional Studies

Editor *E. S. Surkova*.
Desktop publishing by *E. P. Gordina*.
Translation by *A. A. Somkin*.
Sub-editor *E. P. Gordina*.
Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index – 73335.

The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); Registry Entry: PI No. FS77-85159 of 27 April 2023.

Signed to print 14.12.2023. Date of publishing 29.12.2023. Sheet size 70×100 1/16. Conventional printed sheets 14.95. Number of copies: 1,000. Print run 1: 150 copies. Order No. 815. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614
E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru
<http://regionsar.ru>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.